

Annotation

Зависть — страшное оружие слабых людей. Она может искалечить жизнь, она может убить. И даже самое большое, безмятежное счастье погибает порой под ее разрушающей лавиной... Как тесно все сплелось в один клубок. Как удачно легли карты — словно сам дьявол раскладывал этот пасьянс. Она лишь подумала, что чужое благополучие мешает ей жить, как тут же нашлось и решение. Невинная шутка — на первый взгляд. Жестокая игра безумного человека — на самом деле. А ведь, казалось бы, ну какой вред может принести уютному дому интеллигентная добрая женщина — няня?

- [Олег Рой](#)
    -
    - [ЧАСТЬ 1](#)
    - [ЧАСТЬ 2](#)
    - [ЧАСТЬ 3](#)
    - [ЧАСТЬ 4](#)
-

Олег Рой

Дом без выхода

ЧАСТЬ 1

В последнее время один лишь вид Старухи выводил Виолетту из себя. Стоило той показаться на глаза, как Виолетту буквально начинало трясти.

— Бог мой, ну что ты тут шляешься! Ни днем ни ночью покоя от тебя нет! Не видишь, что ли: я только пришла, устала, у меня неприятности! Дай хоть минутку отдохнуть!

Но Старуха, будто не слыша, невозмутимо прошествовала через комнату, уселась в кресло напротив и заерзала, устраиваясь поудобнее, давая понять, что обосновалась надолго и удаляться не собирается. Виолетта сердито ткнула недокуренную сигарету в пепельницу. К этим пепельницам — громоздким, тяжелым, из цельного хрусталя — она питала какое-то необъяснимое пристрастие. В добрые старые времена, когда была такая возможность, накупила, наверное, с дюжину, если не больше, окружила себя ими на работе — тогда она еще работала! — расставила по нескольку штук в каждой комнате в квартире и на даче. И сколько бы Анна, дочь, ни упрекала ее в безвкусице и старомодности, сколько ни пыталась заменить этих, по ее выражению, "допотопных монстров", на что-то более изящное и современное, Виолетта упорно оставалась верна массивному резному хрусталю. Тяжелые прозрачные пепельницы были для нее чем-то священным, частью таинственного ритуала, именуемого курением. Как и дорогое английское «Собрание». Еще недавно Виолетта курила только их и не признавала никаких других сигарет.

Едва войдя в квартиру, она повесила в прихожей плащ, с облегчением сбросила туфли на высоченных шпильках, прошла в одних колготках в комнату, опустилась в кресло и, скрестив длинные и все еще очень красивые ноги, с наслаждением закурила. На разноцветное «Собрание» денег уже давно не было, приходилось обходиться более дешевой отечественной «Явой». Но пепельницы, старые верные друзья, все еще оставались с ней.

— Ну как дела? Как съездила на собеседование? — ехидно поинтересовалась Старуха.

Виолетта промолчала, только потянулась за новой сигаретой. Что толку отвечать, если собеседник заранее знает все, что ты скажешь. Да

и не было у нее сейчас никакого желания обсуждать очередную, уже неизвестно какую по счету, неудачу. Сегодня ей вновь отказали в приеме на работу — и, разумеется, все по той же причине. Девчонка, которая с ней беседовала, даже не потрудилась соблюсти приличия или придумать другой предлог. В некоторых местах хоть из вежливости задавали какие-то вопросы, просили рассказать о себе и, пряча глаза, прощались традиционным: "Мы вам позвоним!" А эта, едва заглянув в паспорт, сразу же заявила: "Вы нам не подходите. У нас молодой коллектив, вы будете выделяться из общей массы и чувствовать себя неуютно". Много она понимает, сопля малолетняя! Был бы на ее месте нормальный взрослый человек, Виолетта сумела бы завязать разговор, попыталась бы убедить, что возраст совсем не помеха, что у нее, Виолетты, еще много сил, да и опыта работы с людьми ей не занимать. Но этим молодым да ранним, которые теперь взяли на себя право вершить чужие судьбы, объяснять что-либо бесполезно. По их мнению, сразу после сорока начинается старость. А старые женщины должны сидеть дома, нянчить внуков и вязать носки, а не устраиваться на работу.

Старуха злорадно улыбалась, заглядывая в лицо, словно читала по нему, как по книге. Чтобы не встречаться с ней глазами, Виолетта отвернулась и принялась осматривать знакомую до мелочей комнату. Самая большая и любимая, она служила одновременно и столовой, и гостиной. Когда-то все это было отремонтировано и обставлено по последней моде, с не слишком явным, но тщательно продуманным шиком. Теперь то там, то здесь виднелись первые признаки запустения, пока еще не явные, но уже заметные внимательному взгляду, словно желтые листья в августе, навевающие грустные и совсем не летние мысли о неизбежности дождей и холодов. Обои с неброским классическим рисунком выцвели на открытых местах, с потолка в углу осыпалась известка, на одном из кресел протерся гобелен, а громадная чешская люстра, когда-то предел мечтаний каждого советского человека, растеряла несколько подвесок, да и вообще теперь, когда настал двадцать первый век, смотрелась довольно нелепо. Виолетта вздохнула. Ей мучительно хотелось отремонтировать квартиру, придав ей стильный и современный вид, хотелось поехать по дорогим магазинам, приобрести новую мебель, навороченную технику и всякие безделушки, которых в последнее

время продается видимо-невидимо. Еще совсем недавно она могла не отказывать себе ни в чем, покупать все, что понравится. Но тогда выбор был настолько ограничен... А теперь, когда от разнообразия разбегаются глаза, у нее нет денег даже на нормальные сигареты. Проклятая Старуха никак не хотела оставить ее в покое. Посмеивалась, от чего голова ее мелко тряслась, а лицо становилось еще безобразнее.

— Что, несладко тебе приходится? — вкрадчиво поинтересовалась она. — То-то же, не все коту масленица, придет и великий пост!

— Да замолчи ты, и без тебя тошно!

Рука Виолетты дрогнула, искры с сигареты посыпались на юбку и чуть не прожгли дыру в последнем приличном костюме — только этого еще не хватало! К счастью, она вовремя успела их стряхнуть.

— А раньше-то, раньше-то, помнишь? — продолжала измываться Старуха. — Машина, квартира, дача, наряды из «Березки» да из заграницы, фрукты дефицитные прямо с овощебазы. А теперь этот сыр «Виола», твой любимый, что ты вечно по благу доставала, из-под прилавка, во всех магазинах лежит — бери не хочу. А ты не покупаешь, деньги экономишь. На колготки бережешь!

— И берегу. Что мне еще остается? — Виолетта чувствовала, что против воли опять втягивается в этот неприятный разговор, повторявшийся у них чуть ли не каждый день.

— Да уж теперь ничего! — не унималась старая ведьма. — То ли дело, пока Эдя был жив. Сидела ты у брата на шее и в ус не дула, а он, бедняжка, надрывался — и тебя кормил, и дочь твою, и своих две семьи. Вот и заездили вы мальчика, царствие ему небесное.

— Ну знаешь! — Виолетта в сердцах затушила окурок. — В том, что эти стервы, жены его, брата до инфаркта довели, я не виновата. И потом, ни у кого я на шее не сидела! Работала всю жизнь. А в том, что Эдя мне иногда денег подбрасывал, ничего особенного не было! В конце концов, он был мне всем обязан! Без меня ничего бы не добился. Опять же, я ему сестра родная! К тому же я одна дочь растила!

Виолетта никак не могла понять, почему вновь и вновь должна оправдываться перед Старухой. Господи, ну за что же ей это наказание? А та продолжала нападать:

— За квартиру третий месяц не плачено, а ты опять сегодня новую пудру купила! Сколько можно прихорашиваться-то?

— Ну и купила! — огрызнулась Виолетта. — Должна же я выглядеть как человек!

— Ишь ты — выглядеть! — захохотала Старуха. — Неужели все еще надеешься мужика себе найти?

— А хоть бы и так!

— Ну-ну! Мечтай! Только не выйдет у тебя ничего!

— Ну это мы еще посмотрим!

— Ну посмотри, посмотри! — зашипела Старуха. — На меня посмотри. Скоро, ох скоро такой же станешь. Старость-то не за горами.

Этого Виолетта уже не могла вынести. Она соскочила с кресла и заорала в полный голос так, что на чешской люстре зазвенели оставшиеся подвески: "Гадина! Да пошла ты знаешь куда!" И, не дожидаясь ответа, бросилась вон из столовой, промчалась по холлу, с шумом захлопнула дверь спальни и, тяжело дыша, остановилась перед зеркалом.

Старинное, еще прабабушкино зеркало в резной раме Виолетта любила не меньше, а может быть, даже больше, чем хрустальные пепельницы. Другие — чужие — зеркала бывали к ней и жестоки, и несправедливы, и беспощадны. Словно коварный папарацци, притаившийся за углом, чтобы подстеречь звезду в самый неподходящий момент, чужое зеркало могло застать врасплох ее некрасивой или, страшно подумать, постаревшей. Но это зеркало никогда не обманывало. Даже усталая, невыспавшаяся или больная Виолетта всегда была в нем необыкновенно, почти мистически хороша. Вот и сейчас зеркало услужливо отразило стройную женщину в элегантном сиреновом костюме из тонкой шерсти. Несмотря на побледневшее лицо и беспорядок в прическе, женщина была еще очень привлекательна и выглядела на сорок с небольшим, ну от силы на сорок пять. Если бы не паспорт, никто из этих мальчишек и девчонок, ведающих приемом на работу, никогда бы не подумал, что Виолетта на будущий год разменяет седьмой десяток.

Долго стояла она перед зеркалом, поворачиваясь так и эдак, придиричиво осматривая себя, и отошла, лишь когда совершенно успокоилась и даже почувствовала какое-то умиротворение. Напрасно

эта ведьма пугает ее предстоящей старостью, напрасно сомневается в ее привлекательности для мужчин. Виолетта точно знает — еще рано ставить на себе крест!

В половине восьмого вечера автоматические ворота закрылись за последней машиной, увозившей остатки мусора и упаковки от мебели и техники. Это означало окончательное завершение строительства. Новый дом, в который было вложено столько сил и труда, ее гордость, лучшее, что она, Тина Кириллова, сделала в этой жизни, был наконец готов.

За последние пятнадцать лет, целиком и полностью отданных любимой профессии, она вместе с мужем проектировала и руководила строительством или переделкой нескольких десятков особняков, дачных коттеджей, квартир и офисных помещений. Но работа, законченная сегодня, принципиально отличалась от всего сделанного раньше. Этот дом был задуман и создан для себя. Никаких вздорных клиентов с их абсурдными и противоречивыми требованиями. Не нужно было никому угождать и потакать дурацким капризам. Они сами заказали себе будущее жилье, сами его спроектировали, сами направляли и контролировали каждый этап строительства. А внутреннюю отделку и интерьер Стас полностью отдал на откуп жене.

Конечно, не обошлось без конфликтов. Оба супруга были специалистами в своем деле, оба упрямы, и каждый настойчиво доказывал свою правоту — дух профессионального соперничества не покидал Кирилловых никогда. Даже работая над чужими заказами, они постоянно спорили и ссорились, а уж когда речь зашла о собственном семейном гнезде... Кипели поистине шекспировские страсти, сыпались взаимные обвинения и оскорбления, Стас хлопал дверью, Тина запиралась в спальне. Какое счастье, что все позади.

И дом получился на славу. Тут было все, о чем только можно мечтать. На трех этажах расположились отдельные рабочие кабинеты для Тины и Стаса, спальня окнами в сад, просторные детские для сына Сашуры и дочки Кати, столовая, где легко могли разместиться человек двадцать гостей, кухня площадью тридцать квадратных метров, две гостиные — западная и восточная, три ванны, зимний сад, тренажерный зал и сауна с маленьким бассейном. Осторожно ступая по свежевывмытым полам, Тина еще и еще раз обходила свое творение, наслаждаясь тишиной. Через несколько минут ее детище наполнится

шумом, топотом, воплями детей, голосами взрослых, грохотом сдвигаемой мебели.

Переезд был назначен на сегодня, и теперь вся семья и прислуга ждали только ее команды, чтобы перебраться в новое жилище. Но Тина не спешила. Момент вселения, появления в доме людей всегда был для нее мучительно неприятен.

Архитектор не только по профессии, но и по призванию, Тина относилась к своей работе с тем благоговением, с каким, наверное, древние зодчие возводили храмы Зевса или Афины. В том, как появлялись на свет дома, она ощущала что-то мистическое. Вот из ничего, из пустоты, из воздуха возникает идея, обдумывается, обкатывается, рассматривается с разных сторон, потом воплощается на бумаге, превращаясь в эскиз. Пока еще это не дом, но уже его душа, зародыш, крошечный эмбрион, который может вырасти и развиться в живое существо. Затем следует долгая, кропотливая работа над проектом — данные, чертежи, расчеты... Потом строительство, постепенное движение от закладки фундамента и возведения стен к кровле и отделке. Идея воплощается на глазах, становится осязаемой, реальной, а душа дома, раньше витавшая где-то в эмпиреях, получает материальную оболочку. И пока дом создается, она живет собственной непонятной жизнью, ощутить ее дано лишь немногим посвященным. Но люди, которым не терпится вселиться в дом, знать не желают о его душе. Они торопятся набить его инородными вещами, заполнить своей суетой, начинить чуждой ему энергетикой и тем самым навсегда убить собственный мир дома, его живую душу. И каждый раз, когда Тина сдавала работу заказчику, она чувствовала себя Авраамом, приносящим своего сына в жертву.

Тина пересекла просторный холл второго этажа и вышла на лестничную площадку. Поправила чуть завернувшийся лист декоративной пальмы, присела на уютный низкий диванчик и с удовольствием погладила замшевую обивку. Сквозь высокие лестничные окна было хорошо виден старый дом. Несмотря на погожий апрельский вечер, у него был грустный вид, он словно чувствовал, что жильцы его покидают. Собственно, старым этот маленький и уютный двухэтажный коттедж был назван совершенно несправедливо — ему не было и восьми лет от роду. Тогда Тине с мужем удалось относительно недорого купить здесь, на Рублево-Успенском шоссе,

участок вместе с недостроенным домом, и они быстро, на скорую руку, поспешили его доделать — ютиться вчетвером с маленькой Катей и Тининой мамой в крошечной «двушке» на Преображенке уже было невыносимо. Но спустя несколько лет убили их соседа, бывшего, по слухам, криминальным авторитетом. Тогда-то и родилась идея нового, этого дома. После долгих переговоров наследники мафиози уступили Кирилловым его участок. Супруги быстро снесли забор и все, что наворотил их сосед, и принялись за строительство дома своей мечты. И вот наконец-то ее воплощение закончено. Отныне они будут жить здесь, а бывший «старый» коттедж станет флигелем для гостей и прислуги.

Хлопнула входная дверь, послышались энергичные шаги вверх по лестнице. Сидя на площадке, Тина наблюдала, как перед ней постепенно появляется, словно вырастая над ступеньками, фигура Стаса — модно остриженные темные волосы, смеющиеся синие глаза, знаменитая улыбка, перед которой не могла устоять ни одна женщина, широкие плечи, стройный, как у спортсмена, торс, длинные ноги... Он был удивительно хорош собой, и у Тины до сих пор радостно замирало сердце от мысли, что этот мужчина ее муж и принадлежит только ей, ей одной.

— А-а, вот ты где! — весело произнес он. — Что же ты тут делаешь, хотел бы я знать?

— Да вот, брожу, осматриваю все... — неопределенно ответила Тина.

— Ну ясно! "Мороз-воевода дозором обходит владенья свои!" — рассмеялся Стас.

— Что-то не так? — настороженно поинтересовалась она.

— Да нет же, все великолепно, ведь я уже сто раз это тебе говорил!

Просто Сашура весь извелся. Не терпится парню перебраться в свою новую комнату. Галина Ивановна просто не знает, как его утихомирить. Может, запустим их всех сюда?

— Сейчас! — Тина подошла к Стасу, положила руки ему на плечи и заглянула в лицо. Маленькая и худенькая, как подросток, она была головы на полторы ниже мужа. — Тебе правда нравится?

— Очень! — Стас обнял жену. — Вот и сбылась твоя мечта. Теперь бы еще сюда настоящую хозяйку!

— На что это ты намекаешь? — спросила Тина, отодвигаясь.

— Как на что? Дом у нас замечательный, жить в таком — одно удовольствие. А если бы ты стала проводить тут больше времени, поддерживала порядок... Ведь Галине Ивановне трудно будет справляться тут одной!

— А она и не одна, — помрачнела Тина. И надо же было Стасу вновь затеять этот неприятный разговор именно сейчас, когда у нее на душе так хорошо, так благостно. — Кухарку мы уже наняли. Три раза в неделю будут делать уборку, две женщины из Жуковки, я тебе говорила...

— Ну хорошо, а дети? — не сдавался Стас. — Сашуре на будущий год в школу, надо бы с ним позаниматься, подготовить. Сама знаешь, у него шило в одном месте, двух минут не усидит спокойно. Буквы знает, а читать не заставишь. Да и Катюшке, думаешь, интересно все время с ним возиться? Ей четырнадцать лет, хочется с друзьями погулять, своими делами заняться — а тут присматривай день и ночь за младшим братом! Да и самой ей мать сейчас во как нужна! У нее как раз переходный возраст начинается — мальчишки-фигальчики, первая любовь, мечты, свидания. А тебе с ней поговорить лишний раз некогда! Думаешь, почему она у нас такая колючая? Из вредности? Да ей просто внимания не хватает!

Тина пожала плечами:

— Детям надо нанять хорошую гувернантку, только и всего.

При одном лишь упоминании этого слова Стас тихо застонал:

— Легко сказать — нанять хорошую гувернантку! Где ее взять-то? Скоро два года, как ищем, а результат нулевой! Только попадетсЯ какая-нибудь приличная — ты ее тут же увольняешь!

— Я ее увольняю? Ты хочешь сказать, что это ты ее увольняешь!

— Лично я ни разу не уволил ни одной нормальной няни!

— Да-а? А Нину Петровну?

— Какую еще Нину Петровну?

— Ну Нину Петровну! Высокая такая, с проседью. Она пришла к нам сразу после Восьмого марта.

— А, эта швабра?! Точно, она у меня вылетела, обгоняя собственный визг. А что ты хочешь — Катька сама видела, как эта дрянь ударила Сашуру! По-твоему, я должен терпеть в доме человека, который бьет моих детей? А вот последнюю гувернантку, Поленьку,

выгнала, если помнишь, именно ты. А она, кстати, была классная. И языками с ребятами занималась, и спортом.

— И глазки тебе классно строила! "Поленька!" Юбка едва задницу прикрывает, размалевана, будто с панели! А ты и повелся!

Разговор принял нежелательный оборот, и Стас попытался успокоить жену:

— Ну вот я и говорю — гувернантку найти трудно! Давай, пока мы ее ищем, ты немного побудешь дома. Отдохнешь, придешь в себя — ведь у тебя столько сил ушло на это строительство!

— Стас! — Тина отошла к окну и смотрела вниз на начинающий зеленеть сад. — Я никак не могу понять, что у тебя за идея фикс? Я профессиональный архитектор, работаю не первый год, считаюсь хорошим специалистом и люблю свое дело. Почему тебе так хочется заживо похоронить меня дома?

— Солнышко, ну что ты такое говоришь? — возмутился Стас. — Ты посмотри на свою подругу, на Марьянку. Разве она похожа на заживо похороненную? Жизнерадостная, цветущая, ухоженная. Дома у них все блестит, а на обед такая вкуснятина, что пальчики оближешь — сама, между прочим, готовит, без всяких кухарок! И это несмотря на все то, что она пережила.

— А ты не замечаешь, какой пустышкой она стала с тех пор, как бросила работу? С ней теперь поговорить не о чем — в голове одни тряпки, рецепты салатов да витаминные маски! А теперь от нечего делать в мистику ударилась! Откровение на нее, понимаете ли, снизошло! Блаватская доморощенная! Экстрасенс-домохозяйка!

— Тинка, зря ты так о ней! Ну интересуется человек эзотерикой, так сейчас это модно, многие увлекаются. И не пустышка она. И читает, и на выставки ходит, и в театры. Вот только позавчера они с Катюшкой где-то были — то ли в «Сатириконе», то ли в "Современнике".

Тина не обернулась, только хмыкнула.

— Кстати о Катюшке, — продолжал Стас. — Разве ты не видишь, как она к Марьяне тянется? Они как подружки! А все потому, что девочке в этом возрасте необходим кто-то взрослый, кто поговорит по душам, выслушает, совет даст. Марьянка это понимает. А ты только кричишь на девчонку — вот она и злится на тебя, грубит.

— Слушай, ну раз я такая плохая, зачем ты женился на мне, а не на Марьяночке своей расчудесной? — в сердцах выкрикнула Тина. — У вас, помнится, все было тип-топ?

В глазах у нее блеснули слезы, и Стас не на шутку встревожился. Осторожно приблизившись к жене, он нежно обнял ее за плечи и прижал к широкой груди.

— Ну ладно, не плачь. Не хотел тебя обидеть. Пойми, как всякий нормальный мужик, я хочу, чтобы жена была дома — разве это плохо?

Почувствовав, что выиграла этот раунд, Тина шмыгнула носом и уткнулась лицом в его пушистый свитер:

— Пойми, нормальный мужик, у тебя ненормальная жена! Я ведь не просто супруга шефа, я главный архитектор твоей же собственной фирмы! Как ты собираешься работать без меня? Тем более сейчас, когда мы получили бюджетный заказ на проект гимназии!

Стас промолчал. Конечно, он мог бы напомнить Тине, что она не единственный главный архитектор в проектной компании «СТК-проект», есть и другие специалисты, но он не стал этого говорить.

— И кстати о гимназии, — поинтересовалась Тина, искоса поглядывая на мужа. — Как ты думаешь, Федоров, муж твоей любимой Марьяночки, не подозревает, каким образом мы получили этот заказ? Продолжает верить, что мы победили в конкурсе?

Стас нахмурился.

— Лешка не первый день в бизнесе, — проговорил он. — Сам должен был догадаться, что с этими бюрократами иначе нельзя. Не подмажешь — не поедешь. Только идиот подает материалы на конкурс и ждет у моря погоды. Действовать надо, пути искать, а не задницу отсиживать!

— Ну ладно, — вздохнула Тина. — Темнеет уже. Пора идти за детьми. Когда Стас и Тина появились на пороге старого дома, домработница Галина Ивановна встретила их, как посланников Бога. Сашура, с нетерпением ожидавший переезда, стал совершенно неуправляемым.

— Ма, па, ну куда же вы подевались! — завопил он, бросаясь к родителям. — Я жду, жду!

— Галина Ивановна, вы собрали Сашурины вещи? — Тина безуспешно пыталась уgomонить скачущего вокруг них мальчишку.

— Да еще днем собрала! Он уже дважды все разбросать успел!

— Ну идем, идем! Вернее, едем! — Стас подхватил сына и посадил к себе на плечи. — Галина Ивановна, скажите Витьку, пусть они с ребятами все перенесут. А где Катюшка?

— Где же ей быть? У себя сидит! — Галина Ивановна уже суетилась, вынося из детской пузатые пакеты, доверху набитые разноцветными игрушками.

— Она хоть собрала свои вещи? — спросила Тина.

— Не могу сказать, — растерялась домработница. — Я ей несколько раз говорила, но она велела отстать. Вы же знаете, она у нас с характером. — Катя! Катя! — закричала Тина, но ответа не дождалась. Ей ничего не оставалось, как самой направиться к дочери.

Тина вбежала в комнату и от души грохнула дверью, но Катя даже не повернулась на шум. Возможно, она и вправду ничего не слышала — в ушах у нее были наушники. «Врубить» магнитофон, как это принято у молодежи, ей не разрешали — в "старом доме" оказалась неважная звукоизоляция, музыка мешала Сашуре и раздражала Тину. Поэтому Катя целый день не расставалась с плеером.

Всем своим видом девочка показывала, что суета переезда ее не касается. Она сидела на диване, скрестив обтянутые черными джинсами ноги. Глаза ее были закрыты, лицо занавешено длинными темными волосами, худенькое тело ритмично покачивалось в такт музыке.

— Катя! Катерина, я кому говорю! — Тина дернула провода наушников. Катя открыла карие глаза и уставилась на мать с таким изумлением, словно видела ее впервые в жизни:

— Тина? Ты чего?

— К твоему сведению, мы переносим вещи в новый дом. Ты готова?

— Да? А что ж ты раньше ничего не сказала?

— Мы уже неделю только об этом и говорим!

— Правда? А я ничего не слышала!

— Прекрати надо мной издеваться! И немедленно собери вещи!

— Не шуми, Тина! Музыки не слышно! Сейчас, только песню дослушаю.

— Хватит! — Тина протянула руку и отключила лежащий на диване плеер. — Собирайся немедленно, или я не знаю, что с тобой сделаю!

— Да, ладно, ладно, не бузи! Уже собираюсь. — Катя встала на колени и, повернувшись к стене, принялась осторожно отклеивать висящий над кроватью постер.

— Ты что, собираешься повесить эту дрянь в новом доме?

Лицо Кати потемнело, глаза стали совсем черными.

— Это не дрянь, мама, — тихо проговорила она таким тоном, каким самые терпеливые из учительниц младших классов восемнадцатый раз объясняют ученикам, что «жи-ши» пишется с буквой «и». — Это Виктор Цой, легенда русского рока, величайший поэт и музыкант всех времен и народов.

— В новом доме твоя комната выдержана в едином стиле и оклеена обоями по тридцать долларов за рулон. И я не потерплю, чтобы на них ляпали скотчем какие-то журнальные вырезки!

— Хорошо, тогда я останусь жить здесь. — Катя невозмутимо уселась на диван и вновь потянулась к плееру.

В такие минуты Тина была готова убить свою дочь. Ей-богу, в этот вечер все словно сговорились против нее! Сначала Стас со своей навязчивой идеей превратить ее в домохозяйку, теперь Катя... Но если справляться со Стасом Тина умела, то Катерина последнее время совсем отбилась от рук. Между матерью и дочерью постоянно шла подпольная война, конфликты разгорались из-за любой мелочи. Причем скандалила, шумела и кричала только Тина. Катя оставалась нарочито спокойной, дерзила как-то равнодушно, словно нехотя, и этим особенно выводила Тину из себя.

Вот и теперь, начавшись из-за пустяка, ссора грозила перейти в серьезный скандал, и неизвестно, чем бы закончилась, если бы из холла вдруг не донеслись оживленные голоса. Среди них выделялся один — женственный, низкий и мелодичный.

— Марьяна! — взвизгнула, как щенок, Катя и, слетев с дивана, унеслась вон из комнаты.

"Федоровы, — подумала Тина, отправляясь вслед за дочерью. — Прискакали уже, не терпится им творение мое увидеть! Ну ладно, смотрите, теперь можно. Уж я тебя, Марьяночка, удивлю так удивлю. Лопнешь от зависти!"

Неожиданный приезд гостей нарушил все планы. Галина Ивановна металась, не зная, что делать — то ли продолжать перетаскивать вещи в новый дом, то ли мчаться на кухню и спешно

вносить коррективы в меню позднего ужина. Двухметровый охранник Витек, похожий на большую и добрую собаку, переминался с ноги на ногу, держа в руках коробку с детской железной дорогой, и растерянно переводил взгляд с хозяина на хозяйку и обратно, ожидая дальнейших указаний. Стас был раздосадован, но стремился это скрыть, изображая радушного хозяина. Сашура путался под ногами у взрослых. Алексей Федоров, высокий, уже заметно располневший блондин с намечающимися надо лбом залысинами, чувствовал себя как-то неловко. И только Марьяна, статная, элегантно одетая брюнетка, обладавшая яркой «цыганской» внешностью, держалась как ни в чем не бывало.

— А вот и Тина! Здравствуй, дорогая! — проговорила она, наклоняясь, чтобы поцеловать подругу. — Извини, что без предупреждения, не удержались! Так любопытно взглянуть, что же это за чудо такое вы сотворили! Проезжали тут недалеко, дай, думаем, заглянем! Тем более что для Катюшки подарок есть. Была сегодня в центре, заскочила на Кузнецкий, к "Дяде Боре", и купила тебе одну штучку.

— Что? Что купила, Яночка? — У Кати загорелись глаза. От того вредного существа, которое только что так по-хамски разговаривало с Тиной, не осталось и следа.

— Ну потом посмотришь, потом, — одергивал дочку Стас.

Но Катя не отставала, и Марьяна, улыбаясь, показала прозрачный целлофановый пакет с чем-то темным внутри. Катя торопливо развернула подарок и взвизгнула от восторга. Это была черная футболка с картинкой. Скрестив руки на груди, с нее мрачно глядела легенда русского рока, величайший поэт и музыкант всех времен и народов.

— Такой у тебя еще, кажется, нет, правда? — заботливо спрашивала Марьяна. — Размер, конечно, не твой, великовата будет, но ты ведь не любишь носить облегающее.

— Янка, я тебя обожаю! — Катя повисла у Марьяны на шее. — Витя, — подлетела она к охраннику, — посмотри, что мне Яна привезла!

— Отпад! — оценил тот, тепло глянув на девочку. — Станислав Алексеевич, ну что с вещами-то делать? Тащить в тот дом или как?

— Или как! — решительно ответила Тина. — Переезд откладывается до завтра. Виктор, отнесите железную дорогу и можете быть свободны. Галина Ивановна, приготовьте, пожалуйста, легкую закуску, ужинать будем минут через сорок. А ты, Катерина, иди уложи брата. Ему давно пора спать.

— Ну, Тина! Почему опять я? Мне так хочется побыть с гостями! — Катя прижалась к Марьяне, и та погладила девочку по длинным спутанным волосам.

— Потому что я так сказала! Стас! Объясни дочери, я не могу с ней разговаривать!

— Катюшка, ну пожалуйста! Ты же знаешь — у Сашуры опять нет няни, кроме тебя, уложить его некому. Прошу тебя, выручи нас!

— Ладно, пап. Только ради тебя! — серьезно ответила Катя. Она расцеловалась с Марьяной, клятвенно пообещавшей, что они завтра же созвонятся, попрощалась с Алексеем и, поймав за руку скачущего по ступенькам Сашуру, потащила его в детскую. — Идем, малой!

— Только, чур, ты поиграешь со мной в покемонов! — Сашура был современным ребенком и никогда не упускал своей выгоды.

— Ладно, поиграю, куда я денусь.

— Ну что? Начнем экскурсию? — Тина вся дрожала от нетерпения.

— Давай веди, подруга, хвастайся! — Марьяна первая покинула холл, остальные потянулись за ней.

На крыльце Стас чуть замешкался, удержал приятеля рядом с собой.

— Слушай, Лешка... Ну, в общем... Это я про заказ тот бюджетный, на гимназию. Ты уж не обижайся на меня, так получилось.

— Да ладно, старик, — отвечал Алексей, хлопнув его по плечу. — Мы с тобой не пятиклассницы, чтобы друг на друга обижаться. Это бизнес. Кто смел, тот и съел, какие могут быть обиды. Идем скорее, видишь — девчонки ждут.

Покусывая кончик фломастера, Виолетта старательно изучала объявления в газете "Работа для вас". Делала она это уже без особой надежды, можно сказать, по привычке. Она давно поняла, что шансы найти работу по объявлению были у нее ничтожно малы — слишком уж несовместимы ее пожелания и требования работодателей. Идти в

уборщицы, курьеры или торговать лечебной косметикой Виолетта считала ниже своего достоинства. Ей нужна удобная, стабильная и непыльная работа, не требующая специальной подготовки и при этом обязательно высокооплачиваемая. Что-нибудь вроде помощника руководителя, офис-менеджера, специалиста по кадрам или, на худой конец, гувернантки в богатой семье. Но найти что-нибудь в этом роде очень непросто. Руководители обычно берут себе в помощники и даже в офис-менеджеры исключительно молоденьких и непременно с внешностью фотомоделей. Те же, кого интересуют опыт работы и профессиональные навыки, требуют знания компьютера и иностранных языков — а ни того, ни другого у Виолетты нет. Устроиться специалистом по кадрам без психологического образования тоже невозможно. И даже для гувернантки предпочтителен возраст до сорока, максимум сорока пяти. Словом, вариантов немного.

Вот и на этот раз в целой газете оказалось лишь три более или менее подходящих объявления. Первый телефон был глухо занят, во втором привычно ответили: "Пришлите резюме, если ваша кандидатура нас заинтересует, мы перезвоним". И, наконец, по третьему — это было новое агентство с идиотским названием "Под крышей дома твоего", занимавшееся подбором персонала в российские и зарубежные семьи, — ей милостиво разрешили приехать и заполнить анкету.

Виолетта положила трубку радиотелефона на базу и принялась собираться, ощущая где-то в глубине души давно забытый подъем. Не то чтобы она много ждала от этой поездки. Но день сегодня был на удивление погожим, по-настоящему весенним, за окном пели птицы, и на паркете лежали теплые солнечные пятна, на которые так приятно было наступать босыми ногами. В такие минуты ей всегда хотелось верить, что жизнь еще не кончена и впереди будет много хорошего. Надо только суметь взять то, что предложит судьба. В дверях спальни возникла Старуха. Она уже несколько раз показывалась за спиной, пока Виолетта читала газету, но та делала вид, что не замечает ее. Вот и сейчас Старуха явно хотела что-то сказать, но Виолетта отмахнулась: "Уйди, мне не до тебя, я спешу!" И Старуха скрылась, но вместо нее на пороге появилась Анна. Виолетта с неудовольствием поглядела на дочь.

По какой-то коварной шутке природы Анна получилась похожа на мать, но так, как бывает похож на яркий красочный рисунок его бледный оттиск, сделанный под копирку. Обе были блондинками, хорошего роста, стройными и худощавыми. Но если в Виолетте кипела энергия и она привлекала к себе внимание, то Анна была из тех, кто не запоминается даже после нескольких встреч. Лицо, напрочь лишенное индивидуальности. Широко расставленные глаза придавали ей некоторое сходство с черепахой, но это можно было заметить, только тщательно приглядевшись. Как-то раз один из приятелей Виолетты, актер Никита Ордынский, желая польстить Анне, сказал, что подобная внешность идеальна для перевоплощения — на таком лице можно рисовать все, что угодно. И, кстати, Виолетта периодически этим занималась. Время от времени ей приходила в голову идея создать дочери новый имидж. Тогда они вместе отправлялись по магазинам и салонам красоты. Разодетая и покрашенная, Анна, как по мановению волшебной палочки, становилась если не красавицей, то, по крайней мере, интересной женщиной. Видимо, у нее действительно были незаурядные актерские способности — перевоплощалась она легко и очень убедительно могла сыграть любую роль, от разбитной девахи из ночного клуба до настоящей светской львицы. Но стоило ей выйти из образа, смыть макияж и снять наряд, как она вновь превращалась в бесцветную моль.

— Ты говоришь по телефону? — поинтересовалась Анна.

— Уже нет, а что?

— Мне показалось, ты с кем-то разговаривала.

— Ни с кем я не разговаривала. Я собираюсь на собеседование.

— Правда? Хоть бы на этот раз куда-нибудь устроилась. Ты, кстати, не забыла, что нам пора платить за Интернет?

Замкнутая и не слишком контактная в обычной жизни Анна могла проводить в Интернете ночи напролет. Что она там делала, с кем общалась, Виолетта не вникала. Наоборот, сначала даже приветствовала это ее увлечение — может, познакомится таким образом с кем-то, устроит свою жизнь. Но время шло, а виртуальное общение почему-то не превращалось в реальное. Анна бледнела и становилась еще более нервной и раздражительной.

— У меня нет денег на твой Интернет! — жестко сказала Виолетта. — Если тебе это так нужно, иди сама ищи работу.

— Ну ма-а! — заныла дочь. — Ты же знаешь, у меня после развода депрессия. И врач сказал: мне требуется длительный реабилитационный период.

— Ишь ты, депрессия, период... Можно подумать, мне ничего такого не требуется! — Виолетта действительно рассердилась, но, как ни странно, настроение от этого не ухудшилось. Наоборот, она почувствовала себя еще более уверенной и энергичной. — Все, я пошла, пока. Закрой на нижний замок, мне неохота доставать ключи!

Виолетта привычно заглянула в любимое зеркало и осталась вполне довольна собой. На миг рядом с ее отражением возникло лицо Старухи. Впервые за долгий срок на нем не было ни усмешки, ни издевки, наоборот, Старуха дружески кивнула и подмигнула ей. Виолетта совсем развеселилась.

Это был добрый знак.

Еще каких-нибудь три года назад Виолетте и в голову не могло прийти, что когда-нибудь она будет нуждаться, отказывать себе в самом необходимом и искать работу по объявлениям. Вплоть до той кошмарной ноябрьской ночи, когда разорвавший сладкий предутренний сон телефонный звонок возвестил о смерти брата, она действительно, как говорят в народе, горя не знала. Везение и благополучие сопутствовали ей с самого появления на свет. Родилась Виолетта в сорок четвертом, под грохот салюта в честь снятия блокады Ленинграда, но отцом ее был не демобилизованный из-за контузии солдат, а довольно крупный чиновник, руководивший продовольственным снабжением одного из центральных районов Москвы. К тому времени ему уже минуло сорок два, его супруга приближалась к тридцатилетию, и потому родители нарадоваться не могли долгожданному первенцу. Дочку решено было назвать Виолеттой, как героиню «Травиаты» Верди — мать, подобно большинству женщин тех лет, была страстной поклонницей оперы. Как и положено жене большого начальника, она не работала и с охотой посвящала ребенку все свободное время, остававшееся от посещений портнихи, маникюрши, рынков и вновь открывавшихся магазинов. Но и когда матери не было дома, девочка постоянно находилась под присмотром домработницы, бабушки и незамужней тетки. Отец же бывал дома редко, но в дочке души не чаял. Заласканная и избалованная, Леточка ни в чем не знала отказа. В голодное и нищее

послевоенное время она не только всегда ела досыта, но и была разодета как куколка в американские и трофейные немецкие платица. Виолетте было пять с половиной, когда в семье неожиданно появился еще один ребенок. Привыкнув быть в центре внимания, она сначала очень растерялась и никак не могла взять в толк, с чего это вдруг взрослые, раньше исполнявшие все ее желания и капризы, в один миг почти что забыли о ней и занялись этим постоянно орущим маленьким существом, которое почему-то называется ее братом. Но так как она была умной девочкой, то вскоре поняла, что роль старшей сестры имеет не только свои тяготы, но и свои преимущества. Крошечный Эдя неотлучно, как хвостик, следовал за ней, смешно и трогательно пытался копировать все, что она делала или говорила. Сестра была для него образцом и непререкаемым авторитетом, и Леточка без особого труда научилась им управлять. Используя то силу, то хитрость, то ласку, она могла заставить брата сделать все, что ей было нужно, и наслаждалась своей властью.

В семь лет Виолетта в белых шелковых бантах и кружевном фартуке, на зависть неимущим одноклассницам, впервые села за парту. Молоденькая учительница сразу же выделила из общей массы высокую бойкую девочку, уже умеющую читать и считать до ста. Аккуратная и старательная Летта училась на пятерки.

А через пять лет привела в школу маленького Эдю. Брат и сестра были неразлучны. К великому удовольствию родителей, Леточка с энтузиазмом приняла на себя роль воспитательницы, проверяла у Эди уроки, заступалась за него во дворе и строго следила за тем, тепло ли он одет и вовремя ли поел.

С первого класса и до самого выпускного вечера Виолетта была вечным общественным лидером — сначала октябрятским, потом пионерским, затем комсомольским. Ее истинным призванием было весьма популярное в те годы так называемое "шефство над отстающими". Возможность подчинять себе других, заставлять их делать то, что она считала нужным, и становиться такими, какими она хотела их видеть, доставляла Виолетте ни с чем не сравнимое наслаждение.

Закончив школу, разумеется с золотой медалью, она не колеблясь решила поступать в педагогический институт. Но так как склонности ни к какому конкретному предмету не имела, выбрала профессию

методиста. Отец был готов всячески содействовать своей любимице, но его помощь не понадобилась — Летта легко и уверенно сдала вступительные экзамены, набрала на целый балл выше необходимого проходного и без проблем была зачислена на первый курс Педагогического института имени Ленина.

Веселая студенческая жизнь ошеломила Виолетту, захлестнула, словно морская волна. Только сейчас она с удивлением открыла, сколько новых, доселе неизведанных удовольствий может подарить жизнь, и твердо решила не упустить ни одного. Тем более что, имея такого отца, они с Эдей могли себе позволить гораздо больше, чем многие сверстники. Настала пора выйти из образа «пай-девочки». Долой косички и банты! Их место заняла прическа «бабетта» — высокий пучок, как у французской артистки Брижит Бардо, а школьную форму сменило ультрамодное синтетическое мини-платье, привезенное из Парижа папиным приятелем, сотрудником МИДа. Виолетта выучилась курить, пользоваться косметикой и танцевать под джаз. Но все это ничуть не мешало ей оставаться на хорошем счету — все сессии, от первой до последней, Летта сдавала только на «отлично». На первом же комсомольском собрании ее избрали комсоргом курса, на третьем — секретарем комсомольской организации факультета, а к пятому она уже стала кандидатом в члены КПСС. Слово «распределение», вызывавшее ужас у выпускников тех лет, ее не пугало. Виолетта была уверена, что любящий папа не позволит "заслать за Можай" ненаглядную дочурку. Так и произошло. Пара телефонных звонков — и обладательница красного диплома устроена методистом в роно Краснопресненского района.

Энергичная и деятельная, Виолетта принялась настойчиво продвигаться вверх по служебной лестнице. Охотно общалась с людьми, завязывала многочисленные знакомства и быстро поняла, как они могут быть полезны. Круг ее общения всегда был очень широк, она потеряла счет друзьям, приятелям, поклонникам. Виолетта любила вкусно поесть, модно одеться, ей нравились красивые вещи и хорошие книги. В то время все это можно было приобрести только используя связи, и она активно заводила знакомства. Следующей ступенью после роно стало Управление народного образования, затем — министерство, где Виолетта и закрепилась окончательно, меняя только должности и отделы.

Занимаясь карьерой и личной жизнью, Виолетта ни на минуту не забывала о брате. Эдя всегда оставался для нее самым любимым педагогическим экспериментом. Она не только выбрала для него подходящий институт — Академию внешней торговли, но и сама съездила к двум-трем высокопоставленным знакомым отца, чтобы те помогли с поступлением. На младших курсах у Эди были трудности с высшей математикой, и сестра лично улаживала проблемы несданных экзаменов и зачетов с помощью денег и женского обаяния. А когда Эдик закончил институт, Виолетта, используя уже собственные, а не отцовские связи, выхлопотала ему тепленькое местечко во Внешторге.

Работа в Министерстве образования обеспечивала ей безбедное существование. Устроить своего ребенка в хороший детский сад или престижную школу с языковым уклоном хотелось всем — и директорам магазинов, и заведующим овощными базами, и начальникам складов... Знакомые и знакомые знакомых обращались к Виолетте и, разумеется, были благодарны ей за помощь. Все жили тогда по принципу "ты мне — я тебе", и Виолетта понимала это лучше, чем кто бы то ни было. Используя нужные связи, она могла «достать» почти все, ездила на васьковской «шестерке», каждый год отдыхала по две недели в Крыму и в Прибалтике, ходила на все премьеры в модные театры, питалась деликатесами и одевала себя и дочь только в «Березке». Воспитанием Анны она занималась так же, как когда-то воспитанием брата: строго контролируя, подчиняя себе и формируя личность по придуманному ею сценарию.

Перестройке Виолетта сначала обрадовалась. Перед ней открывались великолепные перспективы — взять хотя бы поездки за границу, и не в какую-нибудь там Болгарию, где она уже несколько раз побывала, а в Италию, Францию, США, о которых она давно мечтала. Наблюдая, как быстро и легко богатеют в новой обстановке самые смелые и оборотистые, Виолетта поняла, что пришла пора ловить за хвост птицу удачи.

Начать собственный бизнес она не решилась, да и необходимости в этом не было — для этой цели отлично подходил брат Эдуард, профессиональный экономист и специалист по торговле. Во Внешторге он занимался поставками писчей бумаги из Финляндии и теперь, благо представилась такая возможность, мог использовать уже наработанные каналы. Благодаря активной помощи Виолетты он

относительно легко сумел преодолеть все бюрократические препоны. Сразу после летнего путча 1991 года и окончательной победы демократии в стране он основал собственное СП — совместное предприятие по оптовой и розничной торговле. Бизнес развивался успешно, фирма набирала обороты, и уже через два года Эдик стал очень состоятельным человеком. Виолетте же оставалось только намекнуть брату, чтобы не забывал и об ее интересах. С тех пор Эдя постоянно ссужал ее деньгами, считая это в порядке вещей. Но сама Виолетта тоже даром времени не теряла. Узнав из верных источников о грядущей инфляции, она поторопилась вложить свои сбережения в картины, антиквариат и ювелирные изделия. Сделано это было удивительно вовремя — вскоре деньги стали стремительно обесцениваться, а расходы, наоборот, постоянно росли. На пустовавших несколько лет прилавках стали появляться новые зарубежные товары. Жаждавшая жизненных удовольствий Виолетта с восторгом принялась скупать все, что могла — от французских йогуртов «Данон» и эксклюзивной одежды в магазинах на Тверской до удачно подвернувшегося почти нового "фольксвагена".

К тому же у нее подрастала дочь, которую тоже нужно было кормить, одевать и учить. Виолетта постоянно чувствовала себя в долгу перед Анной, испытывая к ней какую-то странную, почти болезненную любовь, смешанную с жалостью, словно ощущала себя виноватой перед ней за собственную привлекательность.

Действительно, на фоне яркой матери бледная Анна выглядела особенно невзрачной. Привыкнув во всем подчиняться энергичной Виолетте, дочь полностью доверила ей свою жизнь. Все решения, начиная от фасона платья и заканчивая выбором института, принимала Виолетта. Даже обоих мужей для дочери она нашла сама, причем подобрала их из числа своих бывших любовников. Анне было девятнадцать, когда мать выдала ее замуж за предпринимателя, будущего миллиардера. Однако супруги не прожили и полугода: стоило Виолетте лишь на минуту ослабить бдительность, как бизнесмен бросил ее дочь ради какой-то модельки.

Словом, девяностые годы оказались для Виолетты столь насыщенными, что времени на работу у нее почти не оставалось. Она занимала уже довольно высокую должность и считала, что дела в министерстве идут сами собой. Машина была давно налажена,

подчиненные и заместители прилежно трудились каждый на своем участке, и вмешательство Виолетты практически не требовалось. Но времена изменились, а занятая собственными заботами Виолетта отстала от жизни. Ее ловкости хватало лишь на то, чтобы подстраиваться под колебания осуществляемой «сверху» политики, но заговор против нее созрел «снизу», в недрах министерства. И как только Виолетте исполнилось пятьдесят пять, ее тут же проводили на пенсию.

Сначала Виолетта не слишком огорчилась. Наоборот, у нее появилось много свободного времени, что оказалось весьма кстати — необходимо было сделать в квартире евроремонт, а также купить новый автомобиль (Виолетте давно нравились японские модели). Предстояло также выдать второй раз замуж дочь. О деньгах Виолетта не беспокоилась — дела Эдуарда шли неплохо, и даже неожиданно обрушившийся на страну дефолт обошел его стороной. Уйдя с работы, Виолетта решила, что настала ее пора. Наконец-то она сможет отдохнуть и пожить в свое удовольствие! Она с энтузиазмом погрузилась в тот образ жизни, который, по ее представлениям, ведут пенсионеры на Западе: занялась собой, ездила в туристические поездки, и даже завела очередной роман. Два первых пенсионных года, пришедшиеся на конец века, стали чуть ли не самыми счастливыми в ее жизни.

Гром грянул среди ясного неба. Вскоре после своего пятидесятилетия Эдуард внезапно скончался от обширного инфаркта. За несколько лет до смерти он оставил семью и двух почти взрослых детей и ушел к своей секретарше, и теперь две жены, нынешняя и бывшая, устроили такую грызню из-за наследства, что даже выдавшей виды Виолетте стало не по себе. Эдя упомянул сестру в завещании, но, чтобы получить свою долю, ей необходимо было судиться с вдовами. Виолетта приняла бой, наняла по рекомендациям знакомых адвокатов, но все равно проиграла дело. Завещание было оспорено. То ли ее адвокаты были недостаточно хороши, то ли бывшие жены Эдика оказались более ловкими, чем его сестра, но, так или иначе, решение суда оказалось не в ее пользу.

Для Виолетты настали трудные времена. Сбережения, большая часть которых была потрачена на адвокатов, таяли как дым. Картины, антиквариат и даже новую машину — «японочку», как любовно

называла ее Виолетта, — пришлось продать. Остались только старенький «фольксваген», которым теперь пользовались лишь в исключительных случаях, любимая дача да хорошая, еще от родителей, квартира на Профсоюзной. Нужно было срочно что-то предпринимать, и Виолетта решила задействовать старые связи.

Сначала она думала открыть свое дело и обратилась к наиболее состоятельным знакомым, чтобы занять денег и собрать необходимый начальный капитал. Но тут ее постигло глубокое разочарование — никто не дал ей в долг назначенной суммы. Варианты отказов были разные: кто-то мялся и жаловался на собственные трудности, кто-то обещал перезвонить и бесследно исчезал, кто-то решительно заявлял, что принципиально не одалживает денег друзьям, кто-то, пряча глаза, вручал пару сотен долларов ("Извини, но это все, чем я тебе сейчас могу помочь!").

Находились даже такие, кто без зазрения совести предлагал ей деньги под грабительские проценты — и это после стольких лет знакомства и взаимовыручки, после всего, что она для них сделала!

Виолетта была просто ошеломлена. У нее в голове не укладывалось, как это люди, которых она знала много лет, могли так измениться. Взять в банке ссуду под залог имущества Виолетта не рискнула, и с идеей собственного дела пришлось распрощаться. Но на что жить, как содержать дочь? В довершение всех бед второй муж Анны, талантливый ученый, также не оправдал надежд. Уже через месяц совместной жизни молодая женщина обнаружила, что ее супруг не просто выпивает, а пьет, можно сказать, по-черному. В ход пошло все — уговоры, скандалы, угрозы, лечение, кодирование, даже ворожба, но ничего не помогло. Наутро после празднования третьей годовщины свадьбы Анна собрала свои многочисленные чемоданы и вернулась в родительский дом. Она выросла в достатке, привыкла к тому, что все ее прихоти исполняются, и искренне не понимала, почему вдруг должно быть по-другому. Анна объявила, что у нее нервный срыв после развода и ей нужен хотя бы год спокойной жизни, чтобы восстановить здоровье и прийти в себя.

Конечно, можно было бы продать квартиру, подыскав взамен что-то более дешевое — меньшей площади и в непрестижном районе. Вырученные деньги дали бы возможность нормально существовать несколько лет. Но на такой шаг Виолетта не могла решиться.

Недвижимость дорожала с каждым днем, и Виолетта не сомневалась, что проиграет на этой сделке. Да и расставание с отчим домом оказалось выше ее сил. Квартира родителей была для нее последней пристанью, единственным оставшимся из прошлой жизни воспоминанием о былом благополучии. Она не решилась даже на промежуточный вариант — временно сдать свою трехкомнатную, а самой перебраться куда-нибудь на окраину. Сама мысль о том, что здесь поселятся чужие люди, будут ходить по ее комнатам и пользоваться ее вещами, была невыносима.

Оставался один выход — искать работу, не извозом же ей, женщине, заниматься! Но даже с этим возникли проблемы. Выяснилось, что, по большому счету, Виолетта не умела ничего делать. У нее не было никакой «ходовой» специальности, она не знала компьютера, а английским языком владела лишь настолько, чтобы объясняться с обслуживающим персоналом турецкого или египетского отеля. Старые связи не помогли и здесь. Выяснилось, что почти все бывшие приятели давно вышли на заслуженный отдых, а их детям-бизнесменам нет до нее никакого дела. Они неохотно разговаривали с ней, обещали «подумать» и чаще всего тут же забывали о ее существовании. А их немногочисленные предложения ни в коей мере не могли устроить Виолетту. Один из таких «сыночков», например, даже предложил ей готовить обеды для своей фирмы. Оскорбленная Виолетта швырнула трубку. С огромным трудом ей удалось устроиться офис-менеджером в редакцию новорожденного иллюстрированного журнала, но она не проработала и трех месяцев — финансирование прекратилось, журнал так и не вышел, а сотрудников редакции распустили.

Виолетта пачками скупала газеты о вакансиях, звонила по объявлениям, ездила на собеседования, но почти везде получала отказы — работодателей не устраивал ее возраст, отсутствие необходимого опыта и профессиональных навыков. За три года Виолетта успела побывать и рекламным агентом, и менеджером по поиску клиентов, и дистрибьютором бытовой химии. Но ни одна из этих работ не оказалась стабильной, не принесла ожидаемых денег и чувства уверенности. Однажды Виолетта дошла до того, что даже позвонила тому «сыночку» — мол, согласна и на готовку, но тот со злорадством в голосе отказал ей. Вот уже полгода им привозят обеды

из ресторана. И все же, несмотря на заботы о хлебе насущном, Виолетта не унывала. Она верила, что все наладится, что она встретит мужчину своей мечты, который подарит ей все, чего она заслуживает. Надо только его поискать.

Старенький «ауди» трусил лениво и неохотно, где-то в глубине металлического нутра раздавался подозрительный звук. "Подвеска стучит, — с досадой подумал Алексей. — Блин, только этого не хватало! На автосервис нет ни времени, ни денег. Но делать нечего, придется выбраться на той неделе. Ремень подтянуть, колодки тормозные проверить... Хорошо бы и покрышки сменить. На левом переднем резина совсем лысая..."Задумавшись, Алексей вел машину чисто автоматически, и только многолетнее чутье водителя спасло его, заставив резко повернуть руль: стильный серебристый «шевроле», игнорируя все правила, обогнал его и промчался в каких-то нескольких сантиметрах от его старушки, прижав ее к обочине.

"Вот черт, чтоб тебе пусто было! — выругался Леша и добавил свою традиционную для таких случаев поговорку: — Расступись, дерьмо, навоз прет!"

Марьяна испуганно ахнула от рывка, стукнулась плечом о дверь, но промолчала. Она обладала уникальным и неоценимым для жены автомобилиста достоинством: никогда не критиковала сидящего за рулем мужа и не приставала к нему с указаниями, как следует управлять машиной. И это при том, что сама давно и неплохо водила.

Алексей искоса посмотрел на Марьяну и невольно отметил, что все еще любит ее, ее крупноватым классическим носом, резко очерченным, благородным, как выражалась ее бабушка актриса, профилем и мягкой волной блестящих черных волос. Сейчас темные ресницы были опущены, а в уголке пухлых губ, покрытых уже слегка стершейся помадой, отчетливо виднелась резкая складка. Это говорило о том, что жена расстроена, и Алексей, даже не спрашивая, понял, чем именно.

После этого спонтанного визита к Кирилловым Алексей был сам не свой. Чужало его сердце, что не стоило к ним заезжать, по крайней мере сегодня. Но Янка так его упрашивала, ей так хотелось побыстрее увидеть творение подруги! Все время, пока шло строительство, Тина принципиально не разрешала никому даже близко подходить к возводимому дому — "увидите, когда все будет готово!". И сегодня,

узнав, что долгожданный миг наконец-то настал, Марьяна, конечно, не смогла усидеть на месте. Да и Леша не выдержал, поддался на ее уговоры, за что и корил себя всю обратную дорогу. Эх, лучше бы они не видели всей этой роскоши, всего этого великолепия! Тяжело, ох как тяжело будет теперь возвращаться к себе, в их любимое, но весьма скромное по нынешним меркам жилье в Кривоарбатском переулке, в старом, давно нуждающемся в капремонте доме. Давно прошло то время, когда доставшаяся им в наследство от Марьяниной бабушки четырехкомнатная квартира с высоченными потолками казалась хоромами. Теперь, по сравнению с кирилловскими малахитовыми ваннами, зимним садом с орхидеями и бассейном между сауной и тренажерным залом, их обитель выглядела просто убого. Ну почему, почему судьба распорядится так, что одни имеют все, а другие почти ничего? Алексей работает не меньше и не хуже Стаса. Но тех пятнадцати, редко двадцати тысяч в год, которые достаются ему кровью и потом, хватает лишь на то, чтобы не бедствовать, кое-как обеспечивая семью. Если бы не деньги, доставшиеся Марьяне в наследство от матери (им удалось очень удачно продать ее квартиру и положить деньги в зарубежный банк под хорошие проценты), было бы вообще непонятно, на что жить. Год от года конкуренция все сильнее, а заказов все меньше. Приходится соглашаться даже на мелочевку вроде переделки квартир и строительства скромных дачных домиков.

А теперь еще этот проклятый бюджетный заказ на гимназию! Он, Алексей, так надеялся его получить! Подобные заказы были значительным везением и не менее значительной редкостью — обычно государство предпочитает работать с одними и теми же постоянными партнерами. Но тут вдруг решили устроить конкурс среди проектировщиков, и Федорову, узнавшему об этом от одного из приятелей, работавших в мэрии, пришлось здорово постараться, чтобы попасть в число претендентов. Все шло отлично, сделанные фирмой Алексея эскизы понравились, казалось, еще немного — и заказ в кармане! И тут вдруг неожиданно выяснилось, что работать над проектом гимназии будут не они, а компания «СТК-project», то есть Стас и Тина. А ведь изначально их вообще не было в числе участников конкурса.

— Знаешь, а ведь с этим заказом на гимназию тоже может быть не все чисто! — словно прочитав его мысли, вдруг сказала Марьяна.

Алексей даже не удивился. Прожив столько лет вместе, он уже привык, что они с женой часто думают об одном и том же. Он только спросил:

— В каком смысле?

— Да в таком. Твой вариант был лучшим, это и ежу ясно. Так что победить в конкурсе должен был ты. И вдруг заказ достается Кирилловым.

— Как ты думаешь, они могли?...

— Да элементарно. Дали кому-нибудь на лапу, например.

— Янка, ты же знаешь, что без этого вообще нельзя. Неужели не помнишь, я, чтобы попасть на этот конкурс...

— Помню. Но это совсем другое дело. А Кирилловы, кстати, вообще в конкурсе не участвовали. И знать о нем ничего не знали, пока ты не проговорился тогда, в сауне!

— Не думаю, что Стас может...

— Может. Уж Тина точно может. Да и Стас тоже. Вспомни, как в девяносто седьмом...

Помолчали. Упоминание о том периоде было для обоих слишком болезненным.

А потом Марьяна произнесла вслух то, что про себя думали оба:

— Пора назвать вещи своими именами. Все то, что Кирилловы сейчас имеют, они просто-таки украли у нас. Самым натуральным образом.

Леша ничего не ответил, только резко дал по газам. А что тут говорить? В глубине души он целиком и полностью согласен с женой, только не решается об этом сказать.

Собственно говоря, началась эта история не в девяносто седьмом, а намного раньше, где-то в середине восьмидесятых, когда четверо наших героев учились на одном курсе архитектурного института. Уже тогда Станислав Кириллов был личностью весьма заметной и привлекал к себе внимание. В толпе шумных, длинноволосых, богемного вида собратьев по учебе он выделялся безукоризненной короткой стрижкой и строгостью классических костюмов элегантного покроя, разумеется, сшитых не на фабрике «Большевичка». Стас был хорош собой и уделял много внимания своей внешности, занимался гимнастикой и плаванием, прекрасно танцевал и лучше всех разбирался во всем, что было модно — музыке, кино, литературе. Стас

знал себе цену и держался соответственно. Даже на самых трудных экзаменах оставался спокойным и уверенным в себе, что всегда подкупало преподавателей. Во многом Стасу помогало то, что он происходил из архитекторской династии. Его дед и отец были довольно известными градостроителями, и это давало молодому человеку большое преимущество перед другими студентами — о будущей профессии он знал не понаслышке и не из учебников. Свой непререкаемый авторитет завоевал в первые же дни занятий, когда Марьяна Азарова, одна из самых красивых девочек в группе, увидела на нижней стороне сиденья перевернутого стула странную надпись «УШАЦЪ». Она громко спросила, что это значит, но никто из вчерашних абитуриентов ей не ответил. И тогда Стас Кириллов, ни капли не смущаясь, выступил перед целой аудиторией иронично настроенных собратьев и поведал честной компании, что слово «УШАЦЪ» — это фирменный знак и символ всех студентов и выпускников МАРХИ. Есть легенда, что в пятидесятые годы здесь действительно учился человек с такой смешной фамилией. Однажды он подписал свою табуретку, чтобы не заняли, вышел покурить, а когда вернулся, на всех до единой табуретках красовалась надпись «УШАЦЪ». С тех пор этим словом подписывают не только все предметы в институте, но и все творения питомцев их «альма-матер» и даже все памятники архитектуры мира, до которых они добрались. На ехидный вопрос кого-то из новоиспеченных однокашников, откуда он это знает, Стас спокойно ответил, что его отец окончил МАРХИ. Впрочем, к чести Стаса надо отметить, что родительской платформой он пользовался минимально и добивался успехов самостоятельно. У него действительно были незаурядные способности, учился он "на отлично" и лидером на своем курсе считался вполне заслуженно. Соперничать с ним могла только Тина Вдовенко.

В отличие от Стаса, к которому признание пришло легко и сразу, как шутил его лучший друг Леша Федоров, "по определению", Тине самой пришлось прокладывать себе дорогу, и это давалось ей очень нелегко. Ее мать, чертежница, одна, без мужа, растила двух дочерей, и девочка с детства усвоила, что чего-то добиться в жизни сможет только ценой упорного и напряженного труда. И Тина, буквально бредившая архитектурой, грызла гранит науки, добиваясь каждой очередной

пятерки с настойчивостью солдата, пядь за пядью отбивающего у врага родную землю.

С первой же сессии между студентом Кирилловым и студенткой Вдовенко установилось негласное соперничество, постоянная борьба за первое место, продолжавшаяся все пять лет обучения. Каждый из них стремился обойти другого, сделать лучшую работу, интереснее выступить на семинаре, ярче ответить на экзамене и заслужить большей похвалы от авторитетного преподавателя. Сообразительному интеллектуалу Стасу это, безусловно, давалось легче, Тине, которая не принадлежала к категории счастливиц, схватывающих все на лету, чаще всего приходилось, как говорится, "брать не головой, а задницей".

Усидчивость и трудолюбие помогали Тине не только в занятиях.

Материальное положение ее семьи было трудным, и отличница Вдовенко одной из первых на курсе научилась зарабатывать, в том числе и тем, что чертила курсовые работы своим же нерадивым сокурсникам. У погруженной в учебу и другие заботы девушки почти не оставалось времени на развлечения, она всегда держалась несколько особняком и избегала веселых студенческих «тусовок», чего никак нельзя было сказать о Стасе. Он и его закадычный друг, всеобщий любимец Леша Федоров, всегда находились в центре событий. Что касается Алексея, то он был далеко не самым прилежным студентом. Случались у него и тройки, и двойки по самым занудным предметам, вроде организации строительства или освещенности помещений. Однажды дело чуть было не дошло до отчисления, но обошлось — у декана просто не поднялась рука его выгнать. Милейший Леша со своей очаровательной, чуть смущенной улыбкой обладал каким-то удивительным даром располагать к себе людей. Впрочем, море обаяния и внешняя трогательная застенчивость отлично сочетались в Алексее с цепким умом и практической хваткой. С первых курсов он потихоньку приторговывал, «фарцевал» как это тогда называлось, разным модным дефицитом — джинсами, джемперами, дисками. У него всегда водились деньги, и благодаря этому сын простого офицера из подмосковного военного городка мог позволить себе держаться на одном уровне с детьми творческой и научной элиты.

Надо ли говорить, что и Леша, и Стас пользовались огромным успехом у барышень. Но если Алексей относился к флирту весело и

непринужденно, легко сходилась с девушками и так же легко расходился, не оставляя обиженных ("никто никому ничего не обещал"), то отношения Стаса с женским полом носили куда более обстоятельный характер. Сразу после празднования «экватора» — вечеринки, посвященной окончанию пятой сессии, означавшей, что половина учебы уже позади, — у него начался долгий и серьезный роман с первой красавицей потока, Марьяной Азаровой, внучкой известной актрисы. Марьяна была единственной приятельницей Тины Вдовенко, и эта дружба удивляла весь курс — девушки казались полной противоположностью друг другу, и никто не мог понять, что у них может быть общего. Несходство начиналось уже с внешности. Марьяна — яркая, высокая, статная, с роскошной черной косой — сразу привлекала к себе внимание, Тина — крошечного роста, щупленькая, неброская — выглядела намного моложе своих лет. «Травести», — говорила про нее Марьянина бабушка, бывшая звезда Малого театра. Кстати, именно она придумала называть Валентину Тиной. "Валя это как-то по-плебейски, не находишь? Это имя для медсестры или продавщицы, а не для будущего архитектора!" Тина носила старенькие джинсы и свободные свитера с растянутыми рукавами, Марьяна же всегда была одета продуманно и элегантно, но не потому, что у нее было много дорогих вещей, а благодаря безупречному вкусу, умело подобранным мелочам и свойственному только истинным женщинам таланту, как выражалась ее бабушка, "правильно себя подать". С детства вынужденная помогать матери по дому, Тина ненавидела все связанное с бытом, в то время как Марьяна всегда стремилась окружить себя уютом и комфортом, с удовольствием хлопотала по хозяйству, отлично умела и готовить, и шить, и вязать. Стеснительная, замкнутая, неуверенная в себе, Тина сторонилась людей, Марьяна же никогда не скрывала своих эмоций, реагировала на все живо и бурно, была очень общительной, имела кучу друзей и подруг, обожала развлечения, вечеринки и шумные сборища. Но при этом отнюдь не была пустышкой, бесшабашной веселенькой дурочкой, как многие ее ровесницы. Марьяна обладала острым живым умом, много читала, была очень сообразительна и заслуженно носила звание "светлой головы".

С точки зрения большинства сокурсников, Кириллов и Азарова были просто идеальной парой. Их отношения продолжались более

двух лет, и никто и не сомневался в том, что они закончатся свадьбой. Никто, кроме Тины Вдовенко. С первых же дней учебы она была тайно влюблена в Стаса, но, не рассчитывая на взаимность, пять лет так ловко скрывала свои чувства, что ни сокурсники, ни сам Стас, ни даже лучшая подруга ни о чем не догадывались. Два года Марьяна делилась с Тиной всеми подробностями своей любовной истории, даже не подозревая о том, какую муку доставляют ее откровения слушательнице. Но Тина была не из тех, кто мирится с судьбой и покорно плывет по течению. Она молчала и ждала своего звездного часа. И дождалась его во время последнего, дипломного семестра. У лучших студентов курса Кириллова и Вдовенко оказался один научный руководитель, и по секрету ото всех Тина умолила его дать им задание делать общую экспозицию. Преподаватель, знавший об их вечном соперничестве, счел эту идею интересной и пошел ей навстречу. Как это всегда было принято в архитектурном, на несколько месяцев подготовки дипломов аудитории превратились в шумные мастерские с чайниками, гитарами, ситцевыми занавесками и даже раскладушками — работа, то и дело перемежавшаяся гулянкой, велась и днем и ночью. Составив рядом на огромных козлах обтянутые бумагой подрамники для чертежей, Стас и Тина трудились бок о бок, постоянно что-то обсуждали, спорили, ссорились. Марьяна и Алексей готовили свои проекты в других помещениях — каждой группе полагалась своя аудитория-мастерская.

Время подготовки дипломов — самое напряженное и самое веселое в жизни студента-архитектора — пролетело незаметно. Услышанная перед самой защитой новость ошеломила всех: оказывается, за время работы над совместной экспозицией Кириллов и Вдовенко настолько сдружились, что даже решили пожениться. Ну чудеса! А как же Азарова? Но Марьяна, казалось, совсем не была расстроена подобным поворотом событий. Она оставалась такой же веселой и жизнерадостной, как и прежде, была так же окружена поклонниками и вскоре объявила друзьям, что тоже собирается замуж — за Лешку Федорова. После защиты дипломов, блестяще прошедшей у Тины и Стаса, вполне достойно у Марьяны и на удивление прилично у Алексея, обе пары подали заявление в ЗАГС и почти одновременно сыграли свадьбы, причем все четверо были друг у друга свидетелями.

Началась новая жизнь. Стас и Тина распределились в разные проектные мастерские, Федоровы, наоборот, захотели работать вместе. Бабушка-актриса приютила молодую семью в своей квартире, где была прописана и Марьяна. Поскольку окончание института совпало по времени с началом перестройки, предприимчивый Алексей почувствовал себя в атмосфере кооперативов как рыба в воде. Он вскоре ушел с работы и затевал то одно, то другое, торговал мягкими игрушками, завел несколько палаток и даже открыл собственную хлебопекарню. А Марьяна под чутким бабкиным руководством вила семейное гнездо, тратила заработанные мужем деньги и, казалось, была вполне счастлива.

Кирилловым пришлось труднее. Родители Стаса, не слишком довольные ранним браком сына, решили, однако же, сделать молодым царский подарок и разменяли свою трехкомнатную квартиру на Октябрьском Поле. Теоретически считалось, что Стасу и Тине необычайно повезло — они стали обладателями собственного жилья, да еще двухкомнатного. На деле же крохотная смежная «двушка» оказалась малоприспособлена для жизни — панельная хрущоба, зимой холодно, летом жарко, последний этаж, потолок то и дело протекает, от метро далеко. Сразу после свадьбы Тина, абсолютно несведущая в вопросах взаимоотношения полов, забеременела. Ребенка ей совсем не хотелось — ведь она только-только вышла на работу, только-только занялась любимым делом, о котором так давно мечтала, и тут на тебе! Но Стас, имевший традиционные представления о том, какой должна быть семья (муж — добытчик, жена — хозяйка, хранительница очага и мать семейства), настаивал, обе матери в один голос твердили о вреде первого аборта. Последнее слово осталось за Марьяниной бабушкой, и это слово было «грех». Так появилась на свет нежеланная Катя.

Первые несколько лет Тине было очень тяжело. Она плохо переносила беременность, роды были трудными, девочка родилась нервной, болезненной, кричала ночи напролет. Чего стоили одни только прогулки и ежедневное таскание коляски вниз-вверх на пятый этаж без лифта (подъезд не запирался, и оставлять коляску внизу было опасно)! Изо дня в день одно и то же: пеленки, бутылочки, игрушки, уборка, готовка... И ни одной секунды наедине с собой! Настоящее мученье. К тому же начались трудные для всей страны времена — 1990-е годы. Деньги стремительно обесценивались, и без того

невысокая зарплата молодых специалистов за полгода превратилась в ничто. Прилавки опустели, чтобы купить самое необходимое, приходилось выстаивать многочасовую очередь. Кормились в основном "продуктовыми заказами" с работы Стаса да Катькиным «пайком», выдаваемым раз в месяц в угловом магазине по карточке из детской поликлиники: курица, бутылка постного масла, пакет крупы и две банки консервов.

Конечно, родители и с той и с другой стороны как-то помогали, но толку от этого было мало. Тина изнывала от прозябания дома, без любимого дела, но обе бабушки были еще молоды, работали, и сидеть с Катькой оказалось некому. Тина нервничала, Стас постоянно не высыпался, стал раздражительным, куда-то исчезал по вечерам. Молодые супруги часто ссорились, разговаривали на повышенных тонах, срывая друг на друге злость. Несколько раз дело доходило до настоящих скандалов с криками и руганью, чего Тина сама от себя не ожидала. Словом, кошмар. А вот у Федоровых, наоборот, изначально все складывалось неплохо. Детей они пока не заводили. Марьяна мастерила украшения из кожи и продавала на «Вернисаже» в Измайлове, Леша по-прежнему экспериментировал с бизнесом, хватался за все подряд, и многое ему удавалось. Именно он и получил тогда в 1992 году тот самый первый заказ, с которого все и началось. Как-то зимним вечером Марьяна пришла к подруге за советом. Один из многочисленных приятелей Алексея собирался открыть ресторан и заказал Федоровым проект. Но на тот момент Леша с Марьяной занимались «челночным» бизнесом — ездили в соседние страны за всевозможными товарами и по возвращении выгодно продавали их. Буквально на следующий день им предстояло отплыть на катамаране в Турцию, билеты, разумеется, уже на руках, а проект нужен срочно, и терять заказ очень не хочется. Марьяна успела лишь набросать эскиз. Может, Стас и Тина возьмутся за эту работу? Тина несказанно обрадовалась предложению. Забыв обо всех домашних делах, с увлечением принялась изучать привезенные подругой бумаги. Идея, безусловно, хороша — что говорить, вкус у Марьяны отменный. Но теперь требовался долгий и кропотливый труд по разработке этого замысла, тщательные расчеты и чертежи. Еле-еле уговорив мать взять две недели отпуска и посидеть с внучкой, Тина взялась за дело. Вскоре подключился и Стас — выполнить заказ в одиночку за столь короткое

время невозможно. Вернувшиеся Федоровы тоже успели принять участие в работе — и совместными усилиями проект подготовили в срок. Заказчик остался доволен и не только честно расплатился с исполнителями, что само по себе было праздником по тем временам, но и порекомендовал свежее испеченную команду проектировщиков своему знакомому. Новый заказ оказался настоящим подарком судьбы. Друг хозяина ресторана открывал собственный банк и собирался перестроить под него особняк на Остоженке. Этот проект уже целиком делали чета Кирилловых вместе с четой Федоровых. Тина и Марьяна продумывали и разрабатывали эскизы, Алексей нанял по подряду строительную фирму и добывал по своим каналам отделочные материалы, Стас отвечал за авторский надзор над реконструкцией здания. Заработанная сумма, даже поделенная на две семьи, показалась молодым людям баснословной.

С тех пор все четверо целенаправленно занялись поиском заказов на проекты, но получалось это только у Алексея. Задача была не так проста, как может показаться на первый взгляд. Спрос на услуги проектировщиков в начале девяностых действительно резко вырос — страна переходила к рынку, люди стремительно богатели, фирмы и совместные предприятия появлялись как грибы после дождя, им требовались достойные помещения для работы, а их владельцы спешили обустроить собственное жилье в соответствии с новыми возможностями. Словом, недостатка в заказчиках не было, проблема заключалась в другом. Далекое не все из них оказывались честными, сплошь и рядом случалось, что специалистов в тех или иных областях, работавших, подобно нашим героям, без всяких гарантий, просто-напросто «кидали», не заплатив за их труд ни копейки. Чтобы хоть как-то защититься от возможного обмана, старались работать со знакомыми, проверенными клиентами, за которых кто-то мог поручиться. И здесь многочисленные дружеские связи Алексея пригодились как нельзя кстати. Команде везло. За три с лишним года, отделявших первый заказ от образования фирмы, их не обманул ни один заказчик.

Друзья сами не успели заметить, как превратились из нищих интеллигентов в состоятельных предпринимателей. Кирилловы активно занялись решением накопившихся бытовых проблем. Первым делом Тина, уговорившая мать выйти на пенсию и переехать жить к

ним, чтобы полностью взять на себя заботу о Катьке и хозяйстве, с радостью отстранилась от домашних дел и полностью погрузилась в работу. Кирилловы приобрели машину, затем вторую — Тина научилась водить. Следующим шагом стала покупка уже знакомого читателю участка на Рублевке. А у Федоровых появились совершенно другие заботы. С некоторых пор Алексей был одержим идеей основания собственного дела. И после долгих колебаний, обсуждений, подсчетов и споров Стас и Алексей решили, что пора "выходить из тени". В марте 1994 года они зарегистрировали проектную фирму, которую решено было назвать «Барма», по имени одного из зодчих, возводивших храм Василия Блаженного. И хотя большую часть начального капитала внес Федоров, Алексей и Стас сделались равноправными совладельцами компании — какие могут быть счета между друзьями, авось свои люди, как-нибудь сочтемся.

Фирма постепенно набирала обороты. Кому-то из заказчиков требовалось превратить арендованный у завода склад в «цивильный» офис или перестроить квартиру на западный манер, кому-то нужны были проекты целых особняков, коттеджей, офисных зданий. У компании «Барма» появилось собственное помещение, оргтехника, расширился штат. Теперь в ней работали не только соучредители и их жены, но и другие архитекторы-проектировщики, а также вспомогательный персонал — чертежники, компьютерщики, секретари. Словом, до девяносто седьмого года все шло если не отлично, то, по крайней мере, неплохо. Проблемы начались с проекта зала игровых автоматов в Замоскворечье. Заказчик был родственником бывшего одноклассника Стаса и, естественно, обратился к нему. Осторожный Алексей навел о нем справки и всерьез засомневался, стоит ли иметь с ним дело: отзывы были далеки от хвалебных, но Стас, гордый тем, что привел «жирного» клиента, настаивал. Они с Тиной как раз вели переговоры с наследниками убитого мафиози о покупке соседнего участка и очень нуждались в деньгах. Стас доказывал, что заказчику вполне можно доверять, и Алексей в конце концов согласился. Но когда они закончили работу, оказалось, что Федоров был прав — клиент и не думал расплачиваться.

Полбеда, что от этого обмана пострадали сами владельцы компании «Барма» и их сотрудники остались без зарплаты. Проблема заключалась в организации, которая вела по подряду строительные

работы. Это была солидная фирма, Алексей с большим трудом наладил с ней партнерские отношения, и не расплатиться с ними было просто невозможно. Между Алексеем, Стасом и Тиной состоялся неприятный разговор. Федоров предложил счесть ошибку общей и разделить непредвиденные расходы пополам, но Кирилловы наотрез отказались. Тина заявила, что раз их самих «кинули», то и они никому ничего не должны. А если Алексею неудобно за Стаса перед своими партнерами, то лучшим выходом для них будет разделить компанию на две, чтобы каждый отвечал за себя.

Когда страсти улеглись, все пришли к выводу, что разделение — не такая уж плохая идея. В конце концов, продолжать совместную работу можно, невзирая ни на какие юридические лица. А в случае чего каждый принимает решение самостоятельно, никто никого не подводит и никто ни от кого не зависит. Сказано — сделано. Затратив положенное время, вновь пройдя все инстанции и проделав необходимые процедуры, Стас стал владельцем проектной компании «СТК-project». А Алексей полностью расплатился с партнерами из собственного кармана.

Марьяна в этом не участвовала, в то время она уже не работала в «Барме». Ей и раньше не слишком-то нравилось проектирование, рутина ее никогда не привлекала, из всего цикла архитектурных работ она любила лишь эскизы, отделку и дизайн, то есть ту часть процесса, которую Тина, считавшая себя истинным архитектором, презрительно называла «шторки-краски». Достигнув тридцатилетия, Марьяна окончательно охладела к работе и мечтала о ребенке. После смерти бабушки она стала полноправной хозяйкой в квартире и ко времени истории с игровым клубом как раз приступала к реализации своих планов. Без всякого сожаления она уволилась из «Бармы», сделала ремонт, оборудовав самую большую и светлую комнату под детскую, и начала бродить по магазинам, потихоньку скупая наиболее понравившиеся игрушки и детские вещи. Когда-то бабушка говорила ей, что это плохая примета, но Марьяна не могла устоять. Все эти штучки были просто прелестными, а в ее душе, как в душе большинства постсоветских людей, все еще жило опасение "а вдруг потом не будет?".

Сразу после официального разделения компаний Тина снова забеременела. В отличие от Марьяны, у нее и в мыслях не было рожать

второго, но муж и подруга, каждый со своей стороны, принялись ее настойчиво уговаривать. Стас очень хотел, чтобы жена оставила работу и занялась семьей и детьми. Конечно, Тина хороший архитектор, но добивалась успехов не благодаря искре Божьей, а за счет упорства и кропотливого труда и в действительности не была так уж незаменима, как ей самой представлялось. За время совместной работы Стас здорово подустал от ее упрямства и с гораздо большим удовольствием работал вместе с другими, менее амбициозными сотрудниками. При этом Тина вполне устраивала его как жена — он был сильно привязан к семье, из кожи вон лез для ее блага, любил дочь и, как всякий нормальный мужчина, мечтал о сыне.

Что касается Марьяны, то она пришла в восторг от мысли, что они с подругой одновременно родят детишек. Хорошо бы у нее была девочка, а у Кирилловых — мальчик. Дети будут вместе расти, а когда станут взрослыми, кто знает, может, и поженятся. Но шли месяцы, Тина с нарастающим неудовольствием носила ребенка, а Марьяна так и не забеременела. Точно в срок Сашура появился на свет, но мечтам Стаса не суждено было сбыться. Уже через две недели после родов Тина появилась в офисе, оттуда поехала на объект. А Марьяна, не выдержав, легла на обследование в больницу, и там ей вынесли страшный приговор — у нее оказалась "инфантильная матка". Выяснилось, что эта цветущая, внешне абсолютно здоровая женщина вообще не сможет иметь детей.

Жизнь Федоровых превратилась в кошмар. Сначала Марьяна бегала по врачам, пытаясь найти хоть одного специалиста, который либо опровергнет ужасный диагноз, либо найдет способ справиться с ее заболеванием. Она посетила все столичные медицинские центры, показала всем светилам и даже съездила на консультации в Германию и в Швейцарию. Все тщетно. Операция не помогла, исправлять подобный дефект медики еще не научились. Убедившись, что все усилия бесполезны, Марьяна впала в жесточайшую депрессию, постоянно плакала и почти совсем перестала спать. И однажды, когда Алексея не было дома, написала прощальное письмо на двух страницах, собрала все имеющиеся в доме снотворные и успокоительные таблетки и проглотила их, запив стаканом воды. Спасло ее только чудо — Леша в тот день забыл дома важные документы и приехал буквально через несколько минут после того, как

жена отключилась. Марьяну удалось спасти, и муж поместил ее в недавно открывшееся платное отделение клиники неврозов. Лечение жены влетело Алексею в копеечку. К тому же, хлопоча о ее здоровье, он совсем запустил работу, передавая своих клиентов в «СТК-project» Стасу и Тине. А когда после трехмесячного курса реабилитации Марьяна вернулась домой и вроде бы даже пошла на поправку, в стране случился дефолт.

На свое счастье, ни Федоровы, ни Кирилловы не хранили семейных сбережений в потерпевших крах отечественных банках. Но все равно столкнулись с теми же трудностями, что и остальные соотечественники. На длительный период обе проектные компании остались без работы. Алексею, которому стало просто нечем платить подчиненным, пришлось распустить свою фирму. Кирилловы сохранили штат, только понизили сотрудникам зарплату. Несколько месяцев ни у «Бармы», ни у «СТК-project» заказов не было. Но Стасу повезло — уже зимой к нему вернулся клиент из числа тех, кого Алексей, занятый семейными делами, передал Кирилловым. «Барма» же получила первый заказ на проект лишь спустя год. И если для Федоровых дефолт обернулся чуть ли не катастрофой, то для Кирилловых оказался лишь досадной заминкой в делах и поводом для временного перерыва в строительстве нового дома.

Понадобилось несколько лет, чтобы жизнь Федоровых постепенно кое-как наладилась. Душевная рана Марьяны со временем затянулась, она, казалось, смирилась с неизбежностью своей доли, повеселела и вела активный образ жизни, хотя к работе не вернулась. Алексей продолжал заниматься проектным бизнесом и, хотя дела его шли не слишком успешно, как-то ухитрялся сводить концы с концами. Кирилловы же процветали. После того как страна опомнилась от потрясения, фирма «СТК-project» резко пошла в гору, значительно расширилась за счет новых отделов и через несколько лет стала одной из крупнейших и самых известных столичных проектно-строительных компаний. В результате на данный момент Стас и Тина имели кругленькую сумму на счету в зарубежном банке, миллионные обороты и усадьбу на Рублевке с трехэтажным домом и двухэтажным флигелем для гостей и прислуги, а Алексей и Марьяна ездили на уже изношенных машинах и продолжали жить в старой квартире. Чисто внешне их дружба сохранилась — они ходили друг к другу в гости,

вместе отмечали праздники и изредка выбирались куда-нибудь в отпуск. К тому же Марьяна сблизилась с подросткой Катей, постоянно брала девочку с собой — то в театр, то на выставку, то в тренажерный зал, а то по магазинам. Что же до истинного характера их отношений, то тут все было не так-то просто.

...Чтобы отыскать агентство, Виолетте пришлось трижды обогнуть нужный дом и несколько раз ткнуться во все двери, пока наконец охранник соседнего обменного пункта не смилостивился и не подсказал ей, куда идти. Вход прятался в стене арки — немудрено, что Виолетта несколько раз прошла во двор и обратно, даже не заметив его. Поднявшись по грязной щербатой лестнице на второй этаж, она оказалась перед облезлой дверью, обрамленной таким количеством разнообразных звонков и табличек, что на память приходили легендарные коммуналки. С трудом отыскав табличку с надписью мелким шрифтом "Под крышей дома твоего", Виолетта нажала кнопку, однако, не услышав никакого звука, надавила еще раз. Снова тишина. Она подождала, позвонила, опять подождала, опять позвонила, и лишь когда поняла, что звонок не работает, услышала по ту сторону неторопливые шаги. Дверь отворилась, и за ней показалась худосочная длинноносая девица в юбке, выглядевшей так, будто ее рвали собаки.

— Вам чего? — неприветливо поинтересовалась она, смерив посетительницу презрительным взглядом.

— Меня интересует вакансия гувернантки, — с достоинством отвечала Виолетта. После долгих поисков работы она уже поняла, как следует вести себя с такими вот девицами.

— Ну заходите! — чуть не добавив: "Раз уж пришли!", пробурчала девица, повернулась и исчезла в темноте. Виолетта устремилась следом. Ей показалось, что они шли не менее пяти минут — плутали по темным извилистым коридорам, миновали несколько боковых ответвлений, поднялись по маленькой лестнице и наконец оказались в просторной комнате с обшарпанными стенами, обставленной разномастной мебелью, очевидно списанной из каких-то учреждений еще в советские времена. На этом фоне особенно нелепо смотрелась красовавшаяся посередине новехонькая офисная стойка с жидкокристаллическим компьютерным монитором и мини-АТС последней модели. "Ну и помещеньице у них! — пронеслось в голове у

Виолетты. — Позорище, а не офис! Правда, в самом центре, в двух шагах от Тверской".

Тем временем длинноногая девица уселась за стойку, не глядя, сняла с пачки лежащих в лотке бумаг верхний лист и сунула Виолетте:

— Вот, заполните анкетку.

И тут же забыла о существовании посетительницы, вернувшись к прерванному было занятию — раскладыванию компьютерного пасьянса «косынка». Такие «анкетки» Виолетта давно могла заполнять с закрытыми глазами. Вопросы в них были одни и те же — имя, фамилия, отчество, места работы, начиная с последнего, причины увольнения, кроме "собственного желания". И везде даты, даты, даты... Дата рождения полностью, даты поступления и окончания института, даты зачисления и увольнения...

Однажды, когда Виолетта еще пыталась убавить свой возраст, она даже рассчитала их все по новой, согласно придуманной легенде. Первое время это сходило с рук, но сейчас в агентствах и кадровых службах почти всегда проверяли паспорт и диплом — и от подобной практики пришлось отказаться.

Из комнаты с надписью "генеральный директор" выпорхнули, весело щебеча, еще две девицы. Несмотря на то что одна из них была выкрашена в блондинку, а другая в брюнетку, Виолетте показалось, что они похожи как близнецы, тем более что были одеты в одинаковые костюмы, стоимостью долларов в триста, не меньше, только одна в серый, а другая — в зеленый.

— И тут, представляешь, — чирикала брюнетка, — он мне говорит: "А можно вас пригласить поужинать?" А я ему: "Я не ужинаю, я на диете!"

— Ульяна, мы пойдем покурим! — строгим начальственным тоном произнесла блондинка, проходя мимо стойки.

Длинноногая девица, успевшая перед их приходом одним движением мыши заменить пасьянс на экране на какую-то таблицу, подобострастно кивнула:

— Хорошо, Ольга Евгеньевна!

— Уля, ты платежку отправила? — в тон блондинке поинтересовалась брюнетка.

— Нет еще, никак не могу с ними связаться!

— Ну так отправь сейчас же!

— Хорошо, Юлия Владимировна!

"Тоже мне, — подумала Виолетта, с ненавистью глядя в стройные спины удаляющихся девиц. На нее они не обратили никакого внимания, будто в комнате никого не было. — Ссыкухи малолетние, а туда же, директора генеральные, Евгеньевна, Владимировна..." В сумме они обе были явно моложе одной Виолетты. Уля тоже проводила взглядом начальство и невозмутимо вернулась к своему пасьянсу.

Виолетта как раз дошла до идиотского вопроса "ваши сильные и слабые стороны", когда зазвонил телефон.

— Ульяна, работодателский! — крикнули из коридора.

Виолетта уже знала, что работодателский телефон — это тот, по которому звонят клиенты. Они заказывают в агентствах персонал, платят деньги, их за это любят, холят, лелеют и всячески стремятся им угодить. А к соискателям — тем, кто, подобно Виолетте, ищет работу, чаще всего относятся наплевателски. С ними-то чего церемониться, их — как собак нерезаных. Их присутствие можно игнорировать, можно заставлять ждать чуть ли не часами, им можно хамить в глаза и по телефону. И не дай бог соискателю позвонить по работодателскому номеру — на такое можно нарваться!

Девица за стойкой сняла трубку:

— Агентство "Под крышей дома твоего"! — (И не лень ей это каждый раз говорить!) — Слушаю. — Голос стал сладким до приторности. — Да, Станислав Алексеевич! Сию секундочку, сейчас позову! — Ольга Евгеньевна, Кириллов звонит! — это уже крик в коридор.

— Ой, Кириллов! Бегу, бегу! — Блондинка влетела со сверхзвуковой скоростью, пронеслась мимо и исчезла в кабинете, откуда донеслось: — Взяла, клади трубку!

Кириллов. Станислав Алексеевич Кириллов. Ну да, точно, именно так его и звали. Услышав это имя, Виолетта мысленно сделала стойку, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Впрочем, процесс этот был исключительно внутренним. Внешне она оставалась спокойной и равнодушной.

— Станислав Кириллов случайно не владелец "СТК-project"? — спросила она как бы невзначай.

— Он самый! — ответила длинноногая Ульяна, вся переполненная гордостью, что в их агентство обращаются такие заказчики. Но тут же спохватилась: — А вам-то что?

Виолетте было «что». Причем было до такой степени, что она сама себе не решалась в этом признаться, не то что девице за стойкой. Стаса Кириллова она знала, впрочем, знала — громко сказано, видела. Несколько лет назад один из очень близких друзей Виолетты, врач Яков Белецкий, открыл (не без ее помощи) частную психиатрическую клинику в Подмосковье. Проектом и контролем за строительством занималась компания «СТК-project». Виолетта тогда часто приезжала к своему любовнику и несколько раз встречалась со Стасом, который произвел на нее неизгладимое впечатление. Она долго не могла забыть этого импозантного брюнета с легкой сединой на висках и неожиданно синими глазами, воскрешала в памяти его образ и как-то раз даже подумала, что он и есть мужчина ее мечты. Она тогда интересовалась Стасом, наводила справки, но выяснилось, что Кириллов женат, любит жену, да и у нее, Виолетты, в то время был официальный друг. Словом, тогда ничего не вышло. А теперь, значит, Кириллов ищет прислугу. Интересно...

В самом дальнем, застегнутом на молнию отделении бумажника Виолетта всегда носила несколько бледно-зеленых купюр различного достоинства — на всякий случай. И вот такой случай представился. Она вынула пятьдесят долларов, встала, подошла к стойке и придвинула их к Ульяне тем самым жестом, каким это делали ее любимые герои из американских детективов. Девушка за стойкой, видимо, тоже читала американские детективы. Во всяком случае, она ловко смахнула купюру в ящик стола и, оглянувшись на дверь начальства, быстро качнула головой, указывая длинным носом на выход.

— Вы анкету заполнили? — подчеркнуто равнодушно поинтересовалась она. — Давайте сюда. Контактную информацию указать не забыли? Ну тогда на сегодня все. — И добавила, нарочито повысив голос, чтобы услышали за дверью:

— Как только поступят какие-то предложения, вам позвонят. Пойдемте, я вас провожу.

Оказавшись в коридоре, она поплотнее прикрыла дверь и, повернувшись к Виолетте, спросила уже совсем другим тоном:

— Чем я могу вам помочь?

Виолетта остановилась под табличкой "место для курения", извлекла из пачки сигарету и, прикурив от предусмотрительно протянутой Ульяной зажигалки, с достоинством произнесла:

— Меня интересует Станислав Кириллов. Он что, нанимает прислугу через ваше агентство?

— Ага! — оживилась длинноносая. — Ему кто-то из друзей порекомендовал Ольгу Евгеньевну. Они опять ищут гувернантку. Мы сначала полные штаны от радости наложили, когда он нам первый раз позвонил. А сейчас уже прокляли все на свете, что с Кирилловыми связались. Такой геморройный заказ оказался!

— Почему?

— Да потому что на них не угодишь! Самому подавай одно, его мадаме — другое... Заявку накатали аж на два листа!

— Какую заявку?

— Ну заявку, список требований. — Уля с удивлением поглядела на Виолетту, недоумевая, как можно не знать таких элементарных вещей. — Мы, когда с клиентами договор заключаем, к нему такая анкетка прилагается, чего ему от кандидата надо, ну там образование, опыт работы, знание языков... Называется заявка. Так вот, Кирилловы целую страницу исписали, чуть ли не с обеих сторон!

— Послушайте, Ульяна! — Виолетта говорила твердо и настойчиво, как человек, уверенный в том, что ему не откажут. — Мне нужно увидеть эту заявку. А еще лучше — получить ее на руки.

На длинноносом лице отразилось сомнение.

— Ой, я не знаю... Это трудно... Может, как-нибудь в следующий раз...

— Нет! — твердо ответила Виолетта. — Сегодня. Сейчас.

— Ну хорошо! — решила девица. — Подождите здесь.

Вернулась она быстро — Виолетта не успела и половины сигареты выкурить — и протянула пару еще теплых, прямо с ксерокса, листков.

— Вот, возьмите, я копию сняла. Можете взять с собой.

— Спасибо! — Виолетта аккуратно сложила листки и спрятала в сумочку. — Скажите, Ульяна, вы могли бы посодействовать, чтобы моя кандидатура была рассмотрена Кирилловым?

— Ой, это я не знаю, как сделать... — растерялась Уля. — Все кандидатуры генеральша сама отбирает, в смысле Ольга Евгеньевна, генеральный директор. Я, конечно, попробую, замолвлю за вас словечко, но...

— Мне надо с ней поговорить.

— Боюсь, не получится.

— Попробовать можно. Пойдите к ней прямо сейчас и скажите, что у вас есть хорошая гувернантка для Кирилловых.

— Да не выйдет из этого ничего! — махнула рукой секретарша, но, поняв, что Виолетта не отступится, согласилась: — Ну хорошо, хорошо, попытаюсь. Присядьте пока.

Они вернулись в комнату, Виолетта вновь опустила за стол, а Ульяна, прихватив ее анкету, нехотя затрусилась к начальственной двери и исчезла за ней. Вскоре оттуда раздался крик:

— Ты чего, сдурела? Мне что, делать больше нечего, с каждым соискателем разговаривать? Да ты разуй глаза, посмотри в анкету — ей же сто лет! На фиг она мне сдалась?

Не прошло и нескольких секунд, как Ульяна, красная и растрепанная, вылетела из кабинета и укоризненно поглядела на Виолетту: вот, мол, что мне приходится из-за вас терпеть за каких-то пятьдесят баксов.

— Теперь вы поняли?

— Поняла! — усмехнулась Виолетта. — Ладно, если что — позвоните. — И, повернувшись на каблуках, пошла к выходу.

Когда она вышла из метро, накрапывал мелкий, противный дождь. Но сегодня ей везло — автобус подошел тотчас и оказался практически пустым. Виолетта пристроилась у окна. Тут же появилась Старуха, уселась на сиденье напротив, и в кои-то веки Виолетта ей обрадовалась. Ей не терпелось обсудить с кем-то сегодняшнюю новость, а лучшего собеседника, чем Старуха, для этого было не найти. Конечно, в агентстве ее кандидатурой не заинтересовались, но Виолетта не сочла это таким уж серьезным препятствием. Она была уверена, что, если хорошенечко поискать, она сможет найти и другие выходы на Кириллова. Ей вдруг очень захотелось попасть к нему в дом. Ну просто очень захотелось.

— Вот оно, значит, как складывается... — прошамкала в ответ Старуха. — А ты, я вижу, уже всю планы строишь? Ишь губы-то

раскатала! Ничего не скажешь, вариант заманчивый. Только получится ли у тебя?

— Но ты ведь мне поможешь? Посоветуешь, как быть, что делать...

— Вон как заговорила! Давненько ты ко мне с просьбами не обращалась!

Все грубишь, только и слышу — заткнись да пошла отсюда... А я-то к тебе со всей душой!

— Знаю я твою душу! — усмехнулась Виолетта. — Ладно, как говорится, кто старое помянет... Простим друг друга и забудем.

— Что ж, будь по-твоему. Чай, не впервой.

— Стас Кириллов... — задумчиво произнесла Виолетта, глядя, как капли дождя сбегают по стеклу. — Знаешь, мне кажется, это тот самый мужчина, которого я искала всю жизнь. Я это сразу поняла, еще когда увидела его у Якова в клинике. Такой шанс нельзя упускать!

— Значит, рискнем, и будь что будет. А теперь хватит мечтать, а то остановку свою проедешь!

Как все женщины на Земле, Виолетта мечтала о любви. Лет с тринадцати она начала грезить о том, как в один прекрасный день встретит его, и тогда наступит необычайное и вечное счастье, ради которого она и появилась на свет. Но в отличие от большинства своих сверстниц она отнюдь не ждала, что герой ее сновидений свалится с неба в готовом виде. Ей хотелось самой вырастить мужчину своей мечты, воспитать его для себя таким, каким она его представляла — точь-в-точь как пелось в ее любимой песне: "Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу". Именно этому занятию она и посвятила всю свою жизнь.

О своем первом мужчине Виолетта предпочитала не вспоминать. Этот случайный и в общем-то совершенно ненужный ей роман она завела, едва став студенткой, стремясь побыстрее освоить "взрослую жизнь" во всех ее проявлениях. Гена учился на факультете физкультуры, был мастером спорта по легкой атлетике и довольно красивым парнем, во всяком случае, именно так считали почти все девчонки их потока. Они познакомились на одной из многочисленных вечеринок, и жаждущая приобрести новый опыт Летта охотно откликнулась на его настойчивые ухаживания, несмотря на предупреждения многочисленных доброжелательниц — не верь ему,

он бабник, добьется своего и бросит тебя. Их отношения развивались стремительно и быстро достигли кульминации. Однажды вечером, когда родители вместе с Эдей были в санатории, Летта пригласила Гену к себе готовиться к экзамену по истории партии. Она знала, чем закончится такая подготовка, и хотела этого, но, на беду свою, очень смутно представляла себе, как все это происходит. Первое и оно же последнее свидание с Геной обернулось для нее сущим кошмаром. Все, что было между ними раньше — объятия, поцелуи и страстные, хотя и грубоватые ласки, — очень нравилось девушке, и она ожидала, что, оказавшись наедине с парнем, испытает нечто еще более интересное и приятное. Но ожидания ее не оправдались. Не тратя времени на подготовку, спортсмен пару раз поцеловал ее в губы, ловко раздел, сам сбросил брюки и тенниску и приступил к делу. Виолетта почувствовала резкую боль, закричала, пытаясь вырваться, но поглощенный собственными ощущениями, Геннадий не обращал на ее жалобы никакого внимания. Он был очень силен, и девушке ничего не оставалось, как только подчиниться ему и ждать, когда эта пытка закончится. Она закрыла глаза, и на несколько минут все чувства, весь мир слились для нее в единое красное море мучительной боли. Когда Геннадий наконец отпустил ее, она некоторое время молча лежала, глядя в потолок и собираясь с силами, затем поднялась и тихо произнесла: "Уходи!"

Летта долго не могла оправиться от пережитого потрясения. Напрасно более опытные подруги уговаривали ее попробовать еще раз, мол, больно только вначале, Виолетта даже думать не хотела об этом кошмаре. Напрасно Геннадий, оскорбленный тем, что его впервые в жизни отвергли, искал с ней встреч. На целых полтора года Виолетта сделалась мужененавистницей. При одном только взгляде на мужчину в ней оживали мучительные воспоминания об ужасах той ночи.

А потом в ее жизни появился Профессор. В свои сорок три он был уже совершенно седым, но это придавало ему особый шарм. На его лекции по научному коммунизму набивались полные аудитории — студентки млели, слушая мягкий бархатный голос, рисовавший им удивительные картины сказочного будущего, которое не сегодня-завтра наступит. С первых же занятий он стал выделять Виолетту, и это ей льстило. Профессор хвалил ее ответы, несколько раз под каким-то предлогом задерживал после занятий и при этом так смотрел на нее,

что Летта стала понемногу оттаивать. Однажды она набралась смелости и сама зашла к нему вечером на кафедру. Был уже восьмой час, и она точно знала, что Профессор сейчас один: он часто засиживался допоздна. Он обрадовался, но, как показалось Виолетте, ничуть не удивился ее появлению. От ничего не значащих слов они быстро перешли к поцелуям. Но в последний момент, когда мужчина уже расстегивал на ней кофточку, она вдруг явственно вспомнила ту жуткую ночь и испуганно сжалась.

— Что с тобой? — участливо спросил Профессор. — Ты боишься?

И хотя Виолетта ничего не отвечала, он все понял и повел себя именно так, как было нужно. Раздев Летту, он осторожно усадил ее в видавшее виды кафедральное кресло и опустился перед ней на колени.

— Не бойся. Раздвинь ноги, закрой глаза и расслабься. Сейчас тебе будет хорошо.

И Виолетта подчинилась.

Он осыпал ее поцелуями, опускаясь все ниже и ниже, и Летта чувствовала, как ее тело отзывается на ласки, словно струна скрипки на прикосновение смычка. Страх постепенно уходил, уступив место приятной истоме, а потом и желанию. И когда нежный язык Профессора достиг самого сокровенного места на ее теле, Виолетта блаженно застонала. Ей было немного стыдно, что мужчина делает с ней такое, но при этом она испытывала ни с чем не сравнимое наслаждение. Страсть закипала в ней, переполняла изнутри и, казалось, готова была разорвать ее на части. Только бы он не останавливался, только бы не прекращал свои упоительные ласки! Позабыв о застенчивости, Виолетта металась по креслу, задыхалась, томные стоны перешли в крики: "Еще, еще! Пожалуйста, еще!" И вдруг тело свело сладкой судорогой, и ей показалось, что она теряет сознание.

В тот первый раз и в несколько последующих у них ничего «настоящего» и не было. Профессор сказал, что для истинного мужчины наибольшее удовольствие — это доставить наслаждение женщине. Пока у Виолетты окончательно не прошел страх перед близостью, они ограничивались только этой восхитительной лаской. А войдя во вкус, она даже не заметила, насколько легко ей удалось преодолеть этот рубеж. Профессор оказался настоящим виртуозом

любвонной игры, а юная Летта была весьма способной ученицей и с упоением открывала для себя все новые и новые стороны наслаждения и способы его достичь.

Переполненная потрясающими ощущениями, Виолетта поделилась опытом с подругами. И выяснила, что многие девушки даже понятия не имеют о том, что интимные отношения предполагают что-то еще, кроме объятий, поцелуев в губы и традиционного полового акта в двух-трех распространенных позициях. Только несколько наиболее «продвинутых» девчонок слышали о существовании других ласк, но, как правило, отвергали их, считая чем-то непристойным. К удивлению Виолетты, почти все ее подруги были уверены, что удовольствие от секса получает только мужчина. Женщина лишь подчиняется ему и ничего особенного при этом не испытывает. Ей приходится идти ему навстречу, но при этом она не должна выходить за рамки приличий. А секс в необычных позах, занятия любовью при свете, ласки ртом... Нет, это стыдно, ужасно, недопустимо!

Виолетта была благодарна Профессору за все, что он открыл для нее. Но когда прошла эйфория первых ощущений, она поняла, что не любит его. Профессор не был мужчиной ее мечты. И когда она окончила институт, их отношения как-то сами собой прекратились.

В следующий раз Виолетта сошлась с учителем истории одной из школ, которую курировала, работая в РОНО. Этот мягкий и в общем-то слабовольный человек влюбился в нее до безумия и легко поддался ее сильной воле. Летта с увлечением занялась сексуальным воспитанием любовника, а заодно и формированием его личности. Она решила, по ее собственному выражению, "сделать из него человека" и принялась помогать ему строить карьеру, используя свои связи. Он стал завучем своей школы, потом директором, а чуть позже — директором одной из новых престижных школ "с преподаванием ряда предметов на английском языке", которые в те времена как раз начали открываться в Москве. Но вскоре воспитательница с грустью убедилась, что ее подопечный достиг своего потолка. Поняла, что в нем нет ни честолюбия, ни энергии, ни настойчивости, что он не стремится к дальнейшему продвижению вверх, а лишь подчиняется напору своей возлюбленной. И Виолетта разочаровалась в своем выборе. Однажды, войдя без предупреждения в его кабинет, она застала там молоденькую учительницу английского языка. Видимо,

девушку постигла какая-то профессиональная неудача — она плакала, а директор неловко ее утешал. Эта сцена оказалась весьма на руку Виолетте. Она тут же устроила скандал, обвинила любовника в неверности и без всякого сожаления разорвала свои отношения с ним. Учитель никак не мог смириться с таким положением вещей, звонил, искал встреч, клялся, что "ничего такого не было", умолял простить его и начать все сначала, но Виолетта осталась непреклонна. Этот человек для нее больше не существовал. К тому времени она уже перешла из РОНО и работала в Министерстве образования.

Виолетте было двадцать четыре года, когда на ее жизненном пути появился Павел Игнатьев, тогда старший лейтенант милиции. На тот момент она числилась в отделе дошкольного образования, и Павел пришел к ней на прием с просьбой помочь устроить ребенка в детский сад — его жена загуляла и исчезла в неизвестном направлении, оставив мужа с двухлетним сыном на руках. Игнатьев покорила Виолетту своей силой и мужественностью, она сочла его весьма перспективным вариантом и ради этого прощала даже некоторую ограниченность в сфере интимных отношений — Павел был человеком прямолинейным и упорно не желал овладевать всеми теми изысками, в которые новая любовница пыталась его посвятить. Их связь продолжалась несколько лет, и все это время Летта старательно и незримо вела своего друга вверх по служебной лестнице. Он получал новые «звезды», менял должности и кабинеты и, будучи человеком неглупым, быстро понял, кому обязан своими успехами. Именно это и внесло разлад в их отношения.

Будучи лидером по натуре, Павел практически не поддавался ее воспитанию. К тому же сознание, что его жизнью управляет женщина, пусть даже любимая, ущемляло его мужское самолюбие. Чувствуя, что он выходит из-под ее контроля, ради самоутверждения заводит интрижки на стороне, Виолетта первая решила порвать с Игнатьевым, чтобы самой не оказаться брошенной. Это был очень мудрый шаг с ее стороны. Они расстались друзьями, и благодарный Павел сказал Летте, что она всегда может рассчитывать на его помощь.

Поняв, что не стоит тратить все свое время на одного мужчину, Виолетта решила компенсировать качество количеством. Встречалась с несколькими кавалерами одновременно, бежала с одного свидания на

другое, просыпалась в одной квартире, а с работы возвращалась уже в другую. Такая жизнь ей была по душе.

Еще в детстве, командуя Эдиком и его друзьями, Летта начала постигать основы мужской психологии. Первые годы она, конечно, подавляла мальчишек чисто физически, поскольку была старше на пять лет и соответственно сильнее. Но очень быстро она лишилась этого преимущества: подростки и возмужавшие пацаны научились давать сдачи, а терять свою власть над ними Виолетте не хотелось. Она быстро сообразила, что хитростью можно добиться гораздо больше, чем силой. И научилась распознавать в своих подопечных слабые места, ловко воздействовать на них и в результате получать желаемое. С возрастом она лишь убедилась в том, что все мужчины в душе остаются мальчишками: так же любят новые яркие игрушки, так же тяжело переживают малейшие неудачи, так же панически боятся показаться слабыми или смешными.

Меняя партнеров, Виолетта не уставала поражаться сексуальной безграмотности мужчин. Почти все они мнили себя Казановами, но при этом мало кто знал даже азы науки страсти, не умел или не желал доставить удовольствие партнерше. Стремление сделать из мужчины идеального любовника стало для Виолетты чем-то вроде спорта. Конечно, каждый реагировал по-своему. Некоторые после первого же контакта спешили расстаться с женщиной, верховодившей в постели. Но Виолетта была не только настойчива, но и тактична и лишь в редких случаях не устраивала партнеров. "По крайней мере, следующая пассия скажет мне спасибо!" — думала Виолетта, расставаясь с очередным поклонником.

Едва на горизонте появлялся подходящий объект, она сближалась с ним, оценивала, воспитывала — и через какое-то время теряла к нему интерес. Тогда она мягко давала понять, что роман закончен, но дружеские отношения сохраняются. Если ему понадобится ее помощь, он может в любую минуту обратиться к ней — почему нет? Но и она вправе ждать от него услуги, если возникнет такая необходимость.

Не только Игнатьев, но и остальные возлюбленные долгое время после разрыва все еще чувствовали себя обязанными Виолетте. Бывало, что, расставшись с мужчиной, Виолетта еще какое-то время занималась его судьбой, но уже не воспитывая его для себя, а, скажем, в ответ на услугу с его стороны или ради какой-то иной выгоды. Она

всегда четко знала, какую пользу ей сможет принести тот или иной человек, и старалась не упускать такой возможности.

Неожиданно Виолетта забеременела и, поразмыслив, решила оставить ребенка. Как-никак ей уже за тридцать, отец давно умер, мать мечтает о внуках. Кто отец Анны, она так и не узнала, да и не особенно этим интересовалась. В то время у нее было одновременно три любовника. Но один из них был женат и разводиться не собирался, второй, узнав о ее беременности, мгновенно исчез, а третий, хотя и продолжал звонить и приезжать, умоляя выйти за него замуж, был безжалостно отвергнут — Виолетта сочла его неперспективным вариантом и поставила на нем крест.

Шли годы, менялись мужчины. В ком-то она разочаровывалась через несколько дней, с кем-то оставалась рядом годами. Среди последних был Игорь Баскаков, сотрудник ритуальной службы, с которым она познакомилась на похоронах матери. Усилиями Виолетты он стал директором одного из самых известных московских кладбищ, и благодаря этому альянсу она приобрела еще большие связи. Но и этот роман, один из самых длительных в ее жизни, оборвался, на этот раз трагически — дождливым ноябрьским вечером. Баскакова нашли застреленным в подъезде собственного дома. Убийство явно было заказным, но ни исполнителя, ни заказчика так и не нашли, хотя Виолетта, действуя через Игнатьева, подняла на ноги чуть ли не всю московскую милицию. Смерть Игоря Виолетта переживала очень тяжело — похоже, его она действительно любила. Но вскоре утешилась новым романом, с одним из бывших подчиненных Баскакова, непризнанным поэтом, работавшим в крематории и носившим странное имя Клавдий. Она даже загорелась идеей посадить Клавдия на место Баскакова, но вскоре передумала: поэт явно не годился на эту должность.

Новой большой любовью Виолетты, как раз в самый расцвет перестройки, стал Яков Белецкий, врач-психиатр. Роман был длительным и ярким, но, Виолетта старалась о нем не вспоминать. Они познакомились при весьма романтических обстоятельствах — в чудесную пору золотой осени, когда у возвращавшейся с дачи Виолетты вдруг закапризничала ее «японочка». Яков, проезжавший мимо, остановился и галантно предложил свою помощь. Представительный мужчина с элегантной профессорской бородкой,

цепкими умными глазами и мягким проникновенным голосом с первого же взгляда понравился Виолетте. Они были вместе более четырех лет, и, казалось, ничто не предвещало ненастья. Привыкшая быть для своих кавалеров загадкой, Виолетта вскоре с удивлением заметила, что от общения с опытным психиатром сделалась гораздо откровеннее, оттаяла и совершенно по-другому стала воспринимать людей. Яков относился к тому типу мужчин, которые нравились Виолетте: был чутким, гибким, мягким настолько, чтобы позволить ей управлять собой, но в то же время достаточно настойчивым и амбициозным. Яков вел научную работу и мечтал о собственной клинике, Виолетта всячески помогала ему в осуществлении планов. Объединив усилия, они преодолели все преграды, и через некоторое время в газетах, журналах и на кабельных каналах замелькала реклама подмосковной клиники нервных болезней Якова Белецкого, обещавшая клиентам необычайно комфортные условия и лечение по последнему слову западной медицины. Услуги, разумеется, были отнюдь не дешевыми, но, несмотря на это, новенький лечебный комплекс, выстроенный в живописном месте на берегу пруда, быстро заполнился состоятельными больными. Но вскоре едва не случился грандиозный скандал — некий пронырливый журналист раскопал, что Белецкий испытывает в этой клинике препараты собственного изобретения. Виолетта приложила массу усилий, чтобы статья с подзаголовком "опыты над людьми" не увидела свет, добилась своего и сразу после этого бросила Якова. Поводом явились не сами эксперименты — на это Виолетте было наплевать, — а то, что ее друг допустил утечку столь взрывоопасной информации. Человек, способный совершить такой промах, больше не представлял для нее интереса. И расстались они скорее холодно, чем дружески: уж слишком неприятной была связавшая их история. Уходя от него, Виолетта чувствовала, что бывший любовник сохранил в своей душе не тепло и нежные воспоминания, а страх перед ней. Она знала его тайну и в любой момент могла обратить это оружие против него.

Последний значительный роман случился сразу после выхода на пенсию. Героем его стал сорокалетний Никита Ордынский, амбициозный актер из провинции, прибывший в столицу в поисках славы. Они познакомились в театре, и, узнав, что Виолетта работала в министерстве, Никита принялся настойчиво и красиво за ней

ухаживать, дарил цветы, посвящал ей стихи и песни. Актером он был способным, даже талантливым, но Виолетта быстро поняла, что у него нет будущего: чтобы в этом возрасте сделать творческую карьеру, нужно иметь недюжинные пробивные способности, а ими Никита не обладал. К тому же он был не слишком умен, а этого Виолетта мужчинам никогда не прощала. И, выбрав подходящий момент, Летта покинула Никиту так же, как покидала всех остальных — легко и без сожаления, сохранив при этом дружеские отношения.

До последнего времени Виолетта никогда не задумывалась о своих отношениях с мужчинами, воспринимая их как нечто вполне естественное. Она считала, что всего лишь выбирает себе достойного партнера. А так как на эту роль годился далеко не каждый, то ничего нет удивительного в том, что поиск нужной кандидатуры растянулся на годы. Тем более что «отбракованные» варианты, которые оказывались неподходящими для глобальной цели, всегда могли пригодиться для чего-то менее значимого — от мелких услуг до устройства личной жизни собственной дочери. Первым ударом для Виолетты стало то, что после смерти Эдуарда все прежние возлюбленные, которых она считала обязанными себе, не смогли, точнее не захотели ей помочь. Но это были сущие пустяки по сравнению с новым, совершенно ужасающим открытием — Виолетта вдруг поняла, что к ней неумолимо приближается старость. Пройдет еще немного времени — и она может подурнеть, потерять свою привлекательность и — о ужас! — перестать нравиться мужчинам. Что же ей тогда делать?

Оглядываясь на прожитое, Виолетта поняла, что любви как таковой так ни разу и не испытала. Всю жизнь она искала мужчину, из которого смогла бы слепить свой идеал — и только после этого полюбить. Но такого ни разу не случилось. Да, бывало что-то похожее с Игнатьевым, с Белецким, в большей степени с Баскаковым. Только подобие, но не любовь в полном смысле этого слова. Это не насыщало, как не насыщают высохшую землю отдельные капли дождя: чтобы она напиталась влагой и дала жизнь затаившимся в ней семенам, нужен настоящий ливень. Виолетта ощутила в себе огромный нереализованный потенциал, скрытую силу, которая горы бы могла свернуть, если бы нашелся тот, кто сумел бы разбудить ее и выпустить наружу. И Стас Кириллов подходил для этой роли как нельзя лучше.

Надежд на агентство "Под крышей дома твоего" не было, но Виолетта, скуповатая по натуре, нисколько не жалела о потраченных пятидесяти долларах. Она получила от длинноносой Ульяны главное — информацию, а поговорив со Старухой, окончательно утвердилась в своих намерениях. Это был шанс, быть может, последний, который никак нельзя упускать. Теперь дело только за ней. Нужно работать, и Виолетта занялась этим вплотную.

Первое знакомство с требованиями, которые предъявляла к будущей гувернантке чета Кирилловых, вызвало у нее легкое замешательство, второе, более глубокое, повергло в панику. Опыт успешной работы в семьях с детьми разных возрастов, подкрепленный отзывами и рекомендациями; наличие гибкого индивидуального подхода к детям (господи, а это еще что такое?); глубокое знание детской психологии; прогрессивный взгляд на воспитательный процесс (час от часу не легче!); обязательное педагогическое образование (это-то, слава Аллаху, имеется); желательное владение несколькими языками, возраст от сорока до пятидесяти лет; внешняя привлекательность не обязательна (подчеркнуто двумя чертами) и чуть не полстраницы перечня необходимых личных черт — от эрудиции и широкого кругозора до аккуратности и терпеливости.

Разумеется, Виолетта на девять десятых не подходила под эти требования, и никаких надежд на то, что сопливая «генеральша» агентства предложит Кирилловым ее кандидатуру, не оставалось. Но Летта никогда не падала духом, взявшись за дело, всегда стремилась довести его до конца. Изучив заявку в третий раз, особенно вдумчиво и подробно, она пришла к выводу, что все не так уж плохо. Предупрежден — значит вооружен. Рекомендации можно раздобыть, о прогрессивном взгляде и индивидуальном подходе почитать в книжках, а недостающие личностные черты сыграть, недаром ее последний любовник был актером. Оставалась только одна проблема: рекомендации. В тот же вечер, взяв сигареты и придвинув поближе любимую пепельницу, Виолетта уселась в кресло с телефонной трубкой в руке и вновь принялась набирать номера из старых записных книжек. Голоса на том конце провода сначала встречали ее настороженно, но, узнав, что на этот раз ей нужны от них не деньги и даже не работа, а всего лишь сведения о фирме «СТК-project» и ее владельце Станиславе Кириллове, смягчались и охотно вступали в

разговор. Не прошло и двух часов, как Виолетта установила, что выходить на интересующую ее семью лучше всего через Федоровых, их близких друзей. С Федоровыми — знойной брюнеткой Марьяной, мнящей себя аристократкой, и ее мужем, располневшим весельчаком Лешей, — Виолетта была знакома. Алексей был другом одного из ее любовников, и когда-то они неоднократно встречались на вечеринках, помнится, праздновали вместе Новый год в каком-то доме отдыха, а однажды совершенно случайно встретились в Египте, где отдыхали в соседних отелях. Словом, у Виолетты были все основания им позвонить, и, покопавшись в старых бумагах, верная своей привычке ничего не выбрасывать, Виолетта извлекла на свет божий визитку генерального директора проектной компании «Барма», где на обратной стороне был от руки приписан женским почерком домашний телефон.

"Только бы не переехали, — молила про себя Виолетта, нажимая кнопки радиотелефона. — Только бы не сменили номер..."

— Алло! — откликнулся после первого же гудка низкий женский голос, звучавший так заинтересованно, точно его обладательница сидела у телефона и с нетерпением ожидала этого звонка.

— Добрый вечер, это Марьяна?

— Да, а кто говорит?

— Виолетта Серова. Помните, мы с вами встречались у Зуева, а потом еще в Хургаде, году, кажется, в девяносто девятом... Вы жили в отеле «Жасмин», а я в "Аладдине".

— Да, Виолетта, я вас отлично помню! Как поживаете?

— Спасибо, все в порядке. А вы?

— Нормально.

На этом традиционный обмен любезностями закончился. Возникла пауза, и понимая, что собеседница ждет от нее разъяснения истинной причины звонка, Виолетта перешла к делу:

— Марьяна, я беспокою вас вот по какому делу. Помнится, вы были дружны с Кирилловыми, это так?

— Да, мы до сих пор довольно тесно общаемся. — В голосе Марьяны послышалась явная заинтересованность.

— Я слышала, им нужна гувернантка. А я сейчас как раз ищу такую работу, так что... Словом, не могли бы вы меня порекомендовать?

Виолетта понимала, что ее ждет вежливый отказ. Да и кто станет рекомендовать друзьям малознакомую женщину? Мало ли что случится, потом и хлопот не оберешься. Но Виолетта была почему-то уверена, что Марьяна не откажет. Так и случилось. После минутной паузы прозвучал ответ:

— Знаете, Виолетта, мне хотелось бы обсудить это с вами более подробно. Вас не затруднит подъехать ко мне? Мы живем в центре, в Кривоарбатском переулке, прямо напротив театра Вахтангова. Завтра днем вам удобно?

Отлично, приезжайте часа в три...

Виолетта положила трубку и торжествующе подмигнула сидящей напротив Старухе.

"Рождение ребенка всегда праздник. Празднуйте! А стиркой пусть займется стиральная машина..." Розы в корзинке на экране постепенно превращались в разноцветные колготки, распашонки и ползунки. Сопровождавший эту метаморфозу умилительный младенческий лепет за кадром способен был тронуть даже самое черствое сердце. Сидя у телевизора, Марьяна с удовольствием отметила, что не спешит хвататься за пульт и переключать программу. Раньше любое, даже самое незначительное упоминание «детской» темы отзывалось мгновенной болью в груди, словно чья-то холодная безжалостная рука сжимала сердце. Но, к счастью, теперь все это в прошлом. Она научилась преодолевать эту боль. Теперь она знает: пусть у нее нет и никогда не будет ребенка, зато она обладает тем, чего нет у других, — Даром. Спасибо судьбе за то, что послала ей этот дар. И, конечно, спасибо за Лешку.

Так получилось, что замуж Марьяна выходила не по любви. Алексей был тогда просто другом, даже не другом, скорее соломинкой, за которую хватается утопающий. Он один знал, как тяжело, как мучительно переживала она разрыв со Стасом. Вот Стаса она действительно любила "бешеной африканской страстью" — сильно, отчаянно, теряя голову и забывая обо всем на свете. После нескольких почти безоблачных лет, проведенных вместе, его внезапное решение жениться на Тине оказалось для Марьяны настоящим ударом в спину, да еще не простым, а двойным. Он отверг ее любовь, легко и бездумно отбросил все, что было между ними, перечеркнул то, что их связывало, как нечто пустое и совершенно незначимое. Но это еще полбеды.

Марьяна могла бы смириться с разрывом, променяй ее Стас на необыкновенно красивую девушку или же, как сказано в одной из книг ее любимого Островского, "богатую и с сильной родней". Но ей предпочли это ничтожество, эту замухрышку, ни рожи ни кожи, эту зубрилку, дочку чертежницы! Чем, ну скажите на милость, Тина прельстила его? Марьяна была смертельно оскорблена поступком Стаса. Страшно вспомнить, что она пережила тогда, как страдала, сколько слез пролила! Помнится, каждую ночь под утро подушка была мокрой, хоть выжимай. Но днем Марьяна изо всех сил старалась не подать вида и выглядеть не хуже, чем раньше. И это ей удавалось — как-никак она внучка знаменитой актрисы. Друзья и сокурсники видели перед собой прежнюю Янку — обаятельную, веселую, жизнерадостную. Даже не догадывались, что творится у нее на душе!

С Тиной и Стасом она общалась так, будто ничего не произошло, хотя внутри все клокотало от ненависти. И если на Стаса она просто злилась — ну мужик, что с него взять, все они, как бабушка говорит, «кобелино», поманили его — он и побежал, то Тину Марьяна готова была убить. Ведь они были подруги! С первого курса Марьяна по-настоящему опекала эту неловкую, неуверенную в себе девчонку, учила одеваться, пользоваться косметикой и общаться с парнями, ввела в свой круг друзей, делилась с ней своими переживаниями, рассказывала о своей любви и посвящала во многие подробности их отношений со Стасом. А эта тварь у нее за спиной...

Марьяна целые дни мечтала о мести. Самые изощренные способы ей рисовало воображение! Прокрасться, например, ночью в аудиторию, где находилась их дипломная мастерская, и залить краской все их совместные чертежи. Или прийти к Тине, когда она будет мыть окна, и столкнуть ее вниз — никто ни о чем не узнает, милиция решит, что это несчастный случай. А еще лучше: набрать где-нибудь бледных поганок и подсыпать Тине в еду — пускай перед смертью помучается!

Однако по тем или иным соображениям все эти варианты Марьяна отмела. Решила, что лучшим способом мести будет ее собственное благополучие. Думаете, она будет всю жизнь страдать и лить слезы? Не дождетесь! У меня все хорошо, я счастлива и выхожу замуж... А что? Это идея! Перебрав всех своих поклонников, она остановилась на Леше Федорове. Во-первых, он лучший друг Стаса, и, стало быть, новый роман будет развиваться на глазах у разлучницы и

коварного изменщика. Во-вторых, Алексей очень хорошо относится к Марьяне. В-третьих, он нравится ей больше других.

Яна подошла к Леше, назначила свидание. Он не скрывал своей радости. Когда же она решилась раскрыть перед ним карты, он понял все с полуслова. И заявил, что был бы счастлив, согласись она стать его женой. И чем скорее, тем лучше. Леше удалось договориться в ЗАГСе, и свадьбу они сыграли на несколько дней раньше, чем Кирилловы. И уж точно куда веселее — среди гостей было много бабушкиных театральных друзей и знакомых, и благодаря им торжество превратилось в настоящее представление.

Семейная жизнь Марьяне сразу понравилась. У Леши было великолепное чувство юмора, он постоянно шутил, она хохотала с утра до ночи и не заметила, как забылись душевные раны. Алексей успешно занимался предпринимательством, но жадным при этом не был. У Марьяны появились деньги, и она могла себе позволять многое, о чем раньше и не мечтала. Она пустила в ход все свои таланты, обвязывала и обшивала мужа, готовила вкусные блюда и всячески старалась создать в доме уют. На свое счастье, молодые отличались легким характером, без проблем уступали друг другу, никогда не ссорились по пустякам. К тому же они идеально подходили друг другу в интимной жизни. Марьяна была женщиной страстной, и Стас, со своим весьма сдержанным темпераментом, не очень ее устраивал, Леша смолоду любил секс, но никогда не был раскрепощенным. Молодые супруги отлично понимали друг друга. Они смело экспериментировали, занимались любовью в городском лесопарке, в автомобиле, в гостях, запершись в ванной, в туалете кафе и даже просто на улице, на лавочке в сквере, после того как стемнеет. У них не было табу, они без ложного стыда делились друг с другом своими идеями, пробовали все, что придет в голову, и выбирали то, что понравится.

Марьяна охотно делилась подробностями своей интимной жизни с Тиной. Та реагировала на ее откровения как-то излишне нервно, становилась напряженной, замыкалась, стараясь переменить тему. Марьяна чувствовала, что в этой сфере у Кирилловых не все гладко, и подобные догадки доставляли ей огромное наслаждение.

В том, что после окончания института они сохранили дружбу с Кирилловыми, была в основном заслуга Марьяны. Именно она

поддерживала эти отношения, всем своим видом стараясь показать Тине и Стасу: "Видите? У меня все хорошо, я счастлива!" Совместное дело, где Алексей на первых порах играл ведущую роль, еще больше укрепило ее позиции. Именно ее, Марьяны, муж добывал заказы и обеспечивал всем им заработок, а Стасу приходилось выступать у него на подхвате.

Вскоре, сама того не замечая, Марьяна сильно привязалась к Алексею. Особенно сблизило их общее несчастье. Узнав о том, что не сможет иметь детей, она с ужасом ожидала, что муж бросит ее и уйдет к другой, «полноценной». Но этого не произошло. Даже когда Марьяна скрепя сердце предложила найти женщину-донора, которая согласилась бы родить от него ребенка, он наотрез отказался. Слишком много проблем. Неизвестно, как потом поведет себя эта женщина, может, начнет качать права и требовать сына или дочь обратно. Или вдруг у нее окажется плохая наследственность, какая-нибудь болезнь, предрасположенность к алкоголизму, да мало ли что! По этим же причинам он не соглашался взять ребенка из детдома. Привяжешься к нему, поставишь на ноги, все силы и деньги вложишь — а он вырастет преступником или наркоманом.

Но Марьяна на несколько лет стала буквально одержима "детской идеей". Чего она только не делала, господи ты боже мой! Сколько раз в больницах лежала, сколько анализов и диагностик сделала, у скольких светил наблюдалась и здесь, и за рубежом! Поняв, что традиционная медицина бессильна, она переключилась сначала на народных целителей, затем на экстрасенсов, но и это ни к чему не привело. Она отчаялась и даже попыталась отравиться. Но Алексей спас ее, поместил в клинику неврозов, и после реабилитационного курса она немного пришла в себя. Психотерапевт объяснил ей причину столь бурной ее реакции — давало знать о себе давнее соперничество с Тиной. Марьяна не могла смириться с мыслью, что у нее не будет детей, в то время как у ее, как выразился врач, «заклятой» подруги их двое, а ей, собственно, они не нужны.

Однако окончательно восстановить душевное равновесие Марьяне помогла отнюдь не психотерапия. Выйдя из больницы, она увлеклась магией. Благодаря многочисленным знакомым Алексея ей удалось попасть на прием к знаменитому колдуну Артемову, и именно он рассказал Марьяне о ее Даре. Оказывается, невозможность

материнства компенсировалась у нее другими, сверхъестественными способностями. Можно сказать, это было чем-то вроде кармической платы за Дар. Во многих прошлых своих жизнях Марьяна была ведьмой и в нынешнем своем воплощении сохранила свой талант. Надо было только его разбудить.

Марьяна всей душой откликнулась на его слова. С этого момента жизнь ее резко переменилась, одна навязчивая идея сменилась другой, мечта о ребенке уступила место увлечению колдовством. Началось все, как всегда, с квартиры. Несостоявшуюся детскую, во избежание неприятных воспоминаний, превратили в кабинет Алексея. А для магических ритуалов было оборудовано специальное помещение в комнате для прислуги за кухней — там было достаточно темно, оставалось только задрапировать стены черной тканью и повесить на окна тяжелые черные шторы. По несколько раз в неделю Марьяна посещала специализированные магазины и выставки-распродажи, обходила в поисках подходящих вещей антикварные салоны и барахолки. Вскоре комната наполнилась магическими предметами, появились специальные столики для ритуалов, несколько хрустальных шаров разного размера, ножи с черными и белыми рукоятками, жаровни, кадила, ароматные благовония, разноцветные свечи — для каждого отдельного действия требовался свой запах и свой цвет. Марьяна накупила целый шкаф соответствующих книг и запоем читала, освоила карты Таро, выучила массу заклинаний и заговоров, пробовала готовить всевозможные снадобья и в конце концов всерьез стала считать себя колдуньей. Серой — не такой жестокой и беспощадной, как черные маги, которые, как известно, творят только зло, но все-таки более сильной и могущественной, чем белые маги, занимающиеся только целительством.

Практиковалась Марьяна ежедневно и вскоре обнаружила, что делает значительные успехи. Ей почти никакого труда не составляло снять у кого-нибудь при помощи заговора головную или зубную боль или, совершив старинный, кажется кельтский, ритуал, разогнать затянувшие небо облака. А однажды, когда перед самыми майскими праздниками ей удалось вызвать настоящий снегопад, Марьяна окончательно поверила в свои силы. Она давно наметила себе цель и совершенствовала свое мастерство, движимая только одним желанием — отомстить Кирилловым.

С годами ее неприязнь к ним лишь усилилась и переросла в настоящую ненависть. Не только Марьяна, но и Алексей не мог простить друзьям быстрого обогащения, они искренне верили в то, что все доставшееся Кирилловым по праву должно принадлежать им. И если Стас не выставлял напоказ свое богатство, то Тина кичилась им до неприличия. Марьяне казалось, что все, принадлежавшее "заклятой подруге" — начиная от нарядов и драгоценностей и кончая мужем и детьми, — отобрано у нее, у Марьяны. Выстроенный Кирилловыми дом был для Федоровых как нож в сердце. А обман в конкурсе на проект гимназии оказался последней каплей, переполнившей чашу. Марьяна не сомневалась, что это тоже дело рук Тины. Стас никогда не решился бы так подставить лучшего друга.

Словом, Марьяна решила мстить. Что и как надо сделать, она придумала уже давно, оставалось только осуществить свой план. Но тут возникла загвоздка. Для воплощения плана необходим помощник, который осуществил бы ее намерения и стал орудием в ее руках. Но где его взять? Марьяна обратилась с этим вопросом к высшим силам и получила странный ответ. Ей назван был определенный день и час, когда ожидаемый ею посредник появится в ее жизни, но не сказано ни слова о том, что это за человек и где его искать.

Не зная, куда идти, новообращенная колдунья осталась дома. Она растерянно блуждала по квартире, то присаживалась, то снова вставала, бралась за какие-то дела и сразу бросала их, снимала с полки книгу, вертела в руках и тут же ставила на место, даже не открыв. Взгляд ее то и дело обращался к часам, томительно медленно отсчитывавшим оставшиеся до заветного мига минуты. Вот наконец он настал... И ничего не случилось. Видимо, она допустила какую-то ошибку или неправильно поняла ответ оракула. Расстроенная, Марьяна уселась на диван, включила телевизор и бездумно уставилась на экран. Но едва она успела с радостью отметить, что реклама на детскую тему совсем ее не раздражает, как зазвонил телефон, и Марьяна быстро схватила трубку.

С первых же слов Виолетты она почувствовала, что предсказание оракула начинает сбываться. А в тот момент, когда собеседница сама назвала фамилию Кирилловых, все было уже окончательно предопределено. Осталось только решить, стоит ли прямо сейчас посвятить в свои планы мужа.

Тонюсенькие кофейные чашки с незабудками, сразу видно, что не Ленинградского фарфорового завода. И миниатюрные серебряные ложечки, позолоченные, маленькие, изящные. Во всем этом Виолетта чувствовала браваду — вот, мол, смотрите, из чего мы каждый день кофе пьем. И делаем это не на кухне, как вы все, быдло совковое, а в столовой, за круглым столом, накрытым белоснежной скатертью.

— Еще кофейку? — Марьяна протянула руку к сверкающему старинному кофейнику.

— Да, пожалуйста. Он у вас просто замечательный.

Это был уже четвертый ее визит в дом Федоровых. Она приезжала, выпивала чуть ли не литр чая или кофе, угощалась вкуснейшей домашней выпечкой, проводила целые часы в пустой болтовне и удалялась ни с чем. Было ясно, что хозяйка, как выражаются в остросюжетных романах, "прощупывает ее", стремится побольше узнать о ней, проверяет что-то, но что именно, а главное, зачем — этого Виолетта понять не могла. Неужели только для того, чтобы порекомендовать ее в качестве гувернантки в семью своей приятельницы? Это было бы слишком. Марьяне нужно от нее нечто большее, у нее далеко идущие планы. Виолетта терпеть не могла, когда ее пытались использовать втемную, и никому не позволяла этого делать. Но сейчас ее одолело любопытство — она, как ни билась, не могла даже представить себе, что задумала Марьяна, и терялась в догадках, строя самые невероятные предположения. Скорее всего, Марьяна равнодушна к Стасу, возможно, они даже любовники. Тогда необходимо убедить ее в том, что Виолетта ей не соперница. А может, она просто переживает за подругу, боится, что в ее дом попадет ненадежный человек, украдет деньги из сейфа или, опять же, соблазнит главу семьи. Все это Виолетту очень забавляло. Но в одном она была совершенно уверена: Марьяна ее порекомендует. И поскольку Виолетта была более чем заинтересована в том, чтобы попасть в семью Стаса — а лучшего пути, чем через Марьяну, ей было не найти, — она ездила в Кривоарбатский переулок, восхищалась кулинарным искусством хозяйки и поддерживала светскую беседу, старательно обдумывая каждое слово.

— Да, кофе я варю по бабушкиному рецепту. Она знала несколько секретов... Бабушка вообще была удивительным человеком, сейчас таких не бывает. Настоящая аристократка, из тех самых Азаровых.

Виолетта никогда не слышала ни о каких Азаровых, кроме Шурочки, героини "Гусарской баллады". Но та, кавалерист-девица, на самом деле, помнится, была не Азаровой, а вовсе даже Надеждой Дуровой. Наверное, стоит подробнее расспросить хозяйку об истории ее семьи, ей это, безусловно, доставит удовольствие. Правда, сделать это в соответствующей форме. Нельзя же прямо спросить, кто такие Азаровы. Марьяна наверняка обидится, и плакали тогда ее рекомендации.

Марьяна, поглощенная своими мыслями, отнюдь не была уверена, что ее план увенчается успехом, и никак не решалась рассказать обо всем Виолетте. Конечно, она навела справки и теперь многое знала о своей гостье. Например, то, что ее нынешнее положение оставляет желать лучшего. Или что ради денег, которые ей сейчас очень нужны, она готова пойти на все. Но на все ли? Сегодня надо расставить все точки над "и".

Марьяна размешала в кофе сахар, ни разу не звякнув ложечкой о чашку, и подняла глаза на сидевшую напротив гостью.

— Послушайте, Виолетта, давайте будем откровенны друг с другом.

Виолетта посмотрела на нее с интересом. Наконец-то все прояснится! Или это опять очередная уловка?

Марьяна тем временем продолжала:

— Насколько я понимаю, вам очень нужна работа?

— Нужна, но не любая. — (Хочешь откровенности? Получай!) — Мне нужно устроиться гувернанткой к Кирилловым.

— Но почему именно к Кирилловым?

Этого вопроса Виолетта давно ждала.

— Ну скажем так: они мне подходят.

— Чем именно?

Виолетта усмехнулась, взяла с кузнецовского блюда еще кусочек кекса, откусила, тщательно прожевала и только потом ответила:

— Видите ли, Марьяна, я профессионал и работала только в богатых домах. А Кирилловы, насколько мне известно, семья состоятельная. Хочу вас заверить, что у богачей невежество сочетается с чванством, патологической жадностью, с грубостью и презрением к неимущим. Кирилловы не такие. И Станислав, и Тина производят впечатление интеллигентных и воспитанных людей. А я уже не в том

возрасте, чтобы терпеть грубость от тех, кто годится мне в сыновья или дочери.

Марьяна молчала, очевидно обдумывая сказанное. Может, что-то не так? Вроде бы эта фраза должна была усыпить ее подозрения, вне зависимости от того, играет она в команде Стаса или Тины. Виолетта решила зайти с другой стороны:

— И вот еще что. Я, знаете ли, человек старой закалки, привыкла честно работать и получать то, что заработала. А от этих "новых русских", вы сами знаете, ожидать можно чего угодно. Могут обмануть, обсчитать, могут вовсе не заплатить... А в порядочности Кирилловых я уверена на все сто.

Марьяна удивленно взглянула на нее:

— А разве вы с кем-то из них знакомы? Вы ничего об этом не говорили!

— Нет, нас, как говорится, не представляли друг другу. Поэтому я и обратилась к вам. Но общие знакомые у нас есть, и что за люди Кирилловы, я знаю достаточно хорошо.

Марьяна еще больше помрачнела, и это не очень понравилось Виолетте.

Похоже, ее помыслы в отношении семьи Стаса не так уж чисты. Черт, если бы догадаться, чего она от нее хочет! И Виолетта сделала еще один пробный ход:

— А у меня сейчас такое трудное положение... Словом, мне очень нужны деньги. Очень. Я готова согласиться на любое предложение, только бы хорошо оплатили.

Похоже, это заявление понравилось Марьяне куда больше. Она отодвинула чашку и, глядя Виолетте прямо в глаза, спросила:

— Что вы имеете в виду?

— В каком смысле?

— Что подразумеваете под любыми предложениями?

— Ну-у... Это зависит от предложения.

— И все-таки?

Ладно, пан или пропал, подумала Виолетта. Хватит ходить вокруг да около, пора наконец выяснить, чего хочет эта девица.

— Послушайте, Марьяна, вы сами заговорили об откровенности. Я обратилась к вам с просьбой, все о себе рассказала, объяснила, почему мне нужна эта работа. А вы темните, ходите вокруг да около,

задаете какие-то странные вопросы. Если вы считаете, что я не гожусь в гувернантки для ваших друзей, то так и скажите мне об этом. Если же все в порядке, то пойдите мне навстречу и дайте рекомендацию, и дело с концом.

Наступило молчание. Женщины пристально смотрели друг на друга. Наконец Марьяна не выдержала, отвела глаза и Виолетта поняла, что победила.

— Я готова помочь вам. Но, сами понимаете, не бескорыстно.

— Догадываюсь. Чего же вы от меня хотите?

— Мне не составит никакого труда порекомендовать вас гувернанткой к Тининым детям, — продолжала Марьяна, игнорируя ее вопрос. — Не скажу, что они сразу вас примут. Человека с улицы они не возьмут. Вас будет проверять система безопасности и все такое. Вас это не смущает?

Виолетта покачала головой. Похоже, эта девчонка считает, что открыла ей Америку.

— Но, знаете ли, попасть в этот дом — это только полдела, — продолжала Марьяна. — Главное — там задержаться. Именно в этом проблема. Стас и Тина слишком привередливы. Угодить обоим практически невозможно. Он требует одного, она совершенно другого. Вам придется лавировать, пустить в ход всю свою хитрость и ловкость. Насколько я поняла, вам их не занимать.

Виолетта молча слушала, помешивая остатки кофе.

— Но я помогу вам. — Марьяна так увлеклась, что даже забыла играть роль гостеприимной хозяйки — кофе давно остыл, но она этого даже не замечала. — Я расскажу все тонкости, буду советовать, направлять вас. К каждому члену семьи нужно найти особый подход.

Марьяна встала, пошире открыла форточку, взяла с маленького резного столика початую коробочку тонких сигарет «Vog», вынула одну себе, протянула пачку гостье, щелкнула миниатюрной зажигалкой, подвинула старинную серебряную пепельницу в форме ракушки. Виолетта терпеливо наблюдала за ней, ожидая продолжения. Пока она не понимала, куда клонит Марьяна.

— У вас будет приличный оклад плюс питание и проживание в отличных условиях. Более того, я готова перечислять на ваш счет пятьсот долларов в месяц, если вы пройдете испытательный срок.

Будь на месте Виолетты другая женщина, у нее глаза бы вылезли на лоб, но на лице Виолетты не дрогнул ни один мускул. Она только спросила, стараясь, чтобы голос звучал совершенно бесстрастно:

— И чем же я буду расплачиваться с вами за такую щедрость?

— Мне нужен свой человек в этом доме. Я пообщалась с вами и думаю, вы вполне годитесь на эту роль.

— Благодарю за доверие. — Даже отлично владевшей собой Виолетте было трудно сдерживать любопытство. Что задумала эта девчонка, как собирается ее использовать, за что готова платить такие деньги — судя по всему, это будет ощутимой прорехой в ее семейном бюджете. Сколько бы ей ни демонстрировали старинный фарфор и столовое серебро, Виолетта опытным глазом заметила, что квартира давно требует ремонта, а наряды хозяйки куплены хоть и не на Черкизовском рынке, но и не в бутиках. Похоже, дела у Федоровых идут далеко не так успешно, как у их друзей. — Так что же мне придется делать?

Марьяна придвинулась к ней ближе, взяла за руку, доверительно заглядывая в лицо, и Виолетта поразились тому, насколько черны у нее глаза — в них практически невозможно было различить, где кончается зрачок и начинается радужка.

— Вы поможете мне осуществить мой план. Видите ли, в свое время Кирилловы причинили нам много горя. Я хочу отомстить им, особенно Тине...

Я расскажу вам, что нужно делать. А вообще я бы хотела...

Виолетта слушала Марьяну и кивала. План поначалу показался ей плодом больного воображения, но потом Виолетта поняла, что от нее требуется, и предложение показалось заманчивым. У Виолетты сладко заныло сердце.

Разумеется, задуманное Марьяной никак нельзя было назвать высокоморальным, но для Виолетты это не имело никакого значения.

Слов нет, их совместное предприятие выглядело очень рискованным. И хуже всего было то, что львиную долю опасности пришлось принять на себя Виолетте. Малейший промах — и все пропало. Виноватой будет она одна. Сухой из воды ей не выйти, она не сможет доказать, что за всем этим стоит Марьяна.

Но это не повод отказываться от столь соблазнительного предложения. Придется все время быть начеку, чтобы не совершить

ошибки. На это у нее хватит ума. Нужно только хорошенько обмозговать все детали, обсудить со Старухой. Виолетта не привыкла выступать слепым орудием в чьих-то руках и исполнять чужие замыслы. У нее уже сейчас появилось множество идей и корректировок, которые она обязательно внесет в план Марьяны. Тогда их совместная задумка принесет плоды.

Тем временем хозяйка закончила свой сбивчивый монолог и в ожидании глядела на гостью.

— Ну? Что скажете?

Виолетта не торопилась с ответом.

— Не знаю, что и сказать. Ваше предложение столь же рискованное, сколь и заманчивое. Дайте мне время подумать. Я позвоню через пару дней, хорошо?

Но в глубине души она уже знала, что согласится.

К великому недоумению Тины, переезд в новый дом обострил все проблемы. Конечно, она не была настолько глупа, чтобы вообразить, будто с этого момента в их семью придут счастье и благополучие. Но по крайней мере Тина надеялась, что сложностей станет меньше, а получилось совсем наоборот.

Они со Стасом еще больше отдалились друг от друга. И раньше-то виделись не слишком часто — он пропадал на работе, а Тина занималась строительством их дома. Теперь она стала чаще появляться в офисе, но с мужем встречалась там редко — фирма разрослась, и Стас не успевал управляться с делами. Работа проектного отдела была давно налажена, и в общении с главными архитекторами у генерального не возникало необходимости. Куда большего внимания требовали строительное подразделение и недавно открытые филиалы, занимавшиеся покупкой земли и продажей готовых объектов.

Стас возвращался домой поздно, нередко навеселе после обедов и ужинов с заказчиками и клиентами, которых Тина не знала. Еще давно, планируя новый дом, она специально не стала делать отдельные спальни, но это не помогло — Стас часто оставался ночевать в своем кабинете, и, проснувшись утром, она не находила его рядом с собой. А он только улыбался своей обезоруживающей улыбкой: "Извини, поздно вернулся, не хотел тебя будить".

Нет, никаких ссор и конфликтов с мужем не возникало. Он все так же был мил, заботлив, сердечен по отношению к ней, все так же

обожал детей и проводил с ними все свободное время. Не было никакого повода для того, чтобы подозревать его в неверности, и все-таки в душе Тины давно поселился червячок сомнения. Будучи женой красавца мужчины, а теперь еще и преуспевающего бизнесмена, она жила в постоянном страхе его потерять. И в огромном новом доме, раскидавшем семью по отдельным, далеким друг от друга комнатам, эти опасения только усилились.

К проблемам с мужем добавились проблемы с детьми. Катя день ото дня становилась все более дерзкой и неуправляемой. Только отец и Марьяна да, пожалуй, еще охранник Витек оставались для нее авторитетами. Но отец бывал дома редко, Марьяна принципиально не вмешивалась в их взаимоотношения, привлекать же к процессу воспитания охранника Тина считала ниже своего достоинства. Катя все-таки перебралась в новый дом, конечно, первым делом обклеив все стены своей комнаты плакатами, но чувствовала себя в нем очень неуютно, о чем то и дело напоминала взрослым. Одному только Сашуре было хорошо в большой детской, но неугомонный мальчуган не собирался проводить в ней все время. Целыми днями он носился по дому и участку, норовя то нырнуть в бассейн, то опробовать папины тренажеры в спортзале, то забраться в фонтан, то набрать букет орхидей в зимнем саду. За ним требовался глаз да глаз, а следить было абсолютно некому. Все заботы легли на Галину Ивановну, которой, конечно, стало полегче с тех пор, как наняли кухарку и уборщиц, но все равно большой дом отнимал массу времени и сил, и ей было не до Сашуры.

Словом, вопрос о гувернантке из разряда важных перешел в разряд насущных. Стас еще раз обзвонил несколько агентств, Тина, как лицо наиболее заинтересованное, даже взяла несколько дней отпуска, чтобы побыть дома и побыстрее отобрать из предложенных кандидатур наиболее подходящую. Чтобы упростить процесс, она попросила агентства предварительно присылать резюме с фотографиями и еще до встречи отбраковывала тех соискательниц, которые могли показаться хоть мало-мальски привлекательными. В результате этого просеивания через крупное сито у агентств почти не оставалось кандидатур — ведь каждая из ищущих работу женщин норовила оставить в своем личном деле не худшую, а лучшую свою фотографию. Поэтому, когда однажды вечером позвонила Марьяна и

сообщила, что у нее есть на примете хорошая няня для детей, Тина несказанно обрадовалась.

— И кто она такая?

— Профессиональный педагог. Еще воспитывала детей партийной номенклатуры.

— Здорово, значит, не девчонка какая-нибудь.

Марьяне она доверяла больше, чем агентствам, поэтому сразу же назначила встречу на послезавтра — как раз выходной, все будут дома.

— Сколько же ей лет, если она работает еще с тех времен? — поинтересовался вечером Стас.

— Не знаю, лет пятьдесят, наверное, может, чуть больше, а что?

— Да ничего! Ты представляешь, каково будет пожилой женщине бегать за Сашурой? Вон Галина Ивановна еле справляется. Я специально во всех заявках агентствам указывал: до пятидесяти лет!

— Конечно, тебе только молоденьких подавай!

— Тина, ну прекрати, пожалуйста, опять начинается!

Из уважения к Марьяне за Виолеттой даже выслали машину. Один из охранников подобрал ее у метро «Крылатское», и через четверть часа они уже были на месте — пригревшиеся на теплом майском солнце москвичи пока не торопились возвращаться с дач, и дорога была свободна.

Жилище Кирилловых произвело на Виолетту неизгладимое впечатление. Трехэтажный коттедж, ухоженный сад, утопавший в пышной свежей зелени, гараж на несколько автомобилей, маленький флигель в глубине участка, красивый каскад на лужайке перед домом — все это говорило, пожалуй, даже кричало о богатстве владельцев.

Виолетту приняли в восточной гостиной на втором этаже. Попад внутрь, она сразу поняла, что название свое эта комната получила не только благодаря своему расположению, но и стилю убранства — японские расписные ширмы, низкие столики черного дерева, рисовые циновки на полу и настоящий бонсай в низкой кадке. Из общего интерьера выбивалась только хозяйка — маленькая и худенькая кареглазая шатенка в черных джинсах от "Hugo boss" и малиновой футболке с одним плечом. Наблюдательная Виолетта тут же отметила, что на ней нет лифчика, и усмехнулась про себя: "Ничего удивительного, грудь у дамочки отсутствует как класс".

Некоторое время женщины, оставшиеся в комнате вдвоем, молча рассматривали друг друга.

"И как такой мужчина мог польститься на эту пигалицу? — думала Виолетта. — Говорят, она его первая и единственная жена, они вместе чуть ли не со студенческой скамьи. Небось не может опомниться от счастья, сидит и не вякает. Ну, это мне не соперница. Я с ней легко разберусь".

Хозяйка в свою очередь не сводила с гостыи испытующего взгляда, отмечая элегантную стрижку (похоже, только сегодня из модного салона), неброский макияж, безукоризненный маникюр, явно недешевые туфли, строгий темно-синий костюм. Выглядит достаточно молодо. Пожалуй, нет и пятидесяти. Стас будет доволен.

— У вас чудесный дом. — Виолетта улыбнулась обезоруживающей улыбкой. — Все так удивительно подобрано, обставлено с таким вкусом... Вы, вероятно, приглашали дизайнера из-за границы? Сомневаюсь, чтобы у кого-нибудь из наших было такое чувство гармонии.

Неприкрытая, можно даже сказать грубая лесть. Но Тина по природе своей не отличалась тонкостью натуры, поэтому расплылась в довольной улыбке. — Я сделала это все сама. Я профессиональный архитектор.

— Что вы говорите? — Лицо Виолетты выразило такое удивление, словно она узнала об этом только сейчас, а не давным-давно, от Марьяны. — Поразительно!

— Добрый день! — Наконец-то появился Стас. И Виолетта, горя от нетерпения, взглянула на него.

Она нисколько не была разочарована, наоборот, в действительности он оказался еще привлекательнее, чем тот образ, который сохранился у нее в памяти. За минувшие пять лет Стас ничуть не постарел и не подурнел, только седины на висках чуть прибавилось, но это ему шло. Он возмужал, но не прибавил ни грамма лишнего веса — было видно, что мужчина следит за собой и ведет здоровый образ жизни. Виолетта обернулась к нему с очаровательной улыбкой.

— Я выражала вашей супруге свое восхищение вашим домом. Просто потрясающе! Настоящая усадьба русского дворянина. Кирилловка.

Тут уже улыбнулся Стас, довольный шуткой.

— Присаживайтесь, пожалуйста! — Стас указал на одно из обитых черным шелком японских креслиц, без спинки, но с высокими круглыми подлокотниками.

— Благодарю вас! — Виолетта грациозно опустилась в кресло, но закидывать ногу на ногу не стала. — Итак, я слышала, вы ищете гувернантку.

Подобную линию поведения они разработали вместе с Марьяной. Никакого заискивания, никакого подбострастия! Пусть Кирилловы увидят перед собой светскую даму с безупречными манерами, чье появление в доме нельзя расценить иначе, чем подарок судьбы.

— Да. Нам очень нужна гувернантка! — охотно признала Тина, не сводя с гостью изумленного взгляда. За последнее время она перевидала множество всяких нянь, но они не шли ни в какое сравнение с этой.

— Надеюсь, смогу оказаться вам полезной. Вот мое резюме и рекомендации. — Виолетта вытащила из небольшого портфеля пачку бумаг, каждая была вставлена в прозрачную папочку-файл, и протянула Стасу.

Разумеется, все бумаги были подложными. Она сама сочиняла их вечерами, а Анна набирала на компьютере под ее диктовку. Но уж такую малость, как разрешить прикрыться их именами, ее бывшие знакомые могли для нее сделать!

Им это не составило никакого труда. А один даже согласился распечатать липовую рекомендацию на фирменном бланке своей компании и поставил печать.

Пока Стас изучал документы, Виолетта продолжала беседу с Тиной:

— Марьяна Юрьевна сказала, что у вас двое детей — мальчик и девочка?

— Да, это так. Сыну шесть лет, ему на будущий год в школу.

Виолетта понимающе кивнула:

— В прошлом месяце я как раз закончила курсы по применению системы Монтессори. Вы, конечно, слышали об этом методе? Это одна из последних систем подготовки детей к школе. Вот, кстати, и сертификат об окончании... Хотя, должна вам сказать, лично мне намного ближе методы гуманистической психологии. На мой взгляд,

самое главное в воспитании — это любить ребенка и уважать его как личность. Как вы считаете, Станислав Алексеевич?

— Вполне с вами согласен. — Стас оторвался от изучения бумаг и испытующе поглядел на Виолетту. — У вас отличные рекомендации.

— Благодарю вас. Надеюсь, смогу вам доказать, что заслужила их.

— Дайте мне посмотреть! — потянулась за документами Тина. Заглянув в резюме, она с удивлением перевела взгляд на гостью. — Вы родились в 1944 году?

— Да. А почему вас это удивляет?

— Неужели вам пятьдесят девять лет?

— Да, а что в этом такого?

— Вы выглядите гораздо моложе. Я была уверена, что вам нет еще и пятидесяти.

— Видите ли, Тина Сергеевна, я всегда была сторонницей теории психолога Кроника. Он считает, что человеку не столько лет, сколько записано у него в паспорте, а столько, на сколько он выглядит и на сколько себя чувствует.

По тому, как переглядывались Стас и Тина, Виолетта поняла, что одержала первую победу.

— Не знаю, подойдут ли вам наши условия... — неуверенно проговорила хозяйка. — У нас довольно строгие требования. Нам нужно, чтобы няня присматривала за Сашурой, занималась с ним, гуляла и укладывала спать.

— В этом нет ничего особенного. Все это входит в профессиональные обязанности гувернантки, — заверила ее Виолетта. — Соблюдение режима дня, прогулки, занятия, развивающие игры, в том числе и физические, спорт — а как же иначе?

— Но у нас есть еще дочь, — включился в разговор Стас. — И у Кати сейчас очень сложный период, с ней довольно трудно. Хотелось бы, чтобы вы сумели найти к ней подход.

— Думаю, это не составит никакого труда! — улыбнулась Виолетта. — Кажется, девочке четырнадцать лет? Ничего удивительного, подобное поведение вполне типично для переходного возраста. Главное — проявлять терпение, понимание и такт, тогда все будет в порядке.

Она искоса взглянула на Стаса, и ей показалось, что тот еле удержался от того, чтобы не обернуться к жене со словами: "Видишь, я тебе говорил"! — А еще, — продолжала Тина — мы хотели бы, чтобы вы жили здесь, в домике для прислу... для гостей.

— Там отличные комнаты, со всеми удобствами. Мы сами жили в том доме до того, как построили новый, — поспешно добавил Стас, и Виолетта мысленно издала торжествующий клич.

— Меня это вполне устраивает. Видите ли, — она доверительно улыбнулась супругам, — у меня взрослая дочь, которая собралась замуж. Пусть некоторое время поживут самостоятельно, одни, ну вы меня понимаете.

— Что касается оклада, — снова заговорил Стас, — то мы обычно платили гувернанткам пятьсот — шестьсот долларов в месяц. Но вам, с вашим опытом, мне просто неудобно будет предложить меньше восьмисот. Вас устраивает такая сумма?

Виолетта неопределенно пожала плечами, и тогда в разговор поспешила вмешаться Тина:

— Нет-нет! Я думаю, мы будем платить вам тысячу долларов. И при этом, конечно, питаться вы будете здесь, с нами.

— Благодарю вас, меня это вполне устраивает! — с достоинством отвечала Виолетта.

Возникла небольшая пауза, все вежливо улыбались друг другу.

— Может, хотите задать нам какие-нибудь вопросы? — нарушил молчание Стас.

— С вашего позволения мне хотелось бы познакомиться с детьми.

— Конечно, пойдёмте! — Тина решительно поднялась с места. — Они, наверное, в саду, погода хорошая.

Дети действительно были в саду. Сашура с охранником Витьком играли в футбол, Катя полулежала на нагретой солнцем скамейке, слушала плеер и читала книгу, которую, завидев родителей, поспешно спрятала. Виолетта отметила, что дети очень похожи на родителей. Мальчик, румяный и толстощекий голубоглазый крепыш, прямо-таки копия Стаса. Катя, невысокая для своих лет, но казавшаяся длинной из-за своей худобы и тонкости рук и ног, удивительно напоминала Тину — те же карие глаза, то же узкое смуглое личико, вот только волосы намного темнее.

— Дети, познакомьтесь, это ваша новая гувернантка!

По тому, каким тоном Тина произнесла эту фразу, Виолетта поняла, что вопрос о ее работе в этом доме решен. Она присела на корточки перед Сашурой, улыбнулась ему и протянула руку для приветствия.

— Ты Сашура? А я Виолетта Анатольевна. Будем знакомы! О, какое крепкое рукопожатие! Сразу чувствуется настоящий мужчина!

— Сашура, ты запомнил, как зовут твою няню? — поинтересовался Стас.

На лице мальчика отразилось такое мучение, что Виолетта поспешила разрядить обстановку:

— Давай договоримся. Можешь звать меня просто "тетя Летта".

— Тетя Лето? — удивленно переспросил тот. — Вас правда так зовут?

— Ну да.

— Здорово! Тетя Лето. Ура! Тетя Лето! — И Сашура принялся скакать по лужайке, повторяя: "Тетя Лето, тетя Лето!"

— Похоже, вы ему понравились, — улыбнулся Стас. — А? Что скажешь, Катя?

— Гм?! — Катя оценивающе смотрела на Виолетту, так и не поднявшись со скамейки. Воспитательница присела рядом с ней.

— Надеюсь, мы с тобой подружимся!

— Вряд ли! — серьезно ответила та. — Но если вы у нас застрянете, будет классно. А то я уже задолбалась возиться с малым.

— В общем, Виолетта Анатольевна, мы готовы взять вас на работу, — заявила Тина и тут же добавила, спохватившись: — Если, конечно, вы не против!

— Я согласна! Мне у вас очень понравилось. — Последние слова были обращены к Стасу и сопровождались пленительной улыбкой.

— Только, умоляю вас, приступайте к своим обязанностям как можно скорее!

— Да хоть завтра, если вам это так необходимо.

— Неужели? Это было бы чудесно! Тогда мы смогли бы наконец справить новоселье. Давайте договоримся так: пусть Витек сейчас отвезет вас домой, а завтра утром, часов в девять, приедет и заберет и вас, и ваши вещи. Надеюсь, вы успеете собраться?

— Успею, успею, не волнуйтесь, — заверила ее Виолетта.

— Может, у вас есть какие-то просьбы или пожелания? — поинтересовался Стас, провожая ее к машине.

— Только одно. Не люблю, когда называют няней или гувернанткой. Мне больше нравится слово "воспитательница".

— Что же, договорились. Хотя я с большим удовольствием называл бы вас, как мой сын: "Лето"! — рассмеялся хозяин, и Виолетта ответила ему заговорщической улыбкой.

ЧАСТЬ 2

— Сашенька, надо спать! Ложись на бочок, закрывай глазки...

— Я не хочу спать! Мне музыка мешает!

— Я сейчас закрою окно.

— Все равно мешает! Хочу туда, на праздник! На это, новое селе...

— Новоселье. Нам с тобой туда нельзя, — вздохнула Виолетта. — Это праздник для мам и пап. А тебе надо спать. Ложись, хватит скакать по кровати.

— Ладно, тетя Лето, я лягу, а вы почитайте мне про Мумми-тролля.

— Хорошо, почитаю. Какую из книжек? Про зиму или про комету?

— Почитайте про то, как он залез в шляпу волшебника и заколдовался. Никто его не мог узнать, даже фрекен Снорк. А Мумми-мама сразу узнала.

— Сейчас почитаю, только ты ляг. Вот так. Давай я тебя одеяльцем укрою.

— Катька мне это место никогда не читает. Она его не любит.

— Вот как? Почему?

— Говорит, что наша мама нас ни за что бы не узнала. Что мама нас даже заколдованных скоро узнавать перестанет. Потому что мама нас так редко видит, что даже не помнит, какие мы. Но это она просто сердится на маму, правда? А мама хорошая и нас любит?

— Конечно, любит. Спи, мой сладенький.

— Только, тетя Лето, вы не уходите, ладно? А то я проснусь и буду плакать.

— Не уйду, не уйду. Спи.

Сашура поворочался в своей голубой с белыми зайцами постельке, наконец-то уgomонился и тихонько засопел. А Виолетта осталась сидеть у его кровати, глядя в окно. Из сада доносилась музыка, которую было слышно даже сквозь наглухо закрытые стеклопакеты окон — для вечеринки был специально приглашен настоящий духовой оркестр, напомнивший Виолетте те, что играли летом в парках во времена ее детства.

Новоселье Кирилловы праздновали с грандиозным размахом. Столь великолепные торжества Виолетта до этого видела только в кино, и то в зарубежном. Но Тина придавала этому приему огромное значение — еще бы, ведь она демонстрировала общественности свое гениальное творение. Поэтому пригласили чуть не весь московский бомонд. Еду и напитки заказывали в лучших ресторанах. Официанты — по настоянию хозяйки исключительно мужчины, никаких коротких юбок и смазливых мордашек, — в смокингах цвета морской волны, чтобы не смешивались с гостями и не ставили их в неловкое положение.

Слушая разговоры о предстоящем новоселье, Виолетта просто диву давалась. Фуршетный стол на сто с лишком человек, дорогие вина, украшение сада, музыка, фейерверки. Сколько же все это стоит? И насколько богаты должны быть ее хозяева, если могут позволить себе подобный праздник без особого ущерба для семейного бюджета?

Впрочем, суета подготовки ее совершенно не касалась. Дело гувернантки было присматривать за Сашурой, который оказался на редкость подвижным и непослушным ребенком. Виолетте стоило огромного труда во время всей этой суматохи держать своего воспитанника в узде, заставлять соблюдать режим дня, укладываться спать после обеда или сидеть за пианино, когда в ворота то и дело въезжали машины с эмблемами известных ресторанов на борту, а в саду развешивали гирлянды разноцветных лампочек. Раньше она и представления не имела о том, насколько же, оказывается, тяжел труд няни.

За неполную неделю, вынужденная с утра до ночи находиться неотлучно при своем воспитаннике, Виолетта успела чуть ли не возненавидеть избалованного и непоседливого мальчишку, а ведь ей ни в коем случае нельзя было этого проявить ни словом, ни даже взглядом. Не менее мучителен был для нее и отказ на весь день от курения — ни при ком из хозяев Виолетта ни разу не достала сигарет и позволяла себе расслабиться лишь в своей комнате. Бегая целый день за своим подопечным, к вечеру она буквально валилась с ног от усталости, и даже мысли о приличном заработке, складывавшемся из жалованья и обещанных Марьяной выплат, не приносили радости. Единственное, что как-то мирило Виолетту с происходящим, — это отношение хозяев. Стас дважды благодарил ее за то, что она "просто

развязала им руки", а Тина и вовсе утверждала, что такую няню им просто Бог послал. Ради этого Виолетта согласна была терпеть и не такие тяготы.

Торжества по случаю новоселья гувернантка ожидала с не меньшим волнением, чем ее хозяйка. Давненько она не выходила в свет! А тут такое... Богатое воображение Виолетты рисовало ей красочные картины, одна заманчивее другой. Она загодя тщательно продумала свой внешний вид, от обуви до макияжа, достала из шкафа вечернее платье, критически его осмотрела и осталась довольна. Конечно, не последний крик моды, но выглядит вполне прилично.

Накануне прошла гроза, что доставило Кирилловым немало беспокойства: а ну как погода совсем испортится, что тогда делать? За ужином (в отличие от остальной прислуги Виолетта столовалась вместе с хозяевами) срочно продумывали запасные варианты, прикидывали, как разместить столы в доме и чем занять гостей в случае плохой погоды. Но, ко всеобщей радости, день в субботу выдался хоть и не слишком солнечным, но, по крайней мере, теплым и без дождя. Так что все шло по первоначальному плану, если не считать конфликта с Катей. Девочка наотрез отказалась сменить свои черные джинсы и балахон с традиционной фотографией "легенды русского рока" на цивильную одежду. Она с презрением назвала купленное матерью в молодежном бутике на Тверской платье «попсовым» и заявила, что если уж предки так хотят видеть ее на своей тусе, то пусть терпят ее прикид. А лично ей, Кате, эта их пати на фиг не нужна. Все опять шло к скандалу, но Виолетте удалось разрядить обстановку. Дождавшись, пока девочка убежит к себе, она постаралась внушить рассерженным Тине и Стасу, что все только к лучшему. По большому счету, Катя еще слишком мала для взрослой вечеринки. К тому же она сама скоро пожалеет о своем упрямстве и попросит прощения. И оба родителя вынуждены были с ней согласиться.

Соответственно, гостей встречали вчетвером — еще не успевшая переодеться Виолетта стояла рядом с Сашурой и зорко следила, чтобы он не баловался и не испачкал нарядный костюмчик. На правах старых друзей первыми приехали Федоровы. Увидев накрытые на лужайке столы, снующих туда-сюда официантов и украшенный фонариками сад, Алексей только присвистнул:

— Ну, ребята, вы даете!

Марьяна в темно-красном, почти черном, бархатном платье и с такой же розой в волосах была до того хороша, что Тина изменилась в лице:

— Какое милое платьице, я его не видела, неужели новое? Право же, не стоило так из-за нас тратиться. Надела бы бежевое, в котором ты всегда выходишь в свет, я его очень люблю.

— Ну что ты, дорогая! — отвечала та, бросив презрительный взгляд на декольте подруги, обнажившее выпирающие, как у подростка, ключицы. — Разве я могла позволить себе явиться на твой прием замарашкой? У вас тут такая красота!

— Тебе правда нравится? Не слишком шикарно? Может, стоило быть чуть поскромнее?

— Ни в коем случае! — Марьяна кривила губы в улыбке. — Это ведь не какие-нибудь посиделки, а презентация твоего дома. А как говорит мой любимый Островский: "Дорогой бриллиант дорогой оправы требует. И хорошего ювелира". На мой взгляд, тебе все-таки стоило пригласить профессионального дизайнера.

— По-твоему, что-то не так? — встревожилась Тина. Она знала, что у Марьяны безупречный вкус, и это было ее больным местом.

— Что ты, что ты! Все великолепно! Но сколько у тебя было хлопот! Ты выглядишь такой усталой, такой замученной!

Алексей сердечно поздоровался с Виолеттой и перекинулся с ней парой слов — за все время, пока Марьяна готовила новую гувернантку к должности, они так ни разу и не увиделись. Зато его супруга лишь слегка кивнула своей протеже и поспешила прошествовать мимо.

Вскоре стали прибывать остальные гости, и у Виолетты зарябило в глазах от роскоши нарядов, блеска брильянтов и мелькания лиц, многих она видела на экране телевизора или на страницах светской хроники.

В добрые старые времена, когда Виолетта работала в Министерстве образования и была гражданской женой директора престижного кладбища, ей приходилось общаться со знаменитостями — им, как и простым людям, нужно было хоронить родителей и устраивать детей в сады и спецшколы. Но тогда они выступали в роли просителей, нуждались в ней и вели себя совсем по-другому. Ей улыбались, перед ней заискивали, говорили комплименты, приглашали

на свои спектакли и выставки. А теперь она была пустым местом, служанкой при богатых господах, и ее просто не замечали.

Не прошло и четверти часа, как Тина попросила увести Сашуру. Первое время он изо всех сил старался себя вести хорошо, но вскоре устал и расшалился.

— Пойдите с ним в дом, Виолетта Анатольевна! — велела хозяйка. — Нечего ему тут делать, пусть побудет в детской. Поиграйте с ним, уложите его спать и на сегодня можете быть свободны.

— Только, пожалуйста, обязательно загляните еще к Катюшке, — попросил Стас. — Узнайте, как она там.

Виолетте не оставалось ничего другого, как подчиниться. Она взяла мальчика за руку и повела в дом, утешаясь тем, что Стас проводил ее долгим взглядом.

Уложив своего подопечного и убедившись, что мальчик крепко спит, Виолетта на цыпочках выскользнула в коридор и постучалась в комнату напротив, где жила Катя. Никто не ответил, и тогда гувернантка решительно толкнула дверь, которая легко подалась — по настоянию Тины запоры на дверях обеих детских были только снаружи.

Комната освещалась единственной свечой, стоявшей прямо на полу. Там же сидела, скрестив ноги, Катя в вечных своих наушниках. Между ней и свечой лежал вырезанный из какого-то журнала портрет Цоя. Воспитательнице сразу же стало ясно, что ее прогнозы не оправдались: девочка и не думала сожалеть о своем поступке, извиняться перед родителями и проситься на праздник.

— Ну кто там еще? — рассерженно выкрикнула она. — Какого хрена вы ко мне вламываетесь?

— Катенька, ты с ума сошла! — Виолетта поспешно задула свечу и зажгла верхний свет. — Посмотри, ты закапала воском весь пол. К тому же свеча может упасть, ковровое покрытие загорится, и будет пожар.

— Да наплевать! Пусть тут хоть все сгорит к чертовой матери! И вы в том числе!

Дерзость Кати выводила Виолетту из себя, пожалуй, даже больше, чем непоседливость Сашуры. Но она взяла себя в руки и сказала только:

— Если бы свеча упала, то загорелся бы прежде всего портрет твоего кумира. А тебе ведь этого не хочется, правда?

Катя промолчала, очевидно вняв разумности довода. А Виолетта продолжала:

— Если хочешь сидеть при свече, поставь ее хотя бы в подсвечник — вон у тебя их сколько на полке!

— Ладно! — буркнула Катя. — Только оставьте меня в покое.

В данный момент у Виолетты не было никакого желания заниматься ее воспитанием. И не только в данный момент. Но сейчас — особенно. Поэтому она молча вышла из комнаты, спустилась на улицу и пошла по боковой аллее к флигелю, стараясь не обращать внимания на музыку, смех, веселые голоса и звон бокалов, которые доносились с лужайки.

Ей мучительно хотелось на праздник. Может, подняться сейчас к себе, надеть вечернее платье, причесаться, накраситься и все-таки выйти к гостям? На вечеринке, в непринужденной обстановке, можно будет поболтать со Стасом, возможно даже, он пригласит ее потанцевать... На тропинке у старого дома ей встретила Галина Ивановна. От усталости бедная женщина еле передвигала ноги и тяжело дышала.

— Ну, вы на сегодня отработали? Счастливая, завидую вам! А у меня еще забот полон рот, до самого утра. Хорошо, Станислав Алексеевич обещал завтра всей прислуге внеочередной выходной. Ну, вас-то это не касается, вы по другой части служите. А мне очень кстати, я к сыну съезжу, если, конечно, буду в силах.

"Прислуга... — подумала Виолетта, расставшись с экономкой. — Вот кто я здесь. Прислуга должна знать свое место. Нет, на банкет никак нельзя, Тине это может не понравиться. Ни в коем случае нельзя вызывать даже малейшее неудовольствие хозяев".

Из окна ее комнаты была хорошо видна лужайка с накрытыми столами, суетящиеся официанты, неторопливо перемещающиеся гости. Уже смеркалось, но от ярких разноцветных гирлянд было светло как днем. Где-то за деревьями раздался громкий хлопок — это Витек, отвечавший за фейерверки, запустил первую петарду. Высоко вверх взлетел шипящий серебряный столб, и в синем вечернем небе внезапно вспыхнул и расцвел яркий цветок, замер на миг и рассыпался целым ворохом разноцветных переливающихся искр. Господи, какая

красота! Какие же чудеса теперь научились делать! Ни в какое сравнение не идет с теми салютами, которыми Виолетта во времена своей молодости любовалась на Ленинских горах.

Переодетая в халат, она долго стояла у открытого окна, не в силах оторваться от завораживающего зрелища и курила, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, перевезенную сюда из дома вместе со старинным зеркалом. Для его доставки даже понадобилось нанимать «Газель» — в багажник легковушки оно просто не влезло.

— Завидуешь? — спросила сидевшая на подоконнике Старуха. Она тоже глядела в сад на фейерверки и нарядную публику. — Небось представляешь сейчас себя на их месте, в таком вот роскошном туалете, в бриллиантах, с бокалом коллекционного вина!

— Думаю, я выглядела бы не хуже, чем этот заморыш Тина! — Виолетта затушила окурок и принялась убирать в шкаф так и не пригодившееся вечернее платье.

— Да уж, конечно! Скажи еще, что рядом со Стасом ты смотрелась бы куда уместнее.

— А что, скажешь, не так?

— Старовата ты для него, не находишь?

— Старовата? Да ты погляди на меня! — Виолетта обернулась к зеркалу, призывая его в свидетели. — Признайся, разве мне можно дать больше сорока? Да со стороны мы с ним как ровесники!

— Я смотрю, ты всерьез решила им заняться!

— А ты что думаешь, я дура — упускать такой шанс? Ты пойми, ведь в мое время ничего такого не было! Эх, позднее надо было родиться...

— Это точно. Хотя бы лет на двадцать! Сейчас бы все имела — и такой особняк, и такие машины... А теперь — только облизываешься.

— Ничего, — потрянула головой Виолетта, — все у меня еще будет!

Бросив взгляд на часы, она поняла, что пора готовиться ко сну. Конечно, есть надежда, что поздно угомонившийся Сашура поспит утром подольше, но это вовсе не обязательно. Может вскочить, как всегда, часов в восемь, с него станется. Значит, хочешь не хочешь, придется подняться в семь, чтобы успеть привести себя в порядок. Она принялась раздеваться, напевая себе под нос: "Если я тебя придумала,

стань таким, как я хочу". Это был верный признак того, что Виолетта размышляет о чем-то, и Старуха знала это лучше, чем кто-либо.

— Что это ты задумала? — Старуха подозрительно поглядела на нее.

— Пока ничего. Пока мое дело присматриваться и — как это говорили нашему разведчику в "Щите и мече"? — «вживаться». Ты что, не помнишь, для чего меня наняла эта зазнайка Марьяна?

— И что же ты собираешься делать, интересно знать?

— В настоящую минуту собираюсь ложиться спать. А там видно будет. Утро вечера мудренее. Давай слазь. — И Виолетта довольно бесцеремонно согнала Старуху с подоконника, захлопнула окно и поплотнее задернула шторы.

За открытым окном густели поздние майские сумерки. Теплый ветерок шелестел свежей молодой листвой, где-то вдали осторожно и несмело, точно пробуя голос, запел и тотчас умолк соловей. Высоко в небе, полускрытая то и дело набегающими легкими облаками, пряталась луна — полная и золотая. Виолетта только что приняла ванну и, облачившись в полупрозрачный шелковый пеньюар, расчесывала перед любимым зеркалом волосы, удивляясь тому, как быстро они отросли. Вроде бы только что была аккуратная короткая стрижка — и вот уже белокурые локоны мягкими волнами падают на плечи, живописно обрамляя лицо, делая его совсем молодым и еще более привлекательным. Снова зазвучала трель соловья, уже звонче, громче, уверенней, и стало ясно — ночной певец не откажется от своих намерений, и его серенада о розе обязательно прозвучит.

Виолетта последний раз провела щеткой по волосам и только положила ее на столик, как послышался стук в дверь — робкий и в то же время настойчивый, словно трели соловья в саду. Откликаться Виолетта не стала. Ей не надо было спрашивать, кто там, она и так знала. Не нужно было говорить "Войдите!" — она была уверена, что тот, кто ждал сейчас за дверью, войдет и без приглашения. Она лишь ждала.

И дождалась. Дверь распахнулась, на пороге появился Стас. В неверном свете луны лицо его, как ни странно, показалось знакомым, словно явилось из прошлого. Он вдруг напомнил Виолетте то ли Баскакова, то ли молодого Игнатьева, а может, кого-то еще, совсем позабытого, но до боли знакомого. Он стоял у зеркала и молча смотрел

на нее тем откровенным жадным мужским взглядом, к которому она привыкла и которого ей так не хватало последнее время. Внезапно Стас опустился на колени, обнял ее ноги и прижался щекой к ее бедру. Сквозь тонкую, почти невесомую ткань пеньюара Виолетта чувствовала тепло его кожи. Она положила руку на его красивую коротко стриженную голову и с наслаждением провела разгоряченной ладонью по густым волосам. Он застонал и глубже зарылся лицом в складки ее пеньюара, вдыхая аромат ее тела и духов. В зеркале отразилась торжествующая улыбка Виолетты. Она хрипло, соблазнительно рассмеялась, и, вторя ей, соловей в саду вновь залился трелью.

Стас поднялся с колен и заглянул ей в лицо. Виолетта ответила ему долгим призывным взглядом, он прижался губами к ее губам, она ответила ему на поцелуй, чувствуя, как его настойчивый язык страстно и сладко проникает ей в рот. Нетерпеливые руки Стаса уже развязывали пояс пеньюара. Шелковая ткань, мягко прошуршав, упала к ногам, и Виолетта предстала перед ним обнаженной. Но она ничуть не стыдилась своей наготы, наоборот, даже гордилась ею. Мало кто из женщин ее лет мог бы похвастаться таким роскошным телом. Кожа, за которой Виолетта так тщательно ухаживала, сохраняла нежность и упругость, талия оставалась тонкой, живот плоским, бедра были лишены жировых отложений, грудь, хоть и небольшая, великолепно сохраняла форму. Виолетта гордилась своим телом, ей нравилось, когда мужчины восхищались ею, и сейчас она хотела продлить этот миг, но Стас нетерпеливо подхватил ее на руки и понес на постель. Руки и губы мужчины жадно ласкали ее тело. Виолетта закрыла глаза и отдалась блаженной истоме. Все было именно так, как она себе представляла. Этого мужчину не нужно было направлять, чему-то учить, он сам все знал и сам чувствовал, что и как надо делать. Ласки его становились все настойчивее, он уже не мог сдерживать бушевавшей в нем страсти, и она стала ему помогать освободиться от одежды. Пока он справлялся с непослушными пуговицами рубашки, она растегнула ремень, рванула молнию на брюках, выпустила на свободу его возбужденный член и нежно взяла губами. Стас застонал, мгновенно расслабился, покоряясь ее воле, опустился спиной на кровать, и Виолетта склонилась над ним. Этот миг, ощущение полной власти над мужчиной, всегда был самым желанным в любовной игре.

Не в силах больше терпеть эту сладкую пытку, Стас перевернулся, подмял женщину под себя и резко вошел в нее. Виолетта блаженно вскрикнула...и открыла глаза. Даже сквозь закрытые шторы было видно, как пробивается в окна яркий солнечный свет. На краю кровати сидела Старуха и усмехалась:

— Ну и сны у тебя! Скромнее надо быть в твои-то годы!

— Отвали! — Виолетта потянула на себя одеяло, вытаскивая его из-под Старухи, закуталась в него и вновь закрыла глаза, пытаясь вернуться в блаженный сон. Но это, увы, не получалось.

— Ну что ты грубишь?

— Ничего! Почему ты все время суешься?

— Пора бы уже привыкнуть. Столько времени мы с тобой вместе...

Что правда, то правда. Вместе они были так давно, что даже не хотелось считать. Виолетта отлично помнила свою первую встречу со Старухой. Ей было четыре года, и она гуляла по Тверскому бульвару со своей теткой Тоней. Сестра матери, так и не вышедшая замуж и оказавшаяся в семье зятя приживалкой, была единственным человеком, кто иногда бывал строгим со всеобщей любимицей Леточкой.

Девочка пинала ногами усыпавшие дорожку желтые листья и капризничала, требуя мороженого, которое тетка почему-то не покупала. Внезапно она замолкла, оборвав рев, и так и замерла на месте. Прямо на нее шла старуха — безобразная, сгорбленная, вся сморщенная и страшная до такой степени, что у Леточки душа ушла в пятки.

— Вот будешь капризничать — отдам тебя старухе! — сказала Тоня, проследив за взглядом племянницы. Ведьма закивала головой и прошамкала беззубым ртом:

— Давай, давай я заберу ее с собой!

Онemann от ужаса, Леточка прижалась к тетке. Старуха рассмеялась, и смех ее был похож на кашель:

— Ладно, сегодня не заберу. Но если будешь плохо себя вести, непременно приду к тебе. Всегда прихожу к плохим девочкам.

Долгое время Летта помнила о той страшной встрече, и стоило тетке заикнуться про старуху, как она тут же становилась шелковой. А вскоре родился Эдя, и все взрослые, до этого лелеявшие и баловавшие

свою Леточку, переключили внимание на него. Девочка возненавидела брата, и однажды, оставшись в комнате наедине со спящим малышом, решила выбросить его в окно. Но стоило ей приблизиться к кровати, как в темном углу, откуда ни возьмись, появилась Старуха. Она сердито хмурилась и грозила иссохшим пальцем. Девочка закричала от ужаса и бросилась вон из комнаты, но с тех пор навсегда отказалась от своих намерений причинить какой-либо вред Эде.

Время от времени Летте нет-нет да и мерещилась Старуха. Она мелькала в толпе, стояла на остановке, когда Виолетта проезжала мимо в троллейбусе, поднималась по встречному эскалатору метро, и при этом то смотрела прямо в лицо и улыбалась своей гадкой улыбочкой, то нарочно, словно не замечая, глядела куда-то вдаль. Чем старше становилась Виолетта, тем чаще случались эти встречи. Если в детстве Старуха показывалась ей раз в несколько лет, то ко времени учебы в институте и появления в жизни Летты Профессора встречи с ней происходили чуть ли не каждый месяц.

В тот день, когда Виолетта порвала с директором школы, после того как застала его в кабинете с молоденькой англичанкой, она снова встретила на улице Старуху. И та не просто посмотрела на нее, а подошла, засмеялась и опять погрозила пальцем. Виолетта, как в детстве, испуганно шарахнулась от нее, но в тот миг поняла, что бежать бесполезно — от Старухи ей никуда не скрыться. Так и получилось. С того дня Старуха стала постоянно появляться в Виолеттиной жизни, уже не таилась, шла рядом по улице, входила в комнату, смотрелась в зеркало за спиной. А после той истории с Зуевой она заговорила.

Виолетта проработала в министерстве около полутора лет, когда в дошкольном секторе освободилось хорошее место — бывшая начальница пошла на повышение. На эту вакансию претендовала некая Зуева — строгая и исполнительная женщина за сорок, обремененная двумя детьми-школьниками и выпивохой-мужем. У нее были все основания занять эту должность, но Виолетта, мечтавшая побыстрее сделать карьеру и получить прибавку к зарплате, не захотела мириться с таким положением вещей. Она накатала руководству анонимку, сообщив в ней, что Зуева берет взятки, и даже указала время, когда к ней придут посетители «благодарить». Соперницу поймали с поличным и, несмотря на то что взятка заключалась всего лишь в

коробке конфет «Олень», должности она не получила. Вожделенное место досталось Виолетте. В тот момент, когда она, торжествуя, осматривала свой первый в жизни отдельный кабинет, дверь отворилась и появилась Старуха. — Ну что, довольна? — ехидно спросила она и засмеялась своим мерзким кашляющим смехом.

С тех пор они не расставались. Старуха изредка пропадала на несколько дней или даже недель, но всегда возвращалась вновь. Избежать контакта с ней было почти невозможно — если уж Старуха настроена была поговорить, то спрятаться от нее было некуда. Каким-то таинственным образом она постоянно была в курсе не только всех дел своей подопечной, но даже ее мыслей и постоянно во все совала свой безобразный нос. Виолетте ничего не оставалось, как смириться с ее присутствием, и со временем она даже научилась извлекать пользу из этого вынужденного общения. Она по-прежнему боялась Старухи и испытывала к ней сильную неприязнь, но, к счастью, та далеко не всегда бранила ее или доводила до белого каления своими издевками. Нередко случалось, что Старуха была настроена вполне миролюбиво, часами обсуждала с Виолеттой ее жизнь, давала дельные советы, а иногда даже сочувствовала.

Очень скоро Виолетта поняла, что окружающие Старуху не видят, но не удивилась, просто старалась поменьше разговаривать с ней в общественных местах. Так они и жили вместе на протяжении вот уже многих лет. И сколько бы Виолетта ни злилась на свою странную собеседницу, как бы ни раздражалась, глядя на нее и выслушивая ее ехидные подковырки, она осознавала, что жить не сможет без Старухи, как без пепельницы и старинного зеркала.

— О чем задумалась? — Старуха подошла к окну, распахнула тяжелые шторы и с удовольствием подставила морщинистое лицо полетнему теплему солнцу.

— Да так. Вспоминаю нашу с тобой дружбу. — Виолетта поднялась, сунула ноги в тапки и принялась стелить постель.

— А я-то думала, о чем дельном. — Старуха лукаво посмотрела на нее. — Но ты, я вижу, живешь одними снами.

— Далась тебе мои сны! — рассердилась Виолетта, складывая одеяло. — И вообще, почему я должна посвящать тебя в свои планы?

— Как почему? Кто тебе, кроме меня, поможет, посоветует? — Старуха отошла от окна и уселась на тахту.

— Обойдусь без твоих советов. У меня уже одна наставница есть — вон, мадам Федорова. И уйди с кровати, мне ее убрать надо.

— Без моей помощи у тебя ничего не выйдет! — заявила Старуха, но с постели поднялась.

— Ну это мы еще посмотрим! — сказала Виолетта, сунув руки в рукава халата, и засобиралась в ванную. Нужно было спешить — Сашура мог проснуться в любую минуту.

Близилась к концу вторая неделя жизни Виолетты в семье Кирилловых, а она пока ни на шаг не продвинулась к поставленной цели. Обитатели дома были так заняты, что ей толком не удавалось даже поговорить с кем-то из хозяев. Стас и Тина целыми днями пропадали на работе, возвращались смертельно усталыми, нередко поздно, когда Виолетта уже укладывала своего питомца спать, а то и позже. Но Виолетта отлично знала, что безвыходных положений не бывает. Она принялась внимательно изучать распорядок дня и привычки своих хозяев, чтобы найти хоть какую-то зацепку. И вскоре ей это удалось.

При первой встрече она сделала верное заключение, что Станислав Кириллов ведет здоровый образ жизни. Каждый день, и в будни и в праздники, встает в семь, полтора часа бега по саду, занимается на тренажерах в специально оборудованном зале и напоследок окунается в бассейн.

Именно утром и именно в бассейне и решила встретиться с ним Виолетта. Для этой цели была выбрана суббота: во-первых, Стас не будет торопиться в офис, во-вторых, не помешают Катя или Тина (в выходные они предпочитают как следует отоспаться). Чтобы отделаться от Сашуры, накануне вечером Виолетта специально подольше его не укладывала. Обрадованный мальчуган чуть не до полуночи скакал по детской, гонял мяч, смотрел мультики про любимых покемонов и в конце концов так вымотался, что еле дополз до кровати и сразу же уснул. Так что теперь у воспитательницы появилась надежда на час-другой свободного утреннего времени.

Облаченная в любимый купальник (не новый, но все еще сохранявший приличный вид, а главное, выгодно подчеркивающий достоинства ее фигуры), Виолетта с восьми часов сидела на бортике бассейна и задумчиво болтала длинными ногами в воде. Ждать пришлось недолго. Ровно в четверть девятого со стороны

тренажерного зала показался Стас в спортивном костюме, кроссовках, с полотенцем на шее. Лицо его покраснелось, обычно безукоризненно причесанные волосы растрепались и намокли. В таком виде он показался Виолетте еще красивее и желаннее. Следом за Стасом на цыпочках кралась Старуха. Ее мерзкая физиономия была буквально перекошена от любопытства.

— Доброе утро! — очаровательно улыбнулась гувернантка, сделав вид, что появление хозяина застигло ее врасплох. — А я вот решила окупаться, пока Сашенька спит.

— Доброе утро! — бросил на ходу Стас. Двинулся было в сторону душевой, но Виолетта его остановила:

— Станислав Алексеевич! Я бы хотела поговорить с вами.

Поднявшись, Виолетта выпрямилась, накинула короткий легкий халатик и неторопливо стала его запахивать, давая мужчине возможность полюбоваться ее затянутым в купальник телом. Но Стас даже не взглянул на нее. Он стоял буквально в двух шагах, распространяя вокруг слабый запах мужского пота — уж что-что, а этот запах она очень хорошо знала и любила. Не чрезмерный, конечно, а совсем легкий.

— Я вас слушаю, Виолетта Александровна! — Он что, не помнит, как ее зовут? Или это провокация? Виолетта попыталась поймать его взгляд, но он упорно не смотрел в ее сторону. Неужели боится? Что же, это хороший признак.

— Анатольевна.

— Извините.

Похоже, он совершенно не был настроен на общение с ней, но Виолетта не собиралась сдаваться. Она с таким трудом устроила эту встречу наедине — и тут на тебе! Нужно было срочно переломить ситуацию, и она воспользовалась для этого классическим театральным приемом, описанным Моэмом и разыгранным Вией Артмане в чудесной вещи под названием «Театр». Она неожиданно замолчала, вынудив таким образом собеседника заговорить.

И он обратился к ней:

— Вы хотите мне что-то сказать?

Виолетта была хорошей ученицей Моэма и Артмане. "Взяла паузу, так держи". Стас вопросительно взглянул на нее, и тут уж Виолетта отвела глаза, словно хотела что-то сказать, но не могла решиться.

Старуха засмеялась. Мужчине ничего не оставалось, как взять инициативу в свои руки:

— Проблемы с Сашурой?

— Нет-нет! — поспешила заверить его гувернантка. — Что вы, с ним все в порядке. Замечательный мальчик, хорошо развитый для своих лет, очень сообразительный. Конечно, подвижный, излишне возбудимый, но это совершенно нормально.

— Понятно. Значит, что-нибудь с Катей. Знаете, она у нас действительно немного... — Он замолчал, подыскивая нужное слово.

— Ничего страшного, типичное для подросткового возраста поведение, — сказала Виолетта. — По-моему я уже нашла к ней ключ. Думаю, вскоре мы станем друзьями.

— Вот как? Тогда, может быть, вас что-то не устраивает в условиях работы? Какие-то просьбы, пожелания? — (Он теряется в догадках. Ну и пускай!)

— Нет, с этим все отлично, благодарю вас.

— Бытовые проблемы? С Галиной Ивановной, охраной, горничными? Может, у вас неудобная комната? Или не нравится питание?

В ответ на каждый вопрос Виолетта лишь мотала головой:

— Ни в коем случае. Я всем очень довольна. Живу, как в санатории.

И, видя, что он закипает, начинает выходить из себя и через несколько секунд раздраженно спросит, в чем же, собственно, дело, Виолетта сделала вид, будто наконец-то решилась на трудный для нее шаг:

— Мне, право, очень неловко начинать этот разговор. Возможно, я лезу не в свое дело... Но считаю, это совершенно необходимым. Словом... Я хотела бы поговорить с вами о вашей жене.

— О Тине? А что с ней такое?

— Понимаете, Станислав Алексеевич, это, конечно, меня не касается, но мне кажется, вашим детям не хватает материнского внимания.

— Ну, пошла врать как по писаному! — ехидничала Старуха, стоявшая за ее спиной.

Стас нахмурился, переступил с ноги на ногу, и Виолетта поняла, что попала в точку. Марьяна оказалась совершенно права — тема эта

для хозяина самая что ни на есть болезненная.

— Я, конечно, понимаю, что Тина Сергеевна очень занята на службе, — продолжала Виолетта. — Но может быть вы, как руководитель, могли бы хоть немного сократить объем выполняемой ею работы? Ведь она практически не бывает дома, совсем не общается с детьми. А им обидно. Сашура постоянно спрашивает у меня, любит ли его мама. Представляете? У меня спрашивает, потому что спросить у нее он просто не может.

Стас помрачнел, Виолетта же заливалась соловьем:

— А Катенька? Ведь с каждым днем они все больше отдаляются друг от друга! У девочки сейчас опасный возраст, с ней все, что угодно, может случиться. Какая-нибудь дурная компания, выпивка, ранний секс или, избави боже, наркотики! Конечно, я, как воспитательница, присматриваю за ней, пока она на глазах. Но ведь Катя не все время дома. Школа, приятели, встречи с Марьяной Юрьевной... А еще эта ее влюбленность в Виктора Цоя! Кто, как не мать, должна следить за тем, чем и как она живет, знать, что у нее на душе? А Тине Сергеевне просто некогда. Не сомневаюсь, что Тина Сергеевна великолепный специалист и вашей фирме будет очень трудно полностью обойтись без нее, но...

— Да не такая уж она незаменимая! — не выдержал Стас. — У меня в фирме полно талантливых ребят, целый отдел отличных архитекторов. И не с таким самомнением. По мне, так лучше бы Тина вообще перестала работать, занималась бы домом и детьми.

Виолетта добилась своего — ей удалось задеть Стаса за живое. — Раз уж у нас пошел такой серьезный разговор, то давайте присядем! — Она кивнула на стоящие у стены шезлонги, опустила в один из них и вытянула стройные ноги, но Стас не обратил на них никакого внимания. Он неловко присел на краешек сиденья, готовый в любую минуту встать и уйти.

— Я даже не знаю, что делать, Виолетта Анатольевна, — признался он. — Думаете, я слепой? Сам не вижу, как она относится к детям? Но Тина и слышать не хочет о том, чтобы бросить работу.

— Так поговорили бы с ней. — Виолетта тщетно пыталась поймать его взгляд. Стас, не отрываясь, смотрел на дрожащую ярко-голубую воду бассейна. — Объяснили бы все, убедили, потребовали

наконец. Ведь вы мужчина, глава семьи, неужели она вас не послушает?

— Все гораздо сложнее. — Он теребил край белоснежного полотенца с голубой эмблемой «Adidas». — Понимаете, у Тины вся жизнь в работе. Архитектура — это ее призвание, она только этим и интересуется, только для этого существует. А дети... Как бы это вам объяснить? Понимаете, есть же на свете люди, начисто лишенные музыкального слуха. Они ведь не виноваты в том, что им медведь на ухо наступил: просто не дал Господь, вот и все. Так же и у Тины. Ну нет в ней, нет от природы, тепла, любви, материнских чувств, не дано ей! Но разве можно ее за это винить?

— Но вас-то она любит, и очень сильно. Впрочем, — Виолетта еле слышно вздохнула, — разве можно вас не любить? Такого мужчину, как вы.

Старуха захихикала, но Стас пропустил комплимент мимо ушей.

— Я тоже люблю Тину, люблю детей и хочу, чтобы у нас все было хорошо. Но не получается. Видите ли, Виолетта Анатольевна, иногда мне кажется, что судьба не дает человеку именно то, что ему необходимо. Взять, к примеру, Марьяну. Она удивительно добрый человек, в ней целый океан любви, хватило бы на десяток ребятишек, но она не может иметь детей. А Тина... Тут все с точностью до наоборот.

Он так тепло говорил о Марьяне, что Виолетта вдруг почувствовала острый укол ревности. Крутившаяся вокруг Старуха тотчас это поняла и принялась подначивать:

— Ха-ха! Это Марьяна-то добрая? Знал бы он! А ты скажи ему, что она задумала, что вы с ней замышляете! — Но Виолетта заставила себя не реагировать на ее слова.

— А чем именно вас обделила судьба? — вкрадчиво спросила она.

— Меня? — Стас задумался. — Наверное, у меня обратный случай. Мне дано больше, чем нужно. И еще неизвестно, что хуже...

— Вы удивительный человек, Станислав Алексеевич, — снова вздохнула Виолетта, на этот раз громче. — Никогда не встречала таких, как вы, хотя не теряла надежды... Вы произвели на меня очень сильное впечатление. Знаете, — она как бы случайно взяла его за руку, и Старуха злорадно отметила: "Ого! Да тут уже в ход пошла тяжелая

артиллерия!" — я ведь вас давно знаю. Мы как-то встречались у одного моего знакомого, он был вашим клиентом.

— Вот как? И кто он? — Стас мягко, но настойчиво высвободил руку.

— Яков Белецкий, врач-психиатр. Помните, вы строили для него психиатрическую клинику в Подмосковье, в Назарьеве?

— Конечно, помню, крупный был заказ, целый комплекс на несколько зданий. По-моему, году в девяносто шестом. И как теперь идут дела у вашего друга?

— По слухам, неплохо. Но мы расстались.

— Понятно. — Стас легко поднялся, поправил полотенце на плече, и Виолетта поняла, что аудиенция окончена. Он не поддался ее чарам. Боже мой, что же теперь делать?!

— Извините, мне надо принять душ. Да и вам, наверное, пора, Сашка скоро проснется.

— Еще минуточку! — Виолетта поглядела на него снизу вверх. Нужно было срочно спасти положение. — Меня все-таки очень беспокоит Тина Сергеевна. Не хочется верить, что ситуация столь уж безнадежна. Мне, как специалисту по педагогике и психологии, известно немало случаев, когда люди всю жизнь считали, что у них нет никакого слуха, а потом, годам к сорока, вдруг начинали петь, разумеется не в Большом театре, но вполне прилично.

— Вы думаете, она еще может измениться? — с сомнением в голосе поинтересовался Стас.

— Во всяком случае, мы с вами должны ей помочь в этом! — Виолетта тоже поднялась и неторопливо поправила халатик.

— Что же, мне нравится эта идея. Если вы так уверены, непременно надо попробовать.

— В таком случае, мы еще вернемся к этому разговору! — Виолетта улыбнулась — чисто по-дружески.

— О'кей! — Стас улыбнулся в ответ и исчез в душевой. А Виолетта поспешила к выходу — нужно было срочно переодеться и идти к Сашуре.

Старуха так и сновала вокруг нее, то отставая, то забегая на пару шагов вперед.

— Ты совсем с ума сошла! — шипела она. — Разве можно так себя вести?! Вешаешься на него, словно сопливая девчонка! И как

только он тебя не послал! А зря не послал, между прочим! Вылетела бы ты тогда с треском из этого дома! Вот бы Марьяна обрадовалась!

Виолетта не отвечала. Оказавшись на улице, она поежилась в своем легком халатике — утро выдалось прохладным.

— Добро еще, не зима на дворе! — тут же поддела Старуха. — Хороша бы ты была! Ишь, форсить перед ним вздумала, ножки показывать! Да плевать он на твои ножки хотел!

— Замолчи, и без тебя тошно! Думаешь, я сама не понимаю, что чуть все не провалила? — Виолетта почти бегом вбежала в свою комнату, скинула халат, быстро вылезла из купальника и принялась надевать заранее приготовленную одежду — лифчик, выстиранные с вечера трусики и колготки, строгий деловой костюм, лодочки на довольно высоком, но удобном каблуке.

Руки у нее дрожали. Натягивая колготки, она ухитрилась их порвать, пришлось лезть в шкаф за новыми — последними, между прочим. Виолетта была просто потрясена. Впервые в жизни понравившийся ей мужчина не только не бросился к ее ногам, но даже не прореагировал на ее заигрывания. Неужели она "вышла в тираж"?

— А я тебе про это давно говорю! — не отставала Старуха. — Больно много о себе думаешь. Он чуть ли не вдвое моложе тебя, считай, Анне твоей ровесник!

— Анне? — Виолетта так и застыла с пакетиком от колготок в руках. — А что, это идея! Не получилось у меня, может, получится у нее?

— У этой вяленой рыбы? — усмехнулась Старуха. — Сомневаюсь...

— Анька у меня не рыба, — возразила Виолетта, застегнула молнию, задрала юбку, одернула подкладку. — Анька у меня пластилин. И я леплю из нее все, что мне нужно.

— Ну, коли так... — пожала плечами Старуха.

— Именно так. А не так — так еще как-нибудь. Ты же знаешь, я от своего не отступлюсь. Я этого мужика всю жизнь искала. Увидишь, я его президентом сделаю. Или секретарем Объединенных Наций. — Виолетта критически осмотрела себя в зеркале и осталась вполне довольна. — Ладно, побежала я, пока. Вечером поговорим.

...Целый день Виолетта тревожилась, что сцена в бассейне может ей повредить. Не дай бог, Стасу не понравится ее поведение. Или что,

того хуже, он в шутку или всерьез расскажет о ее заигрывании Тине — и тогда гувернантке несдобровать, ревнивая хозяйка тут же выгонит ее без выходного пособия. Возвав к небесам, она дала суровую клятву, что, если на этот раз все обойдется, впредь она будет вести себя очень осторожно, как сапер, у которого, как известно, не бывает второй попытки. Но, на ее счастье, Стас не придал ее заигрываниям никакого значения. Будучи признанным красавцем мужчиной, он давно привык к женскому восхищению, воспринимал его как нечто само собой разумеющееся и обычно просто не замечал. Стоило ему в то субботнее утро войти в душ, как весь разговор с гувернанткой тотчас выветрился у него из головы, запомнилось только одно — есть надежда, что отношение Тины к детям и семье со временем все-таки изменится. Эта мысль не давала ему покоя настолько, что на другой день он сам решил еще раз поговорить с Виолеттой о Тине.

После завтрака (завтракали в этом доме всегда поврозь — кто когда встанет) Виолетта с Сашурой гуляли в саду, и Стас, увидав их в окно, присоединился к ним. Виолетта первая заметила вдалеке на дорожке высокую стройную фигуру, и сердце ее затрепетало. Она поняла, что Стас идет к ним, более того, к ней, но, верная данной вчера клятве, ничем не выдала своих чувств, а спокойно продолжала заниматься Сашурой. Мальчик был очень рад видеть отца и тут же потребовал, чтобы они втроем поиграли в мяч, но Стас решительно отказался и, подрядив для этой работы охранника Витька, уселся вместе с Виолеттой на скамейку наблюдать за футбольной баталией.

— Я тут все думал о ваших словах насчет Тины, — без обвиняков начал он, — и решил, что вы абсолютно правы. Ей надо помочь измениться, и без вас мне тут не обойтись. Вы готовы меня поддержать?

— На то я и воспитательница, чтобы помочь человеку измениться. Разумеется, в лучшую сторону. — Виолетта отвечала спокойно, даже равнодушно, но душа у нее пела. Обошлось! Он не рассердился! Более того, сам обратился к ней! Может, все-таки повелся?

— Я решил освободить ее от части работы. — Стас сорвал травинку и сунул в рот. "Как мальчишка!" — с умилением подумала Виолетта. — Хорошо, что я догадался поручить проект стадиона другому архитектору. Так что теперь на ней остается только коттедж на том участке, который мы купили в Химках. Но там работа подходит к

концу, а нового задания я ей пока не дам... Впрочем, вам это неинтересно.

— Мне интересно все, что имеет отношение к вашей семье, — заверила его Виолетта и тут же испугалась, как бы Стас не счел ее чрезмерно любопытной особой, которая так и норовит во все сунуть свой нос и заглянуть во все замочные скважины. К счастью, в этот момент Сашура забил Витьку гол и потребовал, чтобы взрослые поделили его бурную радость.

— В связи с этим у меня к вам просьба, — продолжал Стас, когда мальчик вновь побежал за мячом. — Не могли бы вы побольше общаться с Тиной? И как-нибудь ненавязчиво сделать так, чтобы она почаще общалась с детьми? Вы ей очень нравитесь, она вас уважает и наверняка прислушается к вашим советам. Придумайте какие-нибудь игры, сходите куда-нибудь вместе, можно детский праздник устроить, да мало ли что! Все это вы знаете лучше меня. Главное, чтобы ей было интересно. Понимаете?

— Прекрасно понимаю! Сделаю все, что в моих силах, — отвечала Виолетта. — Сашура, куда ты побежал? Вернись, пожалуйста!

— Ну и отлично. Будем считать, что заключили с вами тайный союз.

Хозяин и гувернантка обменялись улыбками. Не успел Стас уйти, как появилась Старуха.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовалась она.

— Ты же слышала, — пожалала плечами Виолетта. — Стас велел мне поближе сойтись с Тиной, — а его слово для меня закон. Пока.

— Хочешь сказать, что вскоре перестанешь слушаться хозяина? — усмехнулась Старуха.

— Нет. Хочу сказать, что не за горами то время, когда все будет наоборот — мое слово станет законом для него. Что же, все идет по плану, мадам Федорова должна быть мною довольна. Господи, Сашура, что ты делаешь? Зачем полез на дерево? Виктор, снимите его, пожалуйста!

Наладить контакт с хозяйкой оказалось проще простого. У погруженной в работу Тины совсем не было подруг — отношения с Марьяной, когда-то доверительные, превратились в соперничество. Тина не умела сходитья с людьми, держалась замкнуто, отстраненно,

иногда даже надменно. Возможно, она была бы рада приобрести друзей, но желающих не находилось, а сделать первый шаг она не могла. Настоящих дружеских отношений — не приятельских, когда вместе отмечают праздники, сплетничают, болтают, а именно дружеских, чтобы можно было излить душу и получить взамен поддержку и дельный совет, ей всегда не хватало.

Поэтому, когда как-то за ужином Виолетта, ободренная взглядом Стаса, намекнула хозяйке, что хотела бы поговорить с ней вечером, после того как уложит Сашуру, Тина обрадовалась. Последнее время ей особенно не хватало общения, и Виолетта оказалась для нее идеальной собеседницей. Они далеко за полночь просидели на террасе, попивая легкий коктейль, слушая таинственные звуки майской ночи, и говорили, говорили, говорили... Вскоре такие посиделки вошли у них в привычку, и несколько раз в неделю Тина приглашала гувернантку: "Летта, давайте поболтаем вечерком..." Сидели иногда часов до двух, а то и до трех ночи. Виолетта, вынужденная из-за своего воспитанника вставать ни свет ни заря, не высыпалась, но мужественно терпела это неудобство — дружба с Тиной была для нее куда важнее. Во время этих бесед Виолетта узнала много интересного для себя. Завела разговор о воровстве и безопасности и узнала, где хозяйка хранит наличные деньги, что-то вроде записки от Стаса: в спальне, в перламутровой шкатулке.

Несмотря на то что одна из них была матерью, а другая — гувернанткой, о детях почти не говорили. Что касается Сашуры, то Виолетта лишь изредка рассказывала какой-нибудь забавный случай, который произошел с ним днем, или цитировала смешное высказывание мальчика. В ответ на это Тина дежурно улыбалась и тут же переводила разговор на другую тему. Точно так же реагировала она на сообщение об ушибах и царапинах сына — только на этот раз вместо дежурной улыбки на ее лице появлялось дежурное выражение тревоги, исчезавшее сразу же после того, как Виолетта заявляла, что ничего страшного нет и все уже в порядке.

С Катей дело обстояло куда сложнее. С первых же часов пребывания в этом доме Виолетта поняла, что между матерью и дочерью идет самая настоящая война. Разумеется, она стала союзницей Тины, не допускала и мысли, что та может быть в чем-то не права, всячески сочувствовала ей и сожалела, что у Кати такой

скверный характер. Вскоре наблюдательная Виолетта заметила в этих непростых отношениях еще один нюанс — соперничество из-за Стаса. Как-то она обронила вскользь, что Катя ревнует отца к Тине, и сама удивилась, насколько той это было приятно. С тех пор гувернантка нет-нет да и возвращалась к этой теме, повторяя хозяйке, как муж любит ее, и намекая, что жена для него значит намного больше, чем дочь.

Но главным предметом их разговора была работа Тины — ведь этот вопрос архитектор Кириллова могла обсуждать часами, и Виолетта активно помогала ей в этом. Она продолжала восхищаться домом, задавала наводящие вопросы, интересовалась подробностями и всегда выслушивала пространные монологи "этой работоголички", как они со Старухой называли между собой Тину, с неизменным вниманием и интересом.

Иногда беседа как-то сама собой перетекала в русло несовместимости профессионализма и домашнего хозяйства. Тина жаловалась на «домостроевские» взгляды мужа, Виолетта, разумеется, делала вид, что полностью разделяет позицию Тины.

— Нет, я просто не могу понять Станислава Алексеевича! — восклицала она. — Неужели он не осознает, что роль домохозяйки — отнюдь не ваше предназначение? Кто дал мужчинам право считать, что абсолютно все женщины созданы исключительно для немецких "четырёх "К"?

— Знаете, Летта, мне иногда кажется, что им движет профессиональная ревность, — доверительно сообщила Тина, отпив коктейля. — Мы с ним вечно боремся за лидерство, еще с институтских времен.

— Подумать только! — пожимала плечами гувернантка. — Разве их поймешь, этих мужиков? Между нами говоря, у него есть для этого все основания. Ведь вы действительно прекрасный специалист, даже я, человек непосвященный, чувствую это по вашим рассказам. Сигаретку хотите? (К радости Виолетты, выяснилось, что Тина не такая уж ярая противница вредных привычек. Она не только разрешила гувернантке курить во время их вечерних посиделок, но тайком от детей и Стаса иногда позволяла себе сигаретку-другую).

О себе Виолетта говорила немного, ровно столько, чтобы у собеседницы не возникло ощущение "игры в одни ворота". И Тина,

сама того не замечая, день ото дня становилась все откровеннее и откровеннее с новой подругой. Не прошло и недели, как она уже делилась с ней самым заветным и наболевшим.

В интимной жизни Тина всегда была сдержанна, чтобы не сказать — холодна. Замуж вышла довольно рано, Стас был ее первым мужчиной, и не успела она справиться с типичными для непросвещенной девственницы тревогами и комплексами, как тут же забеременела Катей. С тех пор сексуальные отношения вызывали у нее отрицательные эмоции — тяжелая беременность, трудные роды, долгое недомогание после родов, постоянный страх повторной беременности. Появление второго ребенка лишь усугубило эти переживания — Тина до сих пор подозревала, что Стас сделал все нарочно, чтобы засадить ее дома. При всем при том она действительно любила мужа, дорожила им и отчаянно боялась потерять. Поэтому всю жизнь ей приходилось разрываться между нежеланием близости и страхом, что Стас уйдет от нее к другой, более темпераментной. Да еще Марьяна, с ее вечными бесстыдными откровениями, то и дело подливала масла в огонь. Однажды, когда коктейлей было выпито особенно много, Тина призналась новой наперснице, что так и не научилась получать удовольствие в постели. Все эти ощущения, о которых рассказывала Марьяна, были ей абсолютно неизвестны. И Виолетта, движимая стремлением поддержать хозяйку, ответила ответным признанием — якобы у нее та же проблема. Старуха, сидевшая на перилах веранды и внимательно прислушивавшаяся к разговору, от хохота чуть не вывалилась в сад.

В последнее время поведение Стаса сильно изменилось, и это особенно настораживало Тину. Он допоздна задерживался на работе, чуть ли не через день ночевал у себя в кабинете. Интимная близость, и раньше-то случавшаяся у них не слишком часто, теперь и вовсе бывала раз в месяц, а то и реже. Сам-то секс, допустим, Тине совершенно ни к чему, без него даже лучше. Но все остальное... Быть может, у него завелась любовница? Вдруг он вернулся к Марьяне, он всегда с такой симпатией о ней говорит... А еще есть длинноногая секретарша Снежана, и Лиза Тулупова, начальница отдела маркетинга, которая пялится на него, и эта рыжая девица в новом отделе продаж... Да мало ли их! Почти все гувернантки, которые были до Виолетты, только и мечтали о том, чтобы залезть к нему в постель!

Слушая эти возбужденные речи, Виолетта не спешила согласиться с хозяйкой, но и не опровергала ее подозрений. Все может быть, Станислав Алексеевич такой интересный мужчина... Не исключено, что какая-нибудь стерва все же добилась своего. Хвалить Стаса и восхищаться им она теперь могла сколько угодно. Стоило Виолетте в их первом разговоре сказать разок-другой, что она мечтала бы о таком сыне, и подозрения хозяйки, если они и были, уснули навсегда. Тина теперь видела в ней не соперницу, а просто старшую подругу.

В общем и целом, Виолетта была довольна развитием событий. Отношения с хозяевами складывались если и не идеально, то, во всяком случае, вполне терпимо. Тина души в ней не чаяла, и Стас был очень доволен, что они подружились. При встречах с гувернанткой он почти всегда находил время перекинуться с ней парой слов. Он шутил, расспрашивал о детях, а однажды даже попросил у нее совета, описал свой конфликт с начальником строительного отдела и поинтересовался, что она, как психолог, думает — увольнять ли ему сотрудника сразу или дать ему еще один шанс.

Словом, со старшими Кирилловыми у Виолетты все было нормально. Неплохо обстояли дела и с Сашурой. Конечно, на игры, прогулки и занятия с ним уходило слишком много времени и сил, да и сам воспитанник был далеко не подарок. Но как бы Виолетта ни сердилась на него, как бы ни была раздражена его проделками, она никогда не повышала на мальчика голос, всегда была внимательна, терпелива, заботлива и в меру требовательна. Уставший от частой смены нянь, Сашура быстро привязался к "тете Лето". А она начала потихонечку облегчать себе жизнь. Первым делом гувернантка отучила своего подопечного спать днем — ведь ему скоро в школу! И это дало ей возможность раньше его укладывать и оставлять побольше драгоценного вечернего времени на общение со Стасом и Тиной.

Виолетта чувствовала, что постепенно переходит из категории обслуживающего персонала в категорию членов семьи, и старалась надлежащим образом держаться с остальной прислугой — вежливо, доброжелательно, но несколько отстраненно, соблюдая дистанцию. И все ее соседи по флигелю, начиная с Галины Ивановны и заканчивая Витьком, вели себя с ней соответственно — дружелюбно, но уважительно. Только Катя невзлюбила ее с первого взгляда и так и не изменила к ней своего отношения.

С девочкой изначально вышла какая-то неопределенность. В общем-то Виолетту нанимали к Сашуре, но, безусловно, когда в доме двое детей, то гувернантка должна заниматься обоими. И получилось так, что если по отношению к младшему ее обязанности были четко определены, то что именно она должна делать с Катей, никто толком не знал. Проверять уроки у девятиклассницы было бы смешно. В гимназию и домой с занятий ее доставлял школьный автобус, в гости к подругам или куда-то в город отвозил или кто-то из охранников, чаще всего Витек, или Марьяна. Теоретически гувернантка могла бы заниматься со своей воспитанницей иностранными языками, музыкой или хорошими манерами, но все эти предметы преподавали в Катиной гимназии. Поэтому воспитательнице оставалось лишь следить за ее режимом дня — хорошо ли девочка поела (у Кати был очень плохой аппетит), не забыла ли сделать уроки и вовремя ли ложится спать. Но даже такое незначительное внимание Катя воспринимала как покушение на свою свободу. И чаще всего на какой-нибудь безобидный вопрос Катя отвечала дерзостью, причем делала это в высшей степени вежливо. Ей ничего не стоило сказать что-нибудь вроде: "Не кажется ли вам, что моя жизнь вас абсолютно не касается?" Или: "А почему бы вам не заняться своими делами?"

Виолетта видела, что Катя терпеть ее не может, и понимала, что это может плохо кончиться. Первое время она пыталась подлизаться к девочке, вызвать ее на откровенный разговор и однажды даже попросила разрешить ей послушать записи Цоя. Но Катя лишь пристально поглядела на нее и помотала головой:

— Вам все равно не понравится.

— Почему?

— Вы не поймете. Чтобы Его понимать, надо быть бунтарем. А вы не бунтарь, а приспособленец.

— В каком смысле? — удивилась Виолетта.

— В таком. Вы же на самом деле не любите детей, а с Сашурой просто притворяетесь. Как наши училки в гимназии. Им хорошо платят, вот они и изображают из себя. А на самом деле они нас ненавидят. И вы такая же.

— Ну зачем же ты так говоришь? — растерялась гувернантка.

— Ой, бросьте, будто я не вижу! Сюсюкаете с папой, с Тиной. А сами умираете от зависти, вам хочется такой же дом и вообще все

такое же, как у нас. Только вы не понимаете, что счастья в этом нет.

— Может, скажешь, в чем именно счастье? — язвительно спросила Виолетта.

— Этого вы тем более не поймете. Вопросы еще есть? Если нет, тогда извините, мне надо физику делать.

— Ловко она тебя! — сказала Старуха, когда опешившая Виолетта вышла из Катиной комнаты. — Молодец девчонка, в корень зрит. Смотри, наживешь себе врага.

— Какой она мне враг, эта соплячка? — заявила Виолетта, но выводы все-таки сделала. Ей нужно оружие против Кати. И на следующий же день, когда девочка отправилась в школу, она, улучив минутку, велела Сашуре рисовать, а сама залезла в ее комнату. Обыск увенчался успехом. Результатом улова были початая пачка сигарет «LM» и две тетради на замочках. Первая вся была исписана трагическими стихами, очевидно, собственного сочинения, вторая представляла собой дневник. Виолетта забрала его с собой и, пока Сашура катался на своем скутере по аллее, успела прочитать, правда с большим трудом — почерк у девочки оказался очень неразборчивым.

Девять десятых записей были посвящены несчастной Катиной любви. С утомительной педантичностью она перечисляла, какие альбомы своего кумира слушала в этот день и какие кассеты с его участием смотрела, тосковала, что ее знаменитый возлюбленный так рано ушел из жизни, всерьез прикидывала, как могла бы встретиться с ним, будь он жив, и мечтала о том, что они воссоединятся в другой жизни или в лучшем мире. Последнему немало способствовало то, что они с Марьяной, оказывается, периодически устраивали спиритические сеансы, вызывали дух Цоя, который отвечал девочке на самые разные вопросы, начиная с того, спросят ли ее завтра по алгебре, и заканчивая тем, нравится ли она ему как женщина (в обоих случаях кумир отвечал утвердительно). Впрочем, Виолетту мало занимали эти подробности, и она, презрительно усмехнувшись, спешила их пролистать, как и рассказы о школе, учителях и одноклассниках — в них тоже не было ничего особенного.

Куда больше ее интересовало то, что писала Катя о домашних делах. Мать она называла Тиной и упоминала о ней с раздражением, почти с ненавистью, отец также звался Стасом, но здесь тон повествования был совсем другим — Катя подробно фиксировала,

когда и о чем он говорил с ней, что они делали вместе, сколько времени провели в обществе друг друга. "Вечером мы со Стасом сорок минут просидели в гостиной и спорили о фантастике. Он считает, что лучший писатель Бредбери, а я утверждала, что Бредбери, конечно, пишет классно, но это уже вчерашний день, а сейчас никто не может сравниться со Стивеном Кингом. Тогда Стас сказал, что Кинг — это отстой, а я не смогла этого стерпеть и кинула в него подушкой, а он увернулся, и подушка попала в камин, хорошо, что он не горел, тогда я кинулась на него и повалила на ковер. Я его лупила, а он хохотал, и тут вошла Тина, увидела нас, вся позеленела от злости и прогнала меня спать, стерва. Но все равно вечер получился клевый".

Виолетту девочка сразу окрестила домомучительницей — "Наняли очередную домомучительницу, противная — ужас, еще хуже, чем те две, предыдущие".

Впрочем, о воспитательнице девочка писала мало и коротко: "Домомучительница совсем достала", "Домомучительница опять лезла не в свое дело, пришлось ее послать" или "Домомучительница так подлизывалась к Тине и Стасу, что смотреть было противно". Гораздо чаще упоминался охранник Витек, ему, похоже, девочка симпатизировала. Во всяком случае, он был «классный», «рульный», «прикольный» и "всегда все понимал".

Собственно, ничего нового Виолетта из Катиного дневника не узнала. Несколько разочарованная, она, как ей показалось очень аккуратно, вернула все на свои места, но Катя каким-то образом все же догадалась, что в ее вещах рылись.

Вечером семья традиционно собралась на ужин в комнате, которую с легкой руки Алексея называли трапезной. История ее была такова: по первоначальному проекту Тины "под пищеблок", как выразился тот же Федоров, в доме были запланированы две огромные комнаты — кухня и столовая. Но вскоре выяснилось, что поесть в таких условиях, собственно, негде. Завтракать перед работой на скорую руку в рассчитанной на двадцать человек столовой смешно — они же не английские лорды в фамильном замке! Кухня же получилась слишком большой и какой-то неуютной. К тому же там постоянно должна была находиться кухарка и ее помощницы, а есть в присутствии прислуги не совсем удобно. Поэтому кухню спешно решено было перегородить. Получилось небольшое, но симпатичное

помещение, соединенное с другой половиной красивой аркой. Кухонные диванчики сделали его уютным, большой телевизор — комфортным, а несколько предметов натуральной хохломы, расставленных по полочкам, придали оттенок стиля "а-ля рюс", что и дало повод для названия.

В тот вечер и Стас, и Тина вернулись домой рано и сидели в «трапезной» вместе со всеми, что случалось не так уж часто. Они возбужденно обсуждали какие-то проблемы, возникшие на стройке, Сашура с шумом катал по полу новую полицейскую машину с сиреной, Виолетта пыталась его утихомирить, Галина Ивановна накрывала на стол. Кати не было. Она появилась только тогда, когда все уже начали есть, встала, скрестив руки на груди — вся в черном на фоне белой стены, — и заявила, кивнув на Виолетту:

— Я требую, чтобы ее уволили!

У Тины от удивления округлились глаза. Стас нахмурился:

— Что случилось?

— Сегодня днем кто-то рылся в моих вещах. Этого не мог сделать никто, кроме нее. Да и некому. Вы, как всегда, были на работе, малой тут тоже ни при чем, горничные сегодня не приходили. Значит, она.

У Виолетты душа ушла в пятки. И как только эта дрянь догадалась? Вроде бы она все положила на место. Что же теперь будет? Вдруг вся предварительная работа, проведенная с родителями, окажется недостаточной? Однако она ничем не выдала своего волнения.

— У тебя что-то пропало? — спокойно спросила Виолетта, хотя внутри все дрожало — с девчонки станется сказать, что пропали, например, деньги. У нее, кстати, они просто так валялись по всей комнате, безо всякого кошелька — рубли, доллары, евро, бог знает, на какую сумму. Виолетта хотела посчитать, но побоялась.

— Нет, ничего. Но вы лазили в мой стол и сложили тетради не в том порядке.

— Катя, дорогая! — воскликнула гувернантка. — Я и не думала трогать твои вещи. Я никогда не захожу в твою комнату, когда тебя там нет, мы об этом сразу договорились.

— Врете вы все! — выкрикнула Катя и повернулась к родителям: — Папа, ты всегда говорил, что если няня мне не нравится, то это достаточное основание для того, чтобы ее выгнать. Так вот я прошу,

нет, я требую, чтобы ноги этой женщины больше не было в нашем доме!

— Успокойся! Главное, ничем себя не выдай, и все будет в порядке! — шепнула на ухо появившаяся рядом Старуха. Иногда, когда хотела, она могла быть очень полезной. И Виолетта невозмутимо вернулась к своему фруктовому салату — после шести вечера она старалась не позволять себе ничего калорийного, — а Старуха стала медленно обходить стол.

Сначала она подошла к Сашуре, погладила его по голове, и он тотчас подал голос:

— Катька, ты зачем на тетю Лето кричишь? Не кричи, она хорошая.

Старуха перешла от сына к матери, встала у нее за спиной, и Тина тоже заговорила:

— Катерина, ты стала просто невыносимой. Чтобы обвинять человека в таких вещах, нужны серьезные доказательства. А у тебя, как я вижу, их нет.

Старуха двинулась к Стасу, коснулась рукава его спортивной рубашки, и он тоже вступил в разговор, очевидно намереваясь разрядить обстановку:

— Дочка, скорее всего ты перепутала свои тетрадки и забыла об этом!

— Ничего я не перепутала! Я ненавижу эту женщину и не хочу, чтобы она здесь работала!

— Что касается меня, — твердо проговорила Тина, — я не имею никаких оснований увольнять Виолетту Анатольевну. Более того, я очень ею довольна и считаю, что нам повезло.

Девочка перевела взгляд на Стаса, но тот лишь пожал плечами, на которых лежали корявые ладони Старухи:

— По-моему, ты просто погорячилась!

Тина потянулась к кувшину со свежавыжатым апельсиновым соком и принялась наполнять свой стакан.

— Прекрати шуметь, Катерина, немедленно извинись перед Виолеттой Анатольевной и садись ужинать. Все остыло!

— Ах так? — только и смогла сказать Катя. Когда она злилась, глаза ее становились почти черными. — В таком случае, я никогда больше не сяду с вами за один стол!

— Значит, будешь ходить голодной, только и всего, — проговорила мать, но девочка уже не слышала. Повернувшись, она выбежала вон из комнаты.

После ухода Кати в «трапезной» наступило молчание. Его нарушил Стас:

— Виолетта Анатольевна, извините ее, пожалуйста! Сам не знаю, что на нее нашло! Право же, она хорошая девочка. Может, перед экзаменами волнуется, может, еще что...

Стоящая у него за спиной Старуха сделала торжествующий жест, и Виолетта с трудом сдержалась, чтобы не ответить ей тем же.

— Ничего страшного не произошло, — спокойно сказала она, возвращаясь к своему салату.

— Может, нам стоит показать ее врачу? Психиатру, специализирующемуся на подростковом возрасте, наверняка такие бывают, — предложила Тина, отставляя стакан.

— Скорее психологу, — возразил Стас. — Она же нормальная, только нервная, так ведь, Виолетта Анатольевна?

— Побеседовать со специалистом никогда не помешает, — авторитетно произнесла гувернантка, доедая салат. — Но, на мой взгляд, ей была бы очень полезна перемена обстановки. Помнится, вы говорили, что собираетесь отправить ее учиться за границу, в Англию, кажется? Почему бы не сделать это в следующем учебном году?

— А ведь и правда, Стас, — повернулась к мужу Тина. — Ты обещал все узнать.

— Хорошо, завтра же позвоню Ирине Валентиновне, — согласился тот.

— Позвольте, я сама этим займусь! — попросила Виолетта. — У меня есть кое-какой опыт, мне неоднократно случалось отправлять своих воспитанников учиться за рубеж. Не сомневайтесь, я подберу для Катюши самую лучшую школу, с хорошими условиями и достойным уровнем образования.

Родители согласно закивали.

— Bravo! — захлопала в ладоши Старуха. — Bravo-брависсимо, bravo-брависсимо! Бурные аплодисменты, переходящие в овацию! И Виолетта тихонько подмигнула ей в ответ.

Открытый конфликт с Катей никак не входил в планы Виолетты, и она решила позвонить Марьяне. На случай экстренной связи

покровительница снабдила ее сотовым телефоном — в целях конспирации они договорились не звонить друг другу по обычному, да и вообще общаться как можно меньше. Случайно столкнувшись в доме, они вели себя, как малознакомые женщины. Виолетта вежливо здоровалась, Марьяна с улыбкой осведомлялась, как идут дела, и, получив ответ "спасибо, все хорошо", отворачивалась и, казалось, сразу забывала о гувернантке. На самом же деле они постоянно поддерживали контакт и созванивались не реже трех раз в неделю.

Подойдя поближе к окну, чтобы лучше работала связь, Виолетта набрала номер:

— Алло, Марьяна?

— Да, Виолетта, это я. Все в порядке?

— Не совсем. У нас тут вышла небольшая ссора с Катей.

— А что случилось?

— Видите ли, девочка почему-то решила, что я рылась в ее вещах. С чего это взбрело ей в голову — ума не приложу, — посетовала она, любуясь летними сумерками. — Требовала, чтобы меня уволили, поругалась из-за этого с родителями.

— А что сказали родители?

— Вступились за меня. Но Катя теперь обиделась, грозит объявить голодовку. Поклялась, что ни с кем из нас не сядет за стол.

— Думаете, это серьезно?

— Марьяна, вы же знаете Катю. Она непредсказуема. А нам с вами такие конфликты в этом доме не нужны, не так ли?

— Да, вы правы. Пожалуй, завтра вечером я приеду к ним в гости. Не одна, с Алексеем. Посидим, поболтаем — все и уладится.

— Отличная идея. Сами понимаете, мне совсем не хочется, чтобы кто-то из членов этой семьи был настроен против меня.

— Мне тоже этого не хочется, у меня совсем другие планы. Скажите, Виолетта, а как продвигаются наши дела?

— Продвигаются. Мне есть что вам рассказать. И не только рассказать.

— Да, конечно, надо встретиться. Но вы так заняты... Может, найдете хоть несколько часов?

— Не знаю, пока не заговаривала о выходном. Но могу попробовать.

— Попробуйте. А я сейчас позвоню Тине, попрошусь на завтра в гости.

И проблема с Катей действительно уладилась. Утром, подготовленная Стасом, Галина Ивановна принесла ей в комнату чай с бутербродами, а днем уговорила ее пообедать — ведь есть она будет одна. Вечером приехали Федоровы. Марьяна, обняв Катю, усадила ее рядом с собой за стол. После ужина Виолетта повела Сашуру купаться и спать, а взрослые вместе с Катей перешли в гостиную — ту, что попросторнее, с камином, в доме ее называли западной. К счастью, набегавшийся и наигравшийся мальчик (Федоровы привезли ему в подарок робота с дистанционным управлением) быстро уснул, и гувернантка вскоре присоединилась к остальной компании. Вечер прошел довольно живо, спорили о конкурсах красоты. Марьяна утверждала, что, когда женщин оценивают, как лошадей, в этом есть что-то унижительное. Катя, устроившаяся со стаканом сока на ковре у ее ног, полностью соглашалась, что внешность в человеке не самое главное. Тина заявила, что эти пустышки ни на что больше не способны, только демонстрировать себя, а Стас вдруг принялся яростно защищать конкурсы — в кои-то веки можно полюбоваться на множество красивых девушек. Разумеется, его жене совсем не понравились подобные речи, и она еще яростнее принялась нападать на ни в чем не повинных красоток, а потом напустилась на Стаса, и дело едва не дошло до семейной ссоры. Виолетта, сидевшая в дальнем кресле, предусмотрительно молчала. Старуха устроилась у нее на подлокотнике и вертела во все стороны головой, словно на теннисном матче. Погасить страсти удалось только Алексею. Он наговорил комплиментов присутствующим дамам, уверил всех, что в таком обществе им со Стасом не нужны никакие конкурсы красоты, и обратил все в шутку.

— Ты не находишь, что пора выводить на сцену Анну? — спросила Старуха, когда они с Виолеттой остались одни. — Что-то предмет твоих вожелений слишком много говорит о женщинах.

— Я все еще думаю, нельзя ли нам обойтись без нее, — пожалала плечами Виолетта, придвигая к себе хрустальную пепельницу и с наслаждением закуривая. Сегодня ей целый день пришлось обходиться без сигарет.

— Все еще не теряешь надежды охмурить его? — Старуха забегала по комнате. — Ну-ну, мечтай, да смотри не промахнись! Помнится, у тебя уже была одна попытка, боюсь, второй раз с рук не сойдет. Вылетишь отсюда с треском, плакали тогда твои денежки. Да и Марьяна тебя по головке не погладит!

— Ладно, твоя правда. В конце концов, пусть он на нее просто посмотрит, хуже не будет. А станет она ему женой или падчерицей — это мы еще поглядим. Вот что, сядь, не мельтеши. Давай-ка с тобой все как следует обсудим. Кстати, под это дело можно будет и с Марьяной встретиться...

На другой день была суббота, и, когда вся семья собралась за обедом, Виолетта попросила Тину отпустить ее завтра на первую половину дня.

— Конечно, конечно! — отвечала Тина, но женское любопытство тут же дало себя знать: — А куда вы собрались, если не секрет?

— У друга моей дочки день рождения, — отвечала Виолетта, зачерпывая ложкой уху — супы кирилловской кухарке всегда удавались на славу. — Он приглашает нас на свою яхту.

Это сообщение привлекло всеобщее внимание. Даже Катя подняла глаза от тарелки и удивленно поглядела на гувернантку. Сашура тут же закричал, что тоже хочет на яхту, Стас осведомился, какая именно яхта у приятеля ее дочери, и Виолетта только улыбнулась в ответ — думаете, я разбираюсь в яхтах? Но больше всех новостью заинтересовалась Тина.

— Вы так редко рассказываете о своей дочери, Летта. Какая она?

— Для меня самая красивая, — отвечала воспитательница.

— А чем она занимается?

— Аня закончила иняз.

— Какой язык?

— Итальянский. Сашенька, не кроши, пожалуйста, хлеб. Кушай как следует.

— И где работает?

— В настоящий момент нигде. Муж настоял, чтобы ушла с работы.

Стас хмыкнул, но промолчал, Тина возмутилась:

— Что за деспоты эти мужчины!

— Знаете, Тина, в отличие от вас Анна несколько от этого не страдает, — сказала Виолетта. — Она прекрасная хозяйка, великолепно готовит... В дом приятно войти — всегда чистота, порядок, уют. У меня так не получалось! Мы и решили — я буду работать, она заниматься хозяйством.

— А кто ее муж? — Пospешила переменить тему Тина.

— Муж ее ученый, микробиолог. Очень талантливый, но, к сожалению, пьющий. Это была настоящая трагедия! Анечка очень хотела ребенка, она так любит детей, но... Словом, им пришлось разойтись. Бедная девочка, она так переживала, целый год не могла прийти в себя! А сейчас в нее влюбился бизнесмен.

— Владелец яхты? — уточнила Тина.

— Ну да. У него свой... забыла, как называется, слово еще такое смешное, похоже на холодильник.

— Холдинг? — Стас прислушивался к разговору.

— Да-да! Там и торговая компания, и рекламное агентство, и все на свете...

— А как называется?

— Понятия не имею. Я, знаете ли, даже фамилии его не знаю — Сережа и Сережа. Но завтра обязательно спрошу — если, конечно, вы меня отпустите.

— Разумеется отпустим! — заверила ее Тина. — Во сколько вы собираетесь поехать?

— С вашего позволения, я отправилась бы рано утром и вернулась после обеда. Сашура, мы с тобой уже много раз говорили — нож надо держать в правой руке, а вилку в левой. Вот так, возьми в другую ручку.

— Попросить водителя отвезти вас прямо на пикник?

— Нет, что вы, это слишком! Да и ни к чему! Сережа заберет нас с Анной прямо из дома.

— А обратно? Вас встретить?

— Спасибо, не нужно. Анна меня привезет. Ей, кстати, давно хочется познакомиться с вашим семейством.

— Конечно, будем рады ее видеть, правда, Стас?

— Ты и не представляешь, как он обрадуется! — захихикала сидевшая на краю диванчика Старуха.

Неугомонный Витек болтал всю дорогу, что было весьма некстати. В машине Виолетта планировала еще раз все обдумать и уточнить, проговорить со Старухой мельчайшие подробности первого появления Анны в этом доме, чтобы ничего не упустить и добиться максимального эффекта, а вместо этого вынуждена была слушать анекдоты и байки из прошлой милицейской жизни охранника. Она вежливо улыбалась, поглядывая то на сидящую рядом хмурую Старуху, то в окно на такое же хмурое свинцовое небо, однако в душе у нее все клокотало. Уже к Калужской она возненавидела болтливого водителя лютой ненавистью, и вид родного дома, наконец-то показавшегося вдали, обрадовал ее как никогда.

Виолетта ураганом влетела в квартиру (Старуха еле попевала за ней) и, едва сбросив в прихожей туфли, вбежала в комнату Анны. Так и есть, дочь еще сладко спала, лежа на спине и приоткрыв рот.

— Подъем, подъем! Кто спит, того убьем! — пропела Виолетта, с шумом раздвинув шторы. Открывшийся вид отнюдь не радовал — тучи сгустились, и с минуты на минуту мог полить дождь.

— Мама? — Анна открыла глаза, с недоумением таращилась на Виолетту. — Тебя что, уволили?

— Анька, проснись сию же минуту! Опять до рассвета в Интернете торчала? Уже забыла, о чем мы вчера говорили?

— О чем? Сколько времени? Ну чего ты шумишь, я спать хочу...

— Не ной! Быстрее поднимайся. Сегодня у тебя очень важный день, можно сказать, первый выход на сцену.

— Ма-а, но ведь еще так рано... — Анна села в постели. Выглядела она просто ужасно.

— А потом будет поздно! Вставай! — Виолетта решительно стянула с дочери одеяло. — Надо придать тебе товарный вид, а то смотреть страшно.

— Да встаю, встаю! — Дочь нехотя спустила с кровати подернутые легким пушком незагорелые ноги. Виолетта поморщилась. Стоило ей уехать — и девчонка тут же перестала заниматься собой, забыла не только о солярии, но даже о бритве.

— Анька, ну как же тебе не стыдно! Совсем не следишь за собой, дрянь ты такая! — Виолетта задрала коротенькую футболку дочери и звонко шлепнула ее по заднице. — Я с ног сбилась, жизнь твою устраиваю, такого жениха тебе нашла, а ты вон как себя запустила!

Такую матрешку не то что миллионер — последний бомж замуж не возьмет!

— Ну ладно тебе, ма, у нас же еще есть время, — заканючила дочь. — Ты меня накрасишь, причешешь...

— Конечно, куда я денусь! Только, бога ради, перестань скулить! Ты должна быть соблазнительной, милой и женственной! И чуть-чуть загадочной.

— Да помню я все, помню...

— И на том спасибо! Давай поднимайся, я тут посижу. Где моя пепельница?

— Ну вон же она, на полке.

— Давай-давай, шевелись! — Виолетта присела за письменный стол и с ненавистью оттолкнула от себя клавиатуру. — Право, выкинуть готова этот твой компьютер, все соки из тебя пьет... Заходила ты в девятнадцатую квартиру?

— Заходила. Тетя Оля обещала побольше пирожков напечь — и с мясом, и с капустой, и с грибами. Рада была до смерти, еще бы, за такие-то деньги! А зачем тебе ее пирожки, мама?

Виолетта усмехнулась, стряхивая пепел:

— Жених твой будущий хозяйственных дамочек сильно уважает. А у Ольги пирожки — пальчики оближешь. Привезу с собой, всех угощу, скажу, что ты напекла, ему это должно понравиться. Ладно, хватит об этом. Ты в автосервисе была? Как там наша старушка, бегают еще? До Рублевки доедем, не развалимся?

— Должны доехать. — Анна заправила постель и теперь стояла перед открытым шкафом. — Что надеть, мама?

— Вчера, когда мы говорили по телефону, то решили, что ты наденешь рубашку-поло и капри.

— Но ведь похолодало! И потом, на капри я, оказывается, посадила пятно.

— Вот черт, одни убытки от тебя! Впрочем ладно, что Бог ни дает, все к лучшему! — Виолетта поглядела в окно: дождь лил вовсю. — Пикник на сегодня отменяется. И слава богу, не придется врать про яхту. Скажу, что были в ресторане. Наденешь голубой костюм, с ним-то, надеюсь, все в порядке?

— Вроде бы да...

— Ну вот и отлично! — Виолетта затушила окурок и поднялась. — Мне нужно идти, у меня деловая встреча. А ты вымой голову, приведи себя в порядок, подготовь все и жди меня. Я вернусь часа через три и займусь тобой.

— Мам, он хоть симпатичный, этот твой новый хозяин?

— Не то слово! — вздохнула Виолетта. — Только не смей строить ему глазки, слышишь? Ни одного взгляда в его сторону! Помни, что у тебя есть кавалер, богатый бизнесмен, ты его любишь и другие мужчины тебя не интересуют. Тогда он захочет побороться за тебя. Тем более что у него достойный соперник. Как говорил Игнатьев, чужая женщина всегда желанна. Пусть Стас тебя захочет, я сделаю для этого все, что в моих силах.

— Не очень-то тебя это радует! — захихикала Старуха.

— Ему нравятся красивые женщины — я сделаю из тебя красавицу, — продолжала Виолетта, не обращая внимания на подковырку старухи. — Женственные — будешь женственной. Пока, я побежала, уже опаздываю. И не вздумай тут без меня даже подходить к своему дурацкому компьютеру, слышишь? Марш в ванную!

...Это небольшое кафе в переулке старого Арбата они с Марьяной еще загодя облюбовали для своих встреч. Тут было тихо, спокойно, немногочисленно и уютно почти по-домашнему, без всяких претензий — нарочито грубоватые деревянные столы и стулья, джинсовая ткань в качестве основного элемента отделки и с достоинством восседающая у стойки большая тряпичная кукла-мышонок со смешным длинным носом и в штанишках на помочах. В прошлый раз они с Марьяной сидели на самом удобном месте — на деревянном диванчике в нише, но сегодня полюбившийся им столик оказался занят. Пришлось устроиться в углу напротив, и в ожидании Марьяны Виолетта пила кофе (здесь его варили вполне прилично) и от нечего делать с неудовольствием глядела на парочку, оккупировавшую их стол.

Обоим, видимо, было слегка за тридцать. Худощавый, подвижный и почти наголо стриженный мужчина с небольшой бородкой и выразительными глазами сразу понравился Виолетте, хотя был не в ее вкусе. Девушку с излишне пышными темными волосами и такими же излишне пышными формами она сочла слишком полной и, глядя, как та поедает фирменный ореховый пирог со взбитыми сливками и запивает его ликером, усмехнулась про себя: господи, да с такой

фигурой, как у нее, надо бы одним капустным отваром питаться! Парочка, очевидно, попала под дождь — джемпер на девушке был темным от воды и прилипал к телу, она дрожала от холода. Молодой человек наклонился к своей спутнице, что-то спросил и, получив в ответ благодарный взгляд, позвал затянутую в узенькие джинсы официантку. Та выслушала, кивнула, исчезла в подсобке и вскоре вернулась с пушистым клетчатым пледом в руках. Мужчина взял у нее плед, бережно закутал в него свою промокшую подругу, и она посмотрела на него с такой преданностью, с таким обожанием, что у Виолетты все сжалось внутри. Эта парочка просто излучала флюиды любви и нежности, и Виолетта с болью в сердце подумала, что у нее в жизни никогда не было таких отношений с мужчиной. Чего только не происходило, кажется, даже счастлива бывала, а вот такого не испытывала никогда. Неужто уже не испытает?

— Завидуешь? — ехидно поинтересовалась Старуха. — Вот кабы на ее месте была ты, а на его — Стас...

— Заткнись! — огрызнулась Виолетта, и пробежавшая мимо юная официантка с удивлением посмотрела на нее:

— Вы что-то сказали?

Виолетта ответила таким же недоуменным взглядом:

— Я? Ничего. Вам просто послышалось.

Появилась Марьяна, как всегда невыносимо эффектная, в кремовом длинном плаще, с ярко-красным зонтом и точно такой же сумочкой в руках. Стряхнула с зонта воду, раскрыла его, поставила рядом на пол — сушить, скинула плащ и пристроила его на вешалку.

— Извините, что опоздала, погода неожиданно испортилась! Будто не июнь на дворе, а октябрь. Дождь льет как из ведра, и холод такой...

Можно подумать, что она не прибежала из теплого дома, находящегося всего в двух шагах отсюда, а ехала с другого конца Москвы, как Виолетта.

Официантка принесла меню в обтянутой джинсовой тканью обложке, и Марьяна восхитилась:

— До чего же остроумное дизайнерское решение! Так просто, незамысловато — и так удачно! Посмотрите, для каждого меню папочку сделали из обрезков старых джинсов. Даже с кармашком! Мне

кофе по-венски, пожалуйста, — обратилась она к официантке. — Ну, как ваши дела? — повернулась она к Виолетте.

— Спасибо, все в порядке.

— А как наши дела?

— Тоже неплохо, — усмехнулась Виолетта. — Как в песне: все идет по плану.

— Знаете, они оба, и Тина, и Стас, поют вам такие дифирамбы, что мы с Лешей только руками разводим. И умная вы, и добрая, и понимающая, и поговорить с вами интересно, и Сашка вас обожает. Как вам удалось их так очаровать? Может, вы их околдовали? Признайтесь, никакой ворожбой не пользовались? — Марьяна спрашивала вроде бы в шутку, но в глазах ее мелькнула тревога.

— Ну что вы, Марьяна Юрьевна! — поспешила успокоить ее Виолетта. — Я, в отличие от вас, не обладаю такими способностями. Кстати о ворожбе. Вот то, что вы просили. — Виолетта вынула маленький завязанный узлом полиэтиленовый пакет и протянула его Марьяне. Та поспешно спрятала пакет в сумку.

— Она ничего не заметила?

— Нет, ничего! Утром она проспала, собиралась впопыхах и бросила расческу прямо в холле. А я осторожно сняла волосы и собрала в пакетик.

— Отлично! Ну расскажите мне, как там обстановка, как они живут?

— Да не так чтобы очень хорошо. Вы были совершенно правы: похоже, у Стаса действительно есть кто-то на стороне. Во всяком случае, Тина так думает. Не знает только, кого подозревать, поэтому бешено ревнует ко всем, включая вас и даже Катю.

— Да что вы? Ну, Тина, держись, то ли еще будет!

— И еще одно, — продолжала Виолетта, отставляя пустую чашку. — Сегодня вечером меня отвезет туда Анна, дочь. Мне хочется познакомить их со Стасом. Пусть он ее увидит, а уж я постараюсь сделать так, чтобы она ему понравилась. Это может пригодиться нам в дальнейшем.

— Пожалуй, вы правы. Необходимо сегодня же обсудить наши дальнейшие действия. А пока я просто умираю от любопытства! Я так поняла, что вы теперь очень дружны с Тиной и она откровенна с вами. Расскажите, что вы узнали?

ЧАСТЬ 3

День не задался с самого утра, точнее, еще с ночи. Вечер Виолетта традиционно провела на веранде с Тиной, но сразу после полуночи гувернантку позвали в детскую. Накануне Сашура съел какую-то гадость (последние дни он почему-то стал все тянуть в рот, как маленький) и отравился. Тина как ни в чем не бывало отправилась спать, а Виолетта до утра сидела с мальчиком. Ему было плохо, его тошнило, он капризничал. Виолетта поила его жиденьким чаем, уговаривала принять лекарство, утешала, гладила по головке, а сама просто с ног валилась от усталости. Едва ее воспитанник затихал, она клала голову на руки и тотчас проваливалась в сон, но Сашура сразу же просыпался, и все начиналось сначала. Полегчало ему лишь на рассвете. Он наконец заснул, и Виолетта тоже отключилась — прямо в детской, свернувшись калачиком в кресле. Она уже давно забыла, что такое бессонница: за три с небольшим месяца, проведенных в этом доме, она устала так, как не уставала за всю свою жизнь, и, едва добравшись до постели, засыпала как убитая. Сейчас она проспала минут сорок и проснулась от чувства жуткого дискомфорта — в неудобной позе онемела вся левая половина тела, и ломило, казалось, все кости и все суставы. Было уже совсем светло. Ребенок спал и выглядел вполне сносно, только волосенки слиплись от пота. Виолетта машинально поправила на нем одеяло, подождала пару минут для успокоения совести и тихонько выскользнула из комнаты. Ноги в туфлях-лодочках на высоких каблуках за ночь сильно отекали, и каждый шаг причинял мучительную боль. "Будто андерсеновская Русалочка", — усмехнулась про себя гувернантка.

Утро выдалось серое, пасмурное, безрадостное. Виолетта поежилась в легкой блузке, зябко повела плечами, еле прикрытыми тонкой тканью. "А что ты хочешь, — август! — сказала бредущая рядом Старуха. — Лето проходит. Так и жизнь пройдет. Как ни выпендривайся, ни строй из себя молоденькую, а здоровьице-то уже не то..." У Виолетты даже не хватило сил прикрикнуть на нее. Еле живая, она вползла в свою комнату, сбросила одежду и обувь и рухнула в постель, даже не смыв с лица косметику — этого она себе никогда не позволяла. Но едва она уронила голову на подушку, как раздался стук в

дверь. "Боже, что еще случилось? Неужели опять Сашура? Зря я все-таки не вызвала врача! Что же теперь будет?" С огромным трудом Виолетта поднялась, не попадая в рукава, накинула халат и на ватных ногах подползла к двери. В коридоре стояла Тина. Она смущенно и радостно улыбалась, лицо разрумянилось, глаза блестели, и Виолетта поняла, что хозяйку просто распирает от желания излить ей душу.

— Не спите? — Тина проскользнула мимо нее в комнату и развалилась в кресле, перекинув через подлокотник обтянутую джинсами худую ногу. — И мы уже поднялись. Стас в свою качалку пошел, а я решила с вами поболтать.

Виолетта поплотнее запахнула на груди халат и попыталась изобразить на лице приветливую улыбку. Получилось плохо, но Тина этого не заметила. Она сладко, как довольная кошечка, потянулась в кресле и доверительно зашептала:

— У нас сегодня была такая ночь... Прямо как в юности. Не поверите — три раза. Что это вдруг на него нашло? И даже знаете, что он сделал? Кажется, это называется куннилингус, когда языком... — Она покраснела до корней волос, но глаза так и светились. — Я сначала не хотела, а потом... Оказывается, это так здорово, такое потрясающее ощущение!

— Я рада за вас, Тина, — сказала Виолетта. Больше всего ей сейчас хотелось взять одну из своих тяжелых хрустальных пепельниц и как следует жахнуть ею хозяйку по голове.

— А еще мы решили поехать в отпуск! — щебетала ничего не подозревающая Тина. — А то лето проходит, вон уже август на дворе, а мы так и не отдохнули. Выбрали Канары, там всегда ровный климат.

Виолетта кивнула. Сейчас ей, конечно, было совсем не до путешествий, но, в конце концов, не всегда же она будет в таком состоянии. А Канары — это совсем неплохо, она, конечно, никогда там не была, да и не мечтала ни о чем подобном. Что ни говори, а служба в богатой семье имеет и свои положительные стороны.

— Стас, конечно, хочет ехать всей семьей, — продолжала Тина. — Но я его отговорю. Что за отпуск с детьми! Надо же когда-нибудь и отдохнуть от них, побыть вдвоем!

— Можно подумать, ты так от детей устала! — скривилась Старуха. — Ах ты бедняжечка!

Но Тина, конечно, не услышала ее слов.

— Катьку можно будет отправить в какой-нибудь молодежный лагерь, в Хорватию или еще куда-нибудь. Ей полезно перед Швейцарией пожить вне дома, попривыкнуть к детскому коллективу. Ну а Сашура побудет здесь, с вами. Уверена, вы о нем отлично позаботитесь и без нас.

Довольная томная улыбка не сходила с ее лица, и это выражение просто бесило Виолетту. Тина еще раз сладко потянулась, взглянула на часы и нехотя поднялась с кресла.

— Ладно, пойду провожу любимого мужа и завалюсь еще поспать! Решила сегодня не ездить на работу, там вроде нет ничего срочного. Видите, Виолетта, напрасно мы с вами в чем-то подозревали Стаса — у нас с ним все хорошо! Он вдруг стал таким заботливым, таким нежным. Значит, все в порядке.

— Я так не думаю. Более того, я даже уверена в обратном. — На Тину будто выплеснули ушат холодной воды.

— Что вы такое говорите? Почему?

— Знаете, Тина, когда мужчина вдруг становится нежным и внимательным — это верный признак супружеской неверности. И потом, извините за откровенность, это его поведение, эта его, м-м-м, новая ласка — откуда она взялась? Сомневаюсь, что он проконсультировался с сексологом или прочел об этом в какой-нибудь книге!

— Вы хотите сказать, что... что... Что этому его научила какая-то женщина?

— Скорее всего, именно так. — Виолетта получила огромное удовольствие, жестоко терзая Тину.

Хозяйка переменялась в лице:

— Не может этого быть! Я прямо сейчас его обо всем расспрошу!

— Так он вам и скажет! — рассмеялась Виолетта. — Будет клясться в любви и преданности, уверять, что вы у него единственная и неповторимая. А потом вдруг случайно окажется, что он не может ехать с вами в отпуск из-за непредвиденной командировки. Куда-нибудь на Север, но вернется оттуда дочерна загоревший.

На Тину было жалко смотреть. Взгляд ее погас, плечи поникли:

— Но что же делать?

— Пока ничего. Ведь у вас нет никаких доказательств? Значит, надо постоянно быть начеку и искать улики.

— Понятно. Знаете, я пойду... Мне надо об этом подумать...

— А о ребенке даже не спросила! — возмутилась Старуха, когда дверь за Тиной закрылась. — Вот стерва, надо же быть такой эгоисткой! Но ты ее здорово отделала! Молодец!

— Знала бы ты, как я ее ненавижу! — вырвалось у Виолетты. — Так хочется спать, но теперь уже не усну. Черт бы побрал эту Тину! Ей-богу, убить ее готова!

— За чем же дело стало? По-моему, давно идет к этому!

— Ты права. Хватит тянуть. Надо от нее избавляться. Осуществить Марьяночкины планы... — Виолетта поправила постель, которую так и не успела разобрать, и принялась приводить в порядок кое-как сброшенные на пол вещи.

— И как ты собираешься их осуществлять?

— Все тебе скажи да Расскажи! Пока я знаю только цель, а о средствах надо подумать.

— Вот как? И что за цель, если не секрет?

— Уж будто не знаешь? Программа-минимум — освободить Стаса. Такая жена ему совсем ни к чему, надо развязать ему руки. Вот черт, на юбке подпушка оторвалась!

— Так ты действительно собираешься ее убить?

— Подшить надо... Не помнишь, куда я дела иголку?

— Лежит, как всегда, в ящике тумбочки. Ты мне не ответила.

— Что-то не могу найти... А, вот она.

— Ты мне не ответила.

— А? Не знаю даже, еще не решила. Там видно будет.

— Интересно... Впрочем, у тебя уже есть некоторый опыт. Тогда, с журналистом, тебе это легко сошло с рук...

— Зачем ворошить прошлое! — Виолетта перекусила зубами нитку. — Давай жить настоящим и будущим. Сейчас у нас планов громадье, и с этой минуты процесс уже пошел. Надо Марьяне позвонить.

Днем, судя по всему, у супругов состоялся неприятный разговор по телефону, во всяком случае, Тина несколько раз куда-то звонила и ходила после этого злая и раздраженная, с красными глазами. Стас задержался на работе, к девяти часам его еще не было, ужинали в молчании, нарушаемом только Сашурой. Мальчик проспал до полудня и теперь отлично себя чувствовал, нагулял за день аппетит и требовал,

чтобы ему дали что-нибудь посущественнее и повкуснее, чем бульон с гренками, но Виолетта решила не рисковать. Не дай бог, ему опять станет нехорошо, а еще одной такой ночи она не выдержит. Виолетта предполагала, что после ужина Тина опять захочет с ней поговорить, но та молча поднялась, отодвинула тарелку с почти нетронутой цветной капустой и ушла к себе. Следом вышла Катя. Она весь вечер бросала настороженные взгляды то на мать, то на гувернантку, но так ни о чем и не спросила. Виолетта еле дождалась, пока Сашура закончит еду, и чуть не бегом потащила его в детскую. Ей казалось, что она не доживет до того счастливого мига, когда можно будет лечь спать.

Стас приехал часов в десять, и ночью супруги, похоже, помирились. Во всяком случае, утром отправились на работу вместе, и Тина уже выглядела не такой хмурой.

"Ах так! Ну ладно! — подумала Виолетта. — Дождемся вечера, уж я тебе устрою!"

И когда Тина одна вернулась с работы, она показала ей узкую полоску бумаги с напечатанными на ней синими буквами и цифрами.

— Что это?

— Это сегодня утром выпало у Станислава Алексеевича из кармана пиджака.

Тина внимательно изучала листок:

— Счет из кафе "Москва — Берлин". Дата вчерашняя, седьмое августа две тысячи третьего года, время — двадцать тридцать. Что это за "Москва — Берлин", первый раз о таком слышу.

— Это кафе-кондитерская на площади Белорусского вокзала.

— Выходит, Стас был там вчера? Интересно, с кем это?

— А вы посмотрите на выбор блюд. Ну, бифштекс с овощами, бокал сухого вина, кофе по-турецки явно заказывал Станислав Алексеевич, он у нас не любитель сладкого. Но вот шоколадное пирожное «Шварцвальд», ежевика со взбитыми сливками и коктейль «Оргазм» — это явно женский выбор. У него сейчас есть клиенты-женщины?

— Нет. И потом, Стас не собирался вчера встречаться ни с каким клиентом. Он сказал, что задержался на объекте.

— Ну вот видите, — пожала плечами Виолетта. На самом деле этот чек она получила днем от заезжавшей за Катей Марьяны, но Тине,

разумеется, незачем было об этом знать.

В выходные Стас несколько раз отлучался из дома, и Виолетта не преминула этим воспользоваться. Рано утром в понедельник она тихонько пробралась в гараж, открыла машину Стаса и положила на правое переднее сиденье тюбик яркой губной помады. Усаживаясь в автомобиль, Тина, естественно, почувствовала что-то под собой, обнаружив тюбик, тотчас вышла из себя и обрушила на мужа целый шквал вопросов и обвинений. Напрасно Стас клялся и божился, что понятия не имеет, откуда у него в машине помада, Тина ему не верила.

А через пару дней Стас сам подложил себе свинью. Он случайно забыл в спальне мобильник, и Виолетта, узнав об этом, тут же позвонила Анне и дала ей четкие инструкции, что надо сделать. И когда Тина, которой надоело слушать, как телефон мужа заходится в трелях, все-таки сняла трубку, она услышала в ней воркующий женский голосок: "Это ты, милый?" Она устроила такой скандал, что в доме, казалось, тряслись стены. Стас догадался позвонить по высветившемуся на экране сотового номеру, при Тине же поговорил с неизвестной собеседницей, уверявшей, что она просто ошиблась номером, и умолял Тину поговорить с девушкой, но жена была непреклонна. Она больше не сомневалась в том, что у Стаса появилась любовница.

Вечером, уложив Сашуру, Виолетта, также по сотовому, позвонила Марьяне и подробно доложила обстановку, прибавив, что все идет по плану, и это еще только начало, самое интересное впереди. И получила полное одобрение своей покровительницы.

— Ну куда ты пропала?! — набросилась она на появившуюся наконец-то Старуху. — Когда и глаза бы на тебя не глядели, ты тут как тут. А захочешь с тобой пообщаться — шляешься неизвестно где!

— Да здесь я, здесь! — успокоила ее Старуха. — Вся как есть перед тобой. Куда ж я от тебя денусь!

— Ну-ка сядь, дело есть, поговорить надо! Черт, вечно эти уборщицы норвят пепельницу куда-то заставить! — Она всласть затянулась сигаретой. — Ох, до чего же хорошо! Надо, пожалуй, и тебя выучить курить, за компанию!

— Не буду я курить! — отказалась Старуха. — Я здоровье берегу. Мне жить еще до-о-олго! Не то что тебе.

— Ты чего каркаешь, ворона старая?! — возмутилась Виолетта. — Я тоже пока помирать не собираюсь. Какие мои годы, шестидесяти еще нет. Жизнь, можно сказать, только начинается. Особенно теперь, когда я нашла Стаса.

— Ишь глазки-то закатила! Нашла, да взять не можешь. Хороша Маша, да не наша!

— Ничего, скоро будет наша. Похоже, я все обдумала. План непростой, но, по-моему, удачный. Вот только одна я не справлюсь. Придется потрясти кое-кого из моих бывших. Ну и Анька, конечно, понадобится на первое время.

— А я? — обиделась Старуха.

— И ты, и ты, конечно! — Виолетта потрепала по грязному шерстяному платку, из-под которого выбивались жидкие серые волосы. — Куда же я без тебя! Ты у меня первый человек.

— Анька Стасу, похоже, нравится! — заметила Старуха. — Конечно, он видел ее всего пару раз, и то мельком, но внимание явно обратил.

— Еще бы! — усмехнулась Виолетта. — Я столько усилий приложила. Но, знаешь, по-моему, для нее он все-таки слишком хорош. Это мой мужчина, а ей потом найдем кого-нибудь попроще. Молодая еще, может и подождать.

— Однако с Марьяной вы решили... — возразила было Старуха, но Виолетта перебила ее:

— Для Марьяны важна цель, а не средства! Ты же помнишь, что все детали она отдала на откуп мне. А у меня сейчас как раз зреет такой план! Марьяна рот разинет!

Энергия переполняла Виолетту. Не в силах усидеть на месте, она принялась расхаживать по комнате, то и дело затягиваясь сигаретой — теперь она наконец-то могла позволить себе любимое "Собрание".

— Значит, так. Первым делом надо позвонить Игнатьеву. Он, по слухам, теперь большим милицейским начальником стал.

— Ох, Пашенька, хороший был мужик! — одобрительно кивнула Старуха. — Бравый, что твой гусар! И чего ты его, дура, бросила?

— Не твое дело. Надо было — и бросила. Потом нужно найти Никиту Ордынского, где его искать, ума не приложу.

— А этого правильно сделала, что бросила. Пустой был мальчишка, не пара тебе совсем. Да что с него взять, одно слово —

актеришка!

— Дальше идет Яков. С ним все в порядке, я точно знаю, он у меня под контролем. Жив-здоров, клиника его процветает.

— И Яков твой мне тоже никогда не нравился. Скользкий какой-то, глаза так и бегают.

— А еще понадобится из кладбищенских кто-нибудь. Лучше бы из крематория. Может, Клавдия разыскать, если он еще там, конечно?

— Какого такого Клавдия?

— Забыла, что ли? Поэт, высокий такой, с бородой, у Игоря под началом работал.

— Ах этот? Лохматый, с безумными глазами, борода вечно всклокочена?

Тьфу, вспомнить противно! Этот-то тебе на фиг сдался?

— Так я же тебе говорю, он в крематории работал. Его, понимаешь ли, это на поэзию вдохновляло! Да, Клавдий — очень удачный вариант.

В мучительных поисках работы и денег Виолетта обращалась не ко всем знакомым. Она изначально привыкла сортировать людей вообще и бывших любовников в частности по степени важности и той помощи, которую они могли оказать. Кого-то можно было дернуть по любому пустяку, например попросить перевезти шкаф на дачу, но некоторых она до поры до времени берегла. Виолетта не сомневалась, что, к примеру, Игнатьев наверняка пристроил бы ее на службу куда-нибудь в МВД, а Белецкий, стоило только напомнить ему о той неприятной истории с журналистом, обязательно ссудил бы значительной суммой денег, и все же она не спешила звонить им. Она знала, что эти люди могут ей быть полезны в совсем других, возможно, еще более важных делах, и не использовала их до тех пор, пока не возникнет такая необходимость. Но вот теперь, похоже, такой момент настал.

— Да-а, на все эти встречи понадобится время, и немало! — протянула Виолетта. — Что бы такое придумать?

— Чего проще? — пожала плечами Старуха. — Скажи, что захворала, отпросись в поликлинику. В крайнем случае, можно даже в больницу лечь.

— Нет, больница — слишком рискованно. Не дай бог, вздумают навестить или позвонят врачам, о здоровье справиться. С

поликлиникой проще.

Остановлюсь, пожалуй, на дантисте. К ним обычно надо долго ходить. Завтра же притворюсь, будто разболелся зуб.

— А не поверят тебе! — съехидничала Старуха. — Физиономия у тебя последнее время слишком довольная!

— А ничего, я сделаю такое же выражение лица, как у тебя. Тогда они сами меня к врачу погонят!

— Пресвятая дева, глазам своим не верю! Ужель она, прекрасная Виола? Дай посмотреть на тебя! — Завидев Виолетту, Клавдий начал было подниматься со скамейки, да так и замер, разглядев ее получше. — Все так же демонически хороша! О время, ты над ней не властно!

Он взял лежавший рядом букет чахлых ромашек, неловко опустил на одно колено и вручил ей:

— Прими, о муза, скромный дар поэта!

— Спасибо, я так тронута! — Виолетта прижала цветы к груди, стараясь ничем не выдать своих чувств. Выглядел поэт ужасно, весь как-то высох и стал еще напряженнее, чем раньше. Борода и шевелюра заметно поредели, дужка на очках была сломана, нескольких зубов не хватало.

"А ведь он лет на десять помладше меня!" — пронеслось в голове у Виолетты.

— Я так рада тебя видеть! — Она через силу улыбнулась.

— Какое счастье, что у тебя хватило ума не приглашать его в кафе! — проворчала Старуха, брезгливо оглядывая Клавдия. — Со стыда бы перед людьми сгорела, честное слово! Тут, в сквере, по крайней мере, никто не видит!

— Можно подумать, ты выглядишь намного лучше! — буркнула Виолетта.

— Ты что-то сказала? Прости, божественная, я стал туговат на одно ухо.

Старею! — Он сокрушенно развел тощими руками, нелепо торчащими из растянутых рукавов засаленного свитера.

— Я сказала, что ты неплохо выглядишь, котик! — ответила Виолетта, и поэт просиял:

— Ты еще помнишь, как меня называла?

— Конечно, помню. Мне твое имя никогда не нравилось.

— Давай сходим куда-нибудь? А может, — он заглянул ей в глаза и почему-то напомнил собаку, которая выпрашивает подачку со стола, — поедем ко мне? Помнишь, как мы когда-то...

— Конечно, помню, милый! Но, к несчастью, у меня совсем мало времени. Давай лучше посидим поболтаем. — Она кивнула на скамейку и грациозно опустилась на нее, стараясь держаться на некотором расстоянии от кавалера.

Поэт неловко пристроился рядом, не отрывая от нее восхищенных глаз.

— Ты ничуть не изменилась! Все так же юна и свежа, как морозное утро, все так же прекрасна и соблазнительна, как южная ночь! Как тебе это удастся? Признайся, ты продала душу дьяволу и получила взамен вечную молодость?

Виолетта довольно рассмеялась:

— До чего же приятно тебя слушать, котик! Ты так говоришь!

Она кокетливо провела рукой по длинным, давно не мытым волосам поэта, он поймал ее ладонь и прижался к ней губами.

— Как твои творческие успехи? Я что-то давно не встречала твоего имени?

— Увы! — Поэт помрачнел. — Мирская слава — что она — лишь тлен!

— Неужели ты перестал писать? Какая жалость! Мне всегда так нравились твои стихи. — Незаметно подтянув юбку вверх, Виолетта закинула ногу на ногу. Пусть полюбуется, за погляд денег не берут.

— Как ты могла подумать, белладонна! — возмутился поэт. — Третьего дня только закончил поэму, пока еще не решил как назвать: "Твой одинокий стон в ночи" или "Пиршество маргиналов".

— Одинокий стон, пожалуй, лучше, — сказала Виолетта, пряча лицо в цветы.

— Хочешь, я тебе ее почитаю?

Сидевшая рядом Старуха скрипнула зубами, поднялась и затрусила прочь по аллее. Виолетта проводила ее взглядом:

— Я бы с удовольствием, котик, но времени у меня действительно в обрез. Может, чуть позже. И давай договоримся, когда выйдет книжка, ты первой подаришь ее мне — с автографом.

— Ох, Виола, не мучай меня, не бреди израненную душу! — застонал поэт.

— А что такое?

— Как — что такое? Где ты живешь, святая простота? Разве ты не замечаешь, что творится вокруг? Невежество и злоба правят миром!

— Тебя не печатают?

— А кого сейчас печатают? Кому нужна поэзия, кому нужна хорошая литература? Ты посмотри, что лежит на прилавках! — От избытка чувств Клавдий заговорил прозой. — Халтурные бабские романчики, дешевые детективчики да псевдоинтеллектуальное переводное чтиво!

— Но я слышала, у авторов сейчас появилась возможность публиковаться за свой счет, — принялась осторожно прощупывать почву Виолетта.

— Мечта моя, но где ж мне взять столько презренного металла?

— Это дорого стоит?

— Нужны немыслимые богатства, моя королева. Тысяча, а то и полторы гадких зеленых бумажек.

— Ну не такие это большие деньги. Я могу их тебе одолжить. Или даже подарить.

Клавдий даже подскочил на скамейке:

— Что слышу я? Иль мой больной рассудок меня подводит вновь?

— Да нет же, котик, — рассмеялась Виолетта. — Я сейчас неплохо зарабатываю, у меня есть кое-какие сбережения, и я вполне могу позволить себе издать твою поэму, как она там называется, или, скажем, сборник твоих последних стихотворений — это как сам решишь.

— Ты, верно, шутишь, о небожительница? — подозрительно покосился на нее Клавдий.

— Нисколько! Я же знаю, у тебя замечательные стихи, их надо нести к людям, они нужны читателям, они призваны сделать мир чище нравственно и богаче духовно!

— Как хорошо, что у тебя такая отличная память! — заметила появившаяся рядом со скамейкой Старуха (и когда только она успела вернуться?). — Шпаришь наизусть как по писаному то, что он сам тебе говорил лет этак пятнадцать назад.

Клавдий меж тем встал перед Виолеттой на оба колена и покрывал поцелуями ее руки. Она хотела было его поднять, чтобы не

испачкался, но решила, что его одежде это не грозит, она и без того не блещет чистотой.

— Волшебная, чудесная, божественная! Чем я заслужил такой дар судьбы? О боги, как мне благодарить вас? Что мне сделать для этой удивительной женщины? Достать звезду с неба? Выпить океан? Победить дракона?

Проходившая мимо юная парочка с изумлением взирала на эту сцену.

— Успокойся, котик, сядь, пожалуйста, неудобно, на нас обращают внимание. — Виолетта потянула поэта обратно на скамейку. — Мне не нужны звезды, океаны и драконы. Мне нужно совсем другое.

— Проси что хочешь, я исполню все, что в моих силах. И даже выше моих сил!

Виолетта дождалась, пока парочка удалится на совсем уж безопасное расстояние и повернулась к нему:

— Мне нужен труп.

Рука Клавдия невольно потянулась к больному уху — он снова подумал, что ослышался.

— Да нет же, котик, ты не ослышался. Мне действительно нужен труп, женский, обгоревший до неузнаваемости. Ты ведь все еще работаешь в крематории. И тебе ничего не стоит, когда будут кремировать подходящую женщину — ну подходящего роста и комплекции, — не сжигать ее тело дотла, а через некоторое время выключить жаровню, или как у вас это называется...

— Печь, — глухо пробормотал Клавдий.

— Ну печь! — согласилась Виолетта. — Выключишь, а потом к тебе подъедут мои люди, и ты им отдашь останки.

— Только и всего?

— Ну конечно, глупый, чего ты испугался?

— Но зачем тебе?

— Да я тут задумала одну шутку. Вроде розыгрыша. Надеюсь, получится очень смешно.

— Ну да, — кивнул Клавдий. — Действительно, очень смешно.

— Котик, милый! — Виолетта взяла руки поэта в свои и нежно поглядела на него. — Ты ведь не откажешь мне? Мне, не только самой благодарной твоей читательнице, но и женщине, которая тебя любила?

Знаешь, у меня еще осталось немного времени, и я с удовольствием послушала бы твою поэму.

— Извини, но у меня что-то пропало желание ее читать. Хорошо, Виола, я сделаю все, что ты просишь. Но сейчас прости, мне надо идти.

Он поднялся со скамейки и побрел прочь по аллее, не оглядываясь и понутив голову: сгорбленный, тощий, нелепый, в рваных джинсах и растянутом свитере.

— И как только ты могла с ним переспать? — удивилась Старуха, глядя ему вслед. — Даже я бы с таким не легла.

— Я думала, он талантливый, — пожалала плечами Виолетта. У нее вдруг стало тяжело на душе, и она никак не могла понять почему.

В половине одиннадцатого надо было звонить Игнатьеву, и Виолетта весь день испытывала приятное волнение, как в молодости перед свиданием. Время тянулось невыносимо медленно, но, как только настал вечер, на гувернантку навалилось столько забот, что, казалось, с ними не разделаться и до завтра. За ужином Сашура мучительно долго ел свою кашу, потом никак не хотел вылезать из ванны, шалил, плескался, размазывал по кафелю мыльную пену и вылил на пол чуть ли не половину воды. Вредная Катя, увидев, в каком состоянии ванная, тут же потребовала убрать там — ей, видите ли, тоже, приспичило купаться.

— Катенька, но почему бы тебе не принять ванну завтра?

— Нет, я хочу сейчас! — заупрямилась девочка. — Как только приведете все в божеский вид.

— Господи, скорее бы ты уехала! — пробурчала себе под нос Виолетта. На следующей неделе Катя с подружкой и ее родителями должна была отправиться на две недели во Францию, и гувернантка с нетерпением ждала этого дня.

Общаться с девочкой ей становилось все труднее и труднее.

Виолетта как раз закончила вытирать стены и только собиралась перейти к полу, как услышала жуткий крик, переходящий в рев: оставленный без присмотра воспитанник принялся скакать по лестнице, упал, разбил колени и расквасил нос. Чертыхаясь про себя, гувернантка наспех промыла раны перекисью водорода, кое-как утешила плачущего мальчика и с трудом заставила улечься. Сашура согласился пойти в кровать только при условии, что ему почитают

"Малыша и Карлсона", с интересом слушал, смеялся и никак не хотел засыпать. Едва он уgomонился и закрыл глаза, как в комнату заглянула Тина:

— Вы еще здесь? А я хотела с вами пошептаться.

— Мама, мама! — тут же подскочил мальчик. — А я упал, ударился, вот смотри! Столько крови было! Тетя Лето моет, а она течет, моет, а она течет! Так больно, я так плакал! А сейчас мне тетя Лето про Карлсона читает, как он в шкаф залез, очень прикольно!

— Я обязательно найду к вам, Тина! — пообещала, стиснув зубы, Виолетта.

Пришлось снова открывать книгу Линдгрэн и начинать все сначала.

Словом, до своей комнаты Виолетта добралась уже в двенадцатом часу и сразу схватила мобильник. Только бы застать его дома.

— Опять кому-то звонишь? — поинтересовалась Старуха. — Хорошо, что Марьяна за телефон платит, а то бы ты разорилась. Кто, интересно, будет следующим номером нашей программы?

— Паша Игнатъев, твой любимец, — отвечала Виолетта, прислушиваясь в ожидании соединения к шуму и треску в трубке. — И умоляю, дай мне поговорить с ним спокойно, не бубни в ухо!

Трубку сняли после третьего звонка, и у Виолетты екнуло сердце. Голос у него совсем не изменился.

— Игнатъев слушает!

— Пашенька, здравствуй, дорогой, — пропела она. — Ты меня еще узнаешь?

— Летта! Мать твою, какими судьбами?

— Надо же, не забыл.

— Летка, да разве ж тебя забудешь?

— Ты, Паша, говорят, большим человеком стал. Вся Москва под тобой ходит.

— Ну, это тыхватила! — Было слышно, как он усмехнулся. — Так уж и вся. Да и не Москва, а область!

"Это меня еще больше устраивает!" — подумала Виолетта.

— Ну а ты как?

— Спасибо, милый, твоими молитвами.

— А если серьезно?

— Долго рассказывать. Разве что при встрече, если время найдешь.

— Понятно. Опять тебе что-то от меня надо.

— Ну что ты, Пашенька, я просто соскучилась.

— Знаю я твое «соскучилась»! Небось снова кто-то из твоих мужиков в историю влип.

— Да нет же, милый, нет у меня никаких мужиков. Тебя до сих пор забыть не могу!

— Так я и поверил! Ведь знаю тебя как облупленную. Только не забывай, что я тебя знаю, как никто. Лисой была, лисой и осталась. Ладно, давай встретимся. Когда, где?

— Завтра можешь? Лучше бы в первой половине дня.

— Погодь, в склерознике посмотрю, что-то у меня на завтра было... Старый стал, ничего в башке не держится! Ага, завтра с утра могу, только не с ранья. С одиннадцати до полудня устроит?

— Ладно, в одиннадцать. Можно на Осеннем бульваре? Там на углу кафешка есть...

... "Встреть я его на улице, пожалуй, не узнала бы", — подумала Виолетта, разглядывая приближающегося к ее столику мужчину. Игнатьев сильно сдал, потолстел, обрюзг. Он был в штатском, в довольно приличном костюме, но пиджак и брюки стали ему маловаты. Лицо одутловатое, под глазами — мешки. "Пьет, — заключила Виолетта и с удовлетворением констатировала про себя: — Нет, все-таки правильно я тогда сделала, что рассталась с ним".

Павел неуклюже протиснулся между столиками, наклонившись, чмокнул Виолетту в щеку и грузно опустился на стул, жалобно скрипнувший под его массивным телом.

— Привет! А ты совсем не меняешься. Все такая же!

— Какая? — кокетливо поинтересовалась Виолетта, подперев щеки кулаками.

— Хитроглазая, — усмехнулся Игнатьев, окинув ее взглядом, и добавил: — Девчонка.

Этот эпитет понравился Виолетте куда больше, чем напыщенные слова Клавдия.

— Да и ты не стареешь, — попыталась она вернуть комплимент, но Павел только махнул здоровенной ладонью — мол, не трепи языком, сам про себя все знаю.

Подскочил юркий смазливый официант, но Игнатьев даже не стал брать у него меню.

— Два кофе! — приказал он. — И для барышни что-нибудь, безе — крем-брюле.

Парнишка удивленно вытаращился сперва на него, потом на «барышню», но переспрашивать не стал.

Виолетте совсем не хотелось кофе, она бы лучше выпила соку. Однако возражать не стала.

— Ну давай вываливай, что там у тебя! — сказал Павел, как только официант удалился. — У меня времени всего двадцать пять минут. Ты же не просто так сюда пришла, не на меня полюбоваться.

— Откуда ты знаешь? — кокетливо спросила Виолетта. — Может, за этим и пришла.

— Да любоваться особенно не на что, — усмехнулся офицер. — Зрелище средней паршивости. Давай излагай, не тяни kota за яйца.

— Пашенька, мне нужно инсценировать ДТП, — ангельским голоском попросила Виолетта.

Огромная рука Игнатьева, опустившаяся было в карман, очевидно за сигаретами, замерла на полпути.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Видишь ли, Паша, тут такое дело... — На лице Виолетты появилось проникновенное выражение, именно так выглядят женщины, когда смотрят латиноамериканские телесериалы. — Одна моя подруга замужем за очень богатым бизнесменом. Но она полюбила другого и хочет уехать с ним за границу. А муж — настоящий Отелло! — не только не дает ей развода, но совсем голову от ревности потерял, запер ее дома, грозитя разыскать и убить ее любимого... Словом, кошмар. Вот мы и придумали: надо устроить так, будто она погибла в автокатастрофе.

— И как ты себе это представляешь? — Он закурил.

Появился официант, поставил на стол две дымящиеся чашечки и креманку с тающим мороженым, испуганно взглянул на Игнатьева и тут же исчез.

— Скажи, Паша, бывает, что машина, попав в аварию, загорается? — поинтересовалась Виолетта, втыкая ложечку в пышную бледно-золотистую массу.

— Бывает. Правда чаще в кино, чем в жизни. И что?

— Надо разыграть аварию, поджечь ее машину. И там найдут обгорелый труп женщины. — Она поднесла ложечку ко рту и попробовала мороженое.

Действительно, крем-брюле.

— Ну совсем офигели бабы! — почесал коротко стриженный затылок Игнатьев. — А труп-то где собираетесь брать? Убьете, что ль, кого-нибудь для пользы дела?

— Да нет же, успокойся. Труп мы одолжим в крематории. Ты же помнишь, у меня был друг, заведовал кладбищем, остались знакомства... — Виолетта положила несколько ложечек мороженого в чашку. Получилось кофе-гляссе.

— Понятно. Одолжите, значит. — Павел отпил кофе. В его огромной ручище крошечная чашечка смотрелась несколько комично.

— И так, на чем я остановилась? — невозмутимо продолжала Виолетта. — Машина обгорит, внутри будет труп. Естественно, происшествие зарегистрируют, вызовут мужа, который будет ее разыскивать, опознает машину, какие-то вещи, возможно паспорт...

— Подожди-подожди! Какой паспорт? Если все сгорело, то как мог уцелеть паспорт? — Он курил, держа сигарету между большим и указательным пальцами.

— Ну, значит, не паспорт. — Виолетта была сама покладистость. — Значит, еще что-нибудь, кольцо золотое, например, золото не горит. И муж опознает машину, а в трупе, соответственно, свою жену.

— Летка, да фигню ты городишь! Первая же экспертиза...

Виолетта пристально посмотрела на него:

— А вот экспертиз не надо, Павлик. Я за этим к тебе и обращаюсь, чтобы не было экспертиз.

— Идиотская затея. Только бабы до такого могли додуматься! — Игнатьев с силой расплющил бычок в пепельнице.

Виолетта кротко на него взглянула:

— Пашенька, помнишь семьдесят третий год?

Павел пожал плечами:

— Ну вроде помню.

— И что тогда было?

— Да много чего было. Мы с тобой расстались, например.

— Не забыл. — У Виолетты потеплело на душе. — А скажи, Паша, помнишь, что ты обещал мне перед расставанием?

— Ну? — нехотя отозвался Игнатьев.

— Ты сказал, что я всегда смогу к тебе обратиться, когда ты мне понадобишься.

— Разве я тебе не помогал? И когда этого твоего кладбищенского хахалю убили, и когда у Эдуарда возникли проблемы...

— Да, Паша, именно так все и было. Но теперь твоя помощь нужна мне не меньше, чем тогда, а может, и больше.

Павел промолчал, бросил взгляд на часы, и Виолетта заспешила:

— Я не тороплю тебя с ответом, подумай, взвесь. Прежде всего, подумай над тем, сколько это может стоить: моя подруга женщина небедная и за такую услугу готова хорошо заплатить, скупиться не станет. Тебе что, деньги не нужны?

— Деньги, понятное дело, всегда нужны. — Игнатьев полез было за новой сигаретой, но передумал. — Знаешь, так и быть, я, пожалуй, покумекаю над твоей идейкой. Может, это и не такая уж дурь, как кажется... Тебе куда звонить?

— Лучше я сама позвоню. Я теперь живу не дома, так что...

— Ладно, тогда вот тебе служебный. — Павел покопался в карманах, вытащил помятую визитку. — Домой не звони, кастрюля моя не любит, когда мне бабцы звонят.

— Ты женился? — У Виолетты округлились глаза. Но Павел обреченно махнул рукой, и она не стала развивать эту тему. Он еще раз взглянул на часы и поднялся из-за стола.

— Все, пора мне. На вот, расплачивайся сама. — Он бросил на стол сложенную сотню. — На той неделе звони.

— Паша, мне бы поскорее...

— Ладно, тогда в понедельник. — И обернулся уже, чтобы уйти, но вдруг задержался, поглядел прямо в глаза и сказал точь-в-точь старухиными словами: — Дура ты, Летка, что тогда от меня ушла. Ох дура!

Клиника Белецкого находилась в сорока с лишним километрах от Москвы. Во времена их нежной дружбы Виолетта нередко в ней бывала, до сих пор отлично помнила, как туда проехать, и без труда добралась бы сама, будь их с Анной «старушка» на ходу. Но машину опять отдали в автосервис, и Виолетта оказалась перед сложной

дилеммой — брать такси или добираться общественным транспортом. Подумав, она все-таки остановилась на первом варианте. Это, конечно, влетит в копеечку, но сама мысль о том, что ей придется целый час ехать в электричке, а потом столько же трястись в набитом деревенском автобусе, которого к тому же неизвестно сколько придется прождать, привела ее в ужас.

— Ничего, еще немного, и все мои затраты компенсируются с лихвой! — пообещала она Старухе, набирая номер заказа такси.

Доехали быстро, память ее не подвела. Конечно, за те семь лет, что минули с момента ее последнего визита в эти края, многое изменилось — вдоль дороги чуть не на каждом шагу появились яркие пятна магазинов и палаток, то там, то здесь мелькали выглядывавшие из-за заборов крыши «новорусских» коттеджей (как правило, безвкусных и на удивление однотипных), а радующие глаз старенькие деревенские домики в три окна, с верандами и вечными яблоневыми садами, совсем обветшали и пришли в запустение.

— Вот сюда сверните, — указывала Виолетта. — На перекрестке направо.

— Надо же, какая здесь дорога хорошая пошла! — недоумевал таксист. — Асфальт гладкий, точно вчера проложили, хоть на коньках катайся.

— Мы подъезжаем. Теперь все время прямо. Видите впереди ограду?

— Это тюрьма, что ли? — удивился водитель, оглядывая высокие стены, массивные ворота и вооруженных охранников.

— Частная клиника. — Виолетта взглянула на часы.

— То-то я смотрю — больно фильдеперсово для тюрьмы. Для нариков, что ли, больница?

— Почти что. Психушка. — Виолетта сделала последнюю затяжку и выбросила окурок в окно.

— Вы это, извините, — вдруг спохватился водитель, — если я чего лишнего сказал, не хотел вас обидеть. У вас тут что, кто-то из близких лечится?

— Слава богу, нет. Подождите меня, я быстро. Полчаса, не больше, и поедем обратно.

Она вышла и направилась к охранникам, которые уже давно и явно без удовольствия разглядывали их машину.

— Сегодня неприятный день. Завтра приходите, — неприветливо заявил один из них.

— Мне нужно видеть Якова Михайловича, главного врача.

— По какому вопросу?

— По личному.

Охранник почесал бритую голову.

— У вас назначена встреча?

— Нет. Но он меня примет, не сомневайтесь.

Охранник снова почесал затылок. Видно, без этого стимула его голова вообще отказывалась работать.

— Яков Михайлович на обходе.

— Сейчас уже четверть второго. — Виолетта показала парню свои часы. — Он должен был вернуться к себе в кабинет пятнадцать минут назад.

— Ладно, узнаю... — смилостивился страж. Вытащил из кармана то ли мобильный, то ли рацию (Виолетта не разобрала), нажал какие-то кнопки и пробасил:

— Васильич, тут гражданочка пришла, к главному просится. Ага. Понял. — И он обратился к Виолетте: — Сейчас старший будет.

Старший отличался от младшего только наличием волос. Тот же рост, те же плечи, та же черная форма, то же выражение лица, вернее, полное его отсутствие.

— Это вы хотите видеть главврача? — спросил он так, будто кроме Виолетты здесь толпилось еще несколько десятков страждущих.

— Да, я.

— А по какому делу?

— Я же сказала — по личному.

— Вы журналистка?

"Ах вот оно что! — усмехнулась про себя Виолетта. — Эх, Яшенька, здорово же напугала тебя та история..."

— Нет! — ответила она. — Не журналистка. Старая знакомая Якова Михайловича, и он будет очень рад меня видеть. — В этом, кстати, Виолетта вовсе не была уверена.

— Паспорт дайте, — протянул он лапищу.

— Вот, пожалуйста.

Как хорошо, что догадалась захватить!

Охранник так долго и тщательно изучал книжицу, будто собирался, по меньшей мере, брать ее на службу в секретное подразделение. Прошло, наверное, минут пять, прежде чем он набрал номер:

— Яков Михалыч? Извините, охрана беспокоит. Тут к вам женщина приехала, говорит, по личному вопросу. Ага. Серова Виолетта Анатольевна. Да. Серова. Что? Слушаю. Сию минуту. — Он отключился и тут же перезвонил куда-то: — Это охрана. Ребята, кто там у вас, к воротам подойдите.

Виолетта нетерпеливо переминалась на месте. Охранник открыл напичканную электроникой решетчатую калитку и пропустил ее вперед:

— Проходите, Яков Михайлович вас ждет.

Со стороны двора к ним спешил еще один парень, и охранник сдал ему Виолетту с рук на руки:

— Вадим, проводи!

Вадим, похоже, был их третьим братом близнецом, только вместо черной формы носил накрахмаленный халат цвета морской волны. Что касается волос, то они были спрятаны под такого же цвета шапочкой.

— Какие у вас строгости! — кокетливо сказала Виолетта, пока они пересекали хорошо знакомый ей двор. Тут ровным счетом ничего не изменилось — те же аккуратные газоны, те же скучные механические распылители воды, те же посыпанные шуршащим гравием дорожки, те же строгой формы неудобные скамейки, на которых, очевидно, так никогда никто и не сидел.

— Порядок такой! — хмуро ответил Вадим.

Виолетта прекрасно помнила, где находится кабинет главного врача. Вадим открыл ей тяжелую входную дверь одного из зданий, и, обогнав провожатого, она свернула в коридор на первом этаже, миновала просторный холл и сама распахнула дверь с нужной табличкой. Сидящий за столом мужчина поднялся ей навстречу:

— Здравствуй, Виолетта! Вадим, можете идти.

С первого взгляда казалось, Белецкий выглядит именно так, как должен выглядеть директор преуспевающей частной клиники: аккуратная стрижка, ухоженная бородка, очки в современной оправе, фирменные часы стоимостью в несколько тысяч долларов, из-под небрежно наброшенного импортного халата виднеется дорогой светло-

серый костюм. Но от Виолетты не ускользнуло, что за эти годы Яков заметно постарел, ссутулился, стал совершенно седым и в глазах его застыл страх, как тогда, после истории с журналистом.

— Ты все-таки вернулась. — Это было не вопросом, а утверждением. — Так я и знал, что ты не уйдешь из моей жизни навсегда.

— А ты будто не рад этому, Яшенька! Может, предложишь сесть?

— Садись! — Он указал на кресло напротив. Мебель была совсем новой. Похоже, дела в клинике шли неплохо.

— А ты постарел, миленький. — Виолетта опустилась в широкое кожаное кресло.

— Чего не скажешь о тебе. — Он говорил подчеркнуто спокойно, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Ты, как я вижу, процветаешь! — Виолетта дотронулась до бронзового письменного прибора на столе, сразу видно — стоящего огромных денег.

Очевидно, чей-то подарок. — Ну как твои дела?

— Спасибо, не жалуюсь.

— А как научная работа?

— Идет потихонечку. — Яков насторожился.

— Ну почему же потихонечку? Не сомневаюсь, что твои эксперименты продолжаются, ведь так?

— К чему ты клонишь, Виолетта? — Ему явно не нравился этот разговор.

— Ну с этим твоим лекарством, как его... Забыла. Но у меня все записано. И название, и то, как оно действует на человека. Насколько я помню, что-то вроде наркотика, да? Помогает больным, но вызывает привыкание?

Яков с тоской поглядел на нее:

— Виолетта, что тебе надо? Чего ты от меня хочешь? Зачем приехала после стольких лет?

Виолетта встала, подошла к окну и оглядела территорию больницы.

— А хорошую мы с тобой все-таки клинику сделали! Здорово тогда все получилось! И с документами, и со строительством...

Яков тяжело вздохнул:

— Летта, я все помню. Помню, что всем тебе обязан, что без тебя даже мечтать не мог о такой клинике. Помню и все остальное. Чего ты хочешь? Тебе нужны деньги? Сколько?

— Нет, милый, все не так просто! — Виолетта неторопливо прохаживалась по кабинету, брала в руки ту или иную вещь, оглядывала, ставила на место. — Сколько у тебя всяких штучек! Благодарные больные дарят?

— И больные тоже. Виолетта...

— Давно хотела у тебя спросить: где ты берешь людей для своих опытов? Не думаю, что находятся добровольцы! Потихоньку экспериментируешь на безнадежных больных? Или собираешь по округе бомжей?

— Виолетта! Кажется, я тебе тысячу раз объяснял, что мое изобретение — это новое слово в науке, оно призвано перевернуть всю невропатологию и психиатрию. Нервные и некоторые психические заболевания можно будет вылечить за каких-нибудь три месяца. Пока препарат находится в процессе разработки. В нем еще много побочных эффектов, но это неизбежно.

— Ничего себе побочные эффекты! — усмехнулась Виолетта. — Насколько я помню, тот журналист писал, что твой препарат вызывает сильнейшую зависимость. Если перестать его принимать, возникает ломка покруче, чем у наркоманов. А длительный прием ведет к разрушению нервной системы и в дальнейшем к полной деградации личности. Зомбированию.

Врач поморщился:

— Тот парень сильно преувеличил. Погнался за сенсацией, не потрудившись как следует во всем разобраться. Полный невежда, не имел ни малейшего понятия об основах психиатрии и фармакологии.

Виолетта недоверчиво усмехнулась.

— К тому же, — продолжал Белецкий, — с тех пор прошло почти семь лет. Исследование значительно продвинулось вперед, препарат усовершенствован...

— Хочешь сказать, — Виолетта приблизилась к бывшему любовнику, облокотилась о стол и пристально посмотрела ему в глаза, — что если тому журналисту, или кому-нибудь другому, придет в голову опубликовать статью об этих твоих исследованиях, то ничего особенного не случится? Тебя не привлекут к ответственности,

клиника твоя будет продолжать работать, как работала, богатенькие больные все так же будут выстраиваться в очередь на лечение?

Белецкий побледнел и нервно вцепился длинными пальцами в край стола так, что побелели костяшки.

— И потом, — продолжала Виолетта, — ты, надеюсь, догадываешься, что я тогда не платила этому мальчику отступного. Он отдал мне свои материалы, а на обратном пути — надо же, какая незадача! — упал с лестницы в собственном же подъезде и ударился виском о ступеньку... А материалы у меня остались, и твое имя там упоминается по десять раз на каждой странице.

На Белецкого было страшно смотреть.

— Виолетта! — простонал он. — Зачем ты меня мучаешь? Что ты хочешь? Зачем явилась из прошлого, словно призрак? Скажи, ради бога, что тебе надо?

— Да успокойся, Яшенька! — Виолетта потрепала его по волосам. Он дернулся, будто его ударило током. — Мне ничего от тебя не нужно.

Наоборот, я хочу сделать тебе подарок.

— Какой подарок? — Он еще больше испугался.

— Хочу подарить тебе... как это у вас называется? Вспомнила, подопытного. Точнее, подопытную. Можешь экспериментировать на ней, сколько угодно.

— Не понимаю...

— А и не надо ничего понимать. Пришлешь машину — я скажу тебе, когда и куда, — и тебе доставят некую дамочку. Было бы, пожалуй, лучше, если бы ее доставили сонную или невменяемую. Подробности мы обсудим, препаратов у тебя много, дашь мне один из них. Дамочка, естественно, будет без документов, поместишь ее к себе в клинику и будешь лечить. Так, как сочтешь нужным.

— Виолетта, это невозможно! Это уголовно наказуемое преступление!

Похищение человека приравнивается к убийству.

— Милый, ну что ты беспокоишься? Кто ее здесь найдет?

— То есть как — кто? Родные, друзья, знакомые... Они начнут разыскивать эту женщину, сообщат в милицию.

— Успокойся, этого не случится! Все будут уверены, что она мертва!

— С чего это вдруг?

— А вот это, мой сладенький, тебя не касается. — Виолетта открыла сумочку, вынула косметичку и принялась поправлять макияж.

— Думаешь, я соглашусь на такое? — Белецкий хотел подняться, но не смог, будто его пригвоздили к креслу.

— Не сомневаюсь! — Виолетта пошевелила губами, чтобы помада распределилась равномерно. — Представь, что с тобой будет, когда материалы о твоей клинике попадут в печать, а информация о смерти журналиста — в милицию. Кто был заинтересован в его смерти, кто мог нанять братков, которые столкнули парня с лестницы? Это уже настоящее убийство, мой золотой, а на убийства статья "за давностью лет" не распространяется.

— Ты дьявол, — простонал Белецкий. — Дьявол в женском обличье.

Виолетта рассмеялась:

— Дьявол лучше, чем призрак. Значит, договорились?

Яков поднял на нее глаза, и такая в них была боль, такая мука, что Виолетте даже стало его жалко.

— Пощади меня! — попросил он.

Виолетта покачала головой, убрала косметичку, защелкнула сумочку:

— Меня, солнышко мое, почему-то никто не жалеет. Что делать, жизнь такая пошла — жестокая!

— Уходи!

Виолетта покачала головой:

— Уйду, как только получу твое согласие.

— Я тебе позвоню. На той неделе...

— Нет, дорогой. Я сама тебе позвоню. И не на той неделе, а завтра-послезавтра. Но окончательный ответ я должна услышать уже сейчас.

— Да.

— Не слышу. Что-то у меня с ушами, вода, наверное, попала, когда купалась. Согласен?

— Да!

— Ну вот и отлично! — расцвела Виолетта. — До скорого, милый.

Она подошла к нему и чмокнула в щеку. Яков не пошевелился, и на миг у Виолетты возникло ощущение, что она целует покойника.

Она помахала ему рукой, подхватила сумочку и была уже у дверей, когда Яков ее окликнул.

— Виолетта! — попросил он. — Расскажи мне немного об этой женщине.

— А что тебя интересует?

— Да все! Сколько ей лет, какой она комплекции, чем болела и лечилась, к какому типу личности относится...

— Слишком уж ты любопытен, милый! Ладно, скажу, тем более что ты ее, возможно, знаешь!

— Знаю? — Возникший было в глазах Якова интерес опять сменился ужасом. — И кто она?

— Помнишь директора компании, которая строила тебе эту клинику? Так это его жена.

— Тина Сергеевна? Кириллова? Главный архитектор? Отлично помню, она-то и делала этот проект! И что, это ее я должен здесь держать?

— Конечно, должен, радость моя, куда ты денешься! Только придется вкалывать ей двойную дозу — а ну как очнется, посмотрит в окошко да и узнает свою работу! — Виолетта весело рассмеялась, будто сказала что-то необычайно остроумное, и поспешила к выходу — обговоренные с водителем такси полчаса истекали.

— Тетя Лето! Тетя Лето, я уже нарисовал самолетик! Тетя Лето, вы что, меня не слышите? Тетя Лето?

— А? — вздрогнула Виолетта. — Извини, я задумалась. Да, конечно, ты молодец. В школе бы тебе поставили пятерку. Ну все, на сегодня наши с тобой уроки закончены.

Она взяла мягкую тряпочку и принялась протирать пластиковую доску, на которой писала фломастером.

Сашура уже всю скакал по веранде, служившей в хорошую погоду классной комнатой:

— Тетя Лето, пойдете в сад! Я буду строить дорогу!

— Сашенька, сначала полдник.

— Я не хочу кушать, я хочу играть!

— Будешь плохо кушать — никогда не вырастешь. Ты же хочешь быть таким большим и красивым, как папа?

— Ладно! — подумав, согласился мальчик. — Только я молоко не буду, хочу горячий шоколад.

— Я велю кухарке приготовить тебе шоколад.

Мальчик с аппетитом уплетал за обе щеки круассан с клубничным джемом, запивая его шоколадом из кружки со смешным зайцем, а Виолетта сидела напротив и задумчиво играла клетчатой салфеткой.

— Тетя Лето, а вы чего не кушаете? — пробубнил с набитым ртом Сашура.

— Что? Спасибо, солнышко, я не хочу.

— Вы последнее время очень плохо кушаете, тетя Лето, — авторитетно заявил мальчик, прожевав. — Сегодня вообще ничего не ели и вчера тоже. И вообще вы какая-то странная. Может, заболели?

— Ну что ты, милый, со мной все в порядке, я здорова! — улыбнулась гувернантка. — Ну, ты поел? Тогда бегом в сад!

В саду мальчик сразу же помчался к своим игрушкам, а Виолетта уселась на скамейку под деревом, чтобы издали наблюдать за ним. И, разумеется, тут же появилась Старуха, устроилась рядом, прищурилась, подставив лицо теплomu послеобеденному солнцу.

— Тебе не кажется, что стоит быть поаккуратнее? — спросила она. — Даже ребенок заметил, что с тобой что-то не так. Ходишь как в воду опущенная, есть совсем перестала... Волнуешься, что ли?

— Можно подумать, ты бы на моем месте не волновалась! — усмехнулась Виолетта.

— И когда ты собираешься взяться за Тину?

— Как только представится такая возможность. Может, даже сегодня.

— С чего начнешь?

— Увидишь! Только ты не уходи пока никуда, ладно? Мне как-то спокойнее, когда ты рядом.

— Ишь ты! — Старуха довольно захихикала. — Нечасто от тебя такие хорошие слова услышишь. Ладно уж, не трусь, побуду с тобой!

Старуха поудобнее уселась на скамейке, закрыла глаза и вскоре задремала. Виолетта заставляла себя смотреть за мальчиком, но все сильнее чувствовала, что и ее начинает клонить в сон. К счастью, Сашура так увлекся игрой, что забыл обо всем на свете, и гувернантка решила, что ничего страшного не случится, если и она немного вздремнет. Последнее время она почти не спала по ночам, постоянно прокручивала в голове все тонкости и детали своего плана. И вот

теперь, на освещенной августовским солнцем скамейке, у нее просто не было сил бороться со сном.

Проснувшись она от шума автомобиля, испуганно вздрогнула и быстро огляделась по сторонам: не случилось ли чего-нибудь важного, пока она спала. Но, кроме звука машины, все было вроде бы тихо.

— Мама! Мама приехала! — завопил Сашура и, тут же бросив игру, помчался по лужайке в сторону гаражей.

Тина уже шла ему навстречу.

— Привет, привет! Ну ладно тебе, отпусти! Летта, угомоните его, пожалуйста!

За три месяца, прожитых в этом доме, Летта научилась читать по лицам хозяев. С первого же взгляда поняла, что Тина чем-то сильно расстроена.

— Ну-ка, Сашура, оставь мамочку в покое! Она с работы и очень устала! Давай-ка посадим ее сюда на скамейку, пусть она немного отдохнет.

— И правда устала! — Тина с тяжелым вздохом опустилась рядом, и Виолетте пришлось почти вплотную подвинуться к Старухе.

— Будем ужинать или подождем Станислава Алексеевича? — осведомилась гувернантка.

— Он сегодня задержится, — сухо отвечала Тина.

— Опять?

— Да, опять.

— Сам сказал?

Тина только кивнула, и Виолетта увидела, что она едва сдерживает слезы.

— Мы виделись перед обедом, — шмыгнув носом, сообщила Тина. — А потом он уехал из офиса и никому не сообщил куда, даже секретарше. Я целый день ему звоню, но он недоступен.

— Ну подождите расстраиваться, может, со связью что-нибудь, может, "Вее line" барахлит — принялась утешать Виолетта.

— Нет, я знаю, он поехал к любовнице! — Тина не выдержала и разрыдалась.

— Мама, ты чего плачешь? — испугался Сашура.

— Ничего страшного, Сашенька, — поспешила вмешаться Виолетта. — Мама просто устала, у нее неприятности на работе. Пусть

посидит тут, отдохнет, а мы с тобой пока побегаем. Ну-ка, кто быстрее до гаража? Раз, два, три!

Мальчик удивился — обычно гувернантка не слишком-то любила играть с ним в подвижные игры, но раздумывать было некогда. Он сорвался с места и домчался до кирпичной стены гаража, опередив тетю Лето.

— Я первый, я! — радостно запрыгал он.

— А теперь до дома! — скомандовала Виолетта. — Раз, два, три!

Тут уже первой оказалась она. Добежала, влетела на крыльцо, с размаху оперлась растопыренными ладонями за косяк — и вскрикнула от боли.

— Что случилось? — встревожилась Тина.

— Тетя Лето, вы чего кричите? — спросил догнавший ее малыш.

— Ничего страшного. Обо что-то поранилась.

— Покажите. Ой! Мама, у тети Лето кровь!

Тина подошла, посмотрела руку Виолетты.

— Здорово ободрались! — удивилась хозяйка. — Не пойму, как это могло получиться?! Косяк вроде бы гладкий.

Тина провела рукой по косяку и тоже вскрикнула:

— Точно, что-то острое!

Сашура полез смотреть, но не дотянулся. Тина с Виолеттой исследовали косяк и обнаружили где-то на уровне головы воткнутые в него крест-накрест две иголки.

— Откуда они взялись? — удивилась Тина, рассматривая странную находку.

— Надо их вытащить! — Виолетта выдернула иголки.

— Дайте мне посмотреть! Ну дайте, тетя Лето! Ой, мама, гляди, они черные! — кричал Сашура.

— И правда черные. Будто закопченные. И пачкаются. — Тина осторожно провела пальцем по иголке.

— Ой нехорошо это! — Виолетта даже в лице переменялась и тревожно взглянула на Тину. Затем наклонилась к мальчику:

— Сашенька, давай покажем маме твои рисунки! Ну-ка принеси самолет, он у тебя такой красивый получился! Вот мама обрадуется!

Дождавшись, когда ребенок исчез в доме, Виолетта обернулась к хозяйке:

— Вы понимаете, что это такое?

— Нет. — Тина в недоумении смотрела на нее.

— Ворожба. Кто-то хочет навести на вас порчу.

— Что вы такое говорите?

— Обожженные иголки, крест-накрест воткнутые в косяк, — верное средство причинить человеку вред.

— Глупости какие! — рассердилась Тина. — Я суеверий не признаю!

— Я тоже, но у вас дома не все хорошо, — задумчиво произнесла Виолетта.

— Вы думаете... — На лице Тины отразилась тревога.

— Даже не сомневаюсь. Наверняка это дело рук женщины. И мы с вами знаем, чего эта женщина добивается.

— Она хочет... Хочет отнять у меня Стаса!

Виолетта промолчала.

— Значит, эта женщина была у меня в доме, — в раздумье промолвила Тина. Но кто это может быть? Ведь у нее никто не бывает, только Федоровы. Неужели подкупили кого-то из прислуги?

— Тина, вы забыли про новоселье? Сколько было народу! В такой суматохе можно не только иголки воткнуть, но и подложить бомбу.

— Ну бомбу-то, допустим, не пронесли бы, у нас очень хорошая охрана, — возразила Тина.

— Мама, мама, смотри, вот самолет! — закричал Сашура, подсовывая Тине альбомный лист. — Посмотри, какие получились крылья! А в кабине пилот сидит!

— Очень хорошо! — отмахнулась Тина. — Иди поиграй.

— Но ты же сама хотела посмотреть мои рисунки! — чуть не плача сказал мальчик.

Виолетте пришлось вмешаться:

— Сашенька, мама проголодалась. Ну-ка сбегай на кухню, спроси у Галины Ивановны, когда будет ужин!

Ребенок убежал, а Тина вновь повернулась к Виолетте:

— Знаете, надо срочно позвонить Марьяне. Она ведь крупный специалист в таких делах!

— Не думаю, — помолчав, возразила Виолетта.

— Почему?

— Именно потому, что она специалист. Сделать нечто подобное — это как раз в ее стиле. Тем более вы, помнится, рассказывали, что у

нее был когда-то роман со Стасом...

— Летта, вы что же, хотите сказать...

— Нет-нет, упаси боже, я ничего не утверждаю! Но торопиться со звонком не стоит. Лучше подождем.

— Мама! Ужин готов! — донесся из дома голос Сашуры.

— Я не хочу есть. — Тина подобрала оброненную в суматохе сумочку. — Пожалуйста, уложите побыстрее Сашуру и приходите ко мне в западную гостиную.

Виолетта торопливо накормила ребенка, выкупала и стала укладывать спать, не обращая внимания на его протесты.

— Тетя Лето, но я не хочу спать! Еще совсем светло! Я хочу играть в железную дорогу!

— Нет, в железную дорогу сегодня нельзя. Но если ты обещаешь быть хорошим мальчиком и не вылезать из кроватки, я разрешу тебе посмотреть перед сном комиксы про кота Гарфильда.

— Правда? Ух ты!

Первый раз за все время службы в этом доме Виолетта оставила мальчика засыпать одного и поспешила с третьего этажа на второй — к Тине.

— Молодец! — сказала семенящая рядом Старуха. — Ловко ты все провернула. И когда только успела эти иголки подсунуть — даже я не видала!

Тина полулежала на низком диване, перед ней на журнальном столике стояли початая бутылка виски и грязный стакан.

— Дайте сигарету! — попросила она неожиданно охрипшим голосом. Нервно закурила, встала, заходила по комнате. — Что же мне теперь делать?

Получается, эта женщина добилась своего — я несчастлива, Стас теперь встречается с ней. А ну как он уйдет к ней навсегда? Черт, все на свете отдала бы, чтобы узнать, что за женщина. Неужто Марьяна? Или все-таки эта шлюха, его секретутка?

— Знаете, Тина, — Виолетта опустилась на диван и тоже затянулась сигаретой, представив, как рассердится Стас, если узнает, что курили в комнатах, — возможно, я смогла бы вам помочь.

— Неужели? — Тина так и замерла, не донеся сигарету до рта.

— Во всяком случае, постараюсь. Видите ли, я, кажется, говорила вам, что у меня есть дача. В Алабине, это по Киевской дороге.

— Господи, при чем тут ваша дача! — выкрикнула Тина. Похоже, за то время, пока гувернантка укладывала своего воспитанника, она успела изрядно выпить. Виолетта с сомнением поглядела на нее — может, отложить разговор на другое время? Нет, вроде бы она достаточно адекватна.

— Так вот, в этом поселке живет один мужчина, говорят, потомственный колдун. Я лично к нему ни разу не обращалась, но знаю женщин, у которых были те же проблемы, что и у вас, и он им помог. Они рассказывали, будто у него есть какое-то чудодейственное снадобье — муж выпьет и сразу возвращается к жене.

— Уж она его напоит зельем, не сомневайся! — захихикала Старуха. Вынула из бара чистый стакан, налила в него виски на два пальца и, крикнув, выпила.

— Скажите, а он, этот колдун... — Тина не могла подобрать слов, — ...никакого вреда Стасу не причинит?

— Что вы! — заверила Виолетта. — Он самый что ни на есть белый маг, так, кажется, это называется. От болезней излечивает, все с молитвой творит, в церковь ходит...

— Умоляю вас! — Тина схватила Виолетту за руку. — Отвезите меня к нему! Никаких денег не пожалею!

— Я попробую договориться. Только мне придется съездить на дачу — там ведь нет телефона.

— Поезжайте! Завтра же с утра поезжайте!

— А как же Сашура?

— Катя с ним посидит.

— Катя позавчера уехала во Францию.

— Ах да, я и забыла! Ну, значит, Галина Ивановна. Да сама в конце концов посижу, не пойду на работу.

— Тогда я съезжу.

— Только попросите его, чтобы встретился со мной как можно скорее! — Тина едва сдерживала рыдания, но тут с улицы послышался шум автомобиля — это вернулся Стас.

Все было готово, оставалось только дожидаться дождей. Но, как назло, дни стояли ясные, сухие, солнечные: капризное подмосковное лето явно не спешило раньше времени отказываться от своих прав. Виолетта каждый вечер слушала прогноз погоды с такой надеждой, с какой это делают, наверно, жены рыбаков, вышедших в шторм в море.

Тина все время приставала с расспросами, когда же они наконец поедут к колдуну, и воспитательница уже устала придумывать отговорки. Она продолжала подбрасывать хворост в костер Тининой ревности, что становилось день ото дня сложнее, Стас, видимо, почувствовал, что с женой что-то неладно, и вновь переменялся к ней, на этот раз в лучшую сторону, стал более внимательным, старался чаще бывать дома. "Этак он мне все дело испортит!" — с досадой думала Виолетта, заслышав, как автомобиль хозяина въезжает в ворота часов в семь вечера.

Наконец боги вняли ее мольбам. В один прекрасный день Виолетта проснулась и, первым делом взглянув в окно (это уже вошло у нее в привычку), увидела, что небо затянуто свинцово-серыми тучами. К завтраку начался дождь, продолжавшийся весь день. Он то затихал, то переходил в настоящий ливень, но, похоже, зарядил надолго.

— Сегодня? — спросила Виолетта у Старухи, но та только помотала головой:

— Не торопись. Земля должна как следует намокнуть. Подожди денек-другой.

Виолетта, сжав зубы, прождала еще двое суток, а вечером, получив, наконец, одобрение Старухи, нетерпеливо схватилась за телефон. Она опять всю ночь не спала. Ворочалась с боку на бок, вставала, курила.

— Не спится? — заботливо спрашивала Старуха. В последние дни она вдруг сделалась такой доброжелательной и чуткой, что Виолетту это даже пугало.

— Надо еще раз как следует все обдумать, — отвечала воспитательница. — Сама знаешь, обычно так и бывает: упустишь какой-нибудь пустяк, какую-нибудь совершеннейшую мелочь, и все рухнет.

— Боишься, что поэт подведет? Этот, как его, Бенедикт?

— Клавдий. Да нет, тут как раз все нормально. Он уже сделал все, что от него требовалось.

— А врач? Не сорвется с крючка?

— Яков-то? Ну что ты, вот он у меня где! — Виолетта показала кулак. — Нет, меня больше всех Никитка беспокоит. Как бы не напортачил чего...

Заснула она только под утро, когда за окном уже забрезжил серый пасмурный рассвет. И в этот момент зазвонил будильник. Гувернантка вышла к завтраку бледная, с темными кругами под глазами, что заметил даже собиравшийся на работу Стас. Впрочем, Виолетте это было только на руку.

— Что-то вы сегодня неважно выглядите, Виолетта Анатольевна, — сказал он, насыпая в большую пиалу мюсли и заливая их обезжиренным молоком. — Вы, часом, не заболели?

— Ой, и не говорите, Станислав Алексеевич! — пожаловалась няня. — Всю ночь глаз не сомкнула! Опять разболелся зуб. Боюсь, его так и недолечили.

Сашенька, что ты будешь на завтрак — кашу или яичко?

— Я буду хлопья, как папа.

— Хлопья — это хорошо, но обязательно надо съесть что-нибудь горячее.

— А папа не ест!

— Папа пьет чай.

— Папа пьет зеленый чай, а он гадкий!

— Нехорошо так говорить про еду. И потом, папа уже большой. А ты еще только растешь.

— Давай так — я тоже съем яичко с тобой за компанию, и никому не будет обидно! — подмигнул сыну Стас. — А вы, Виолетта Анатольевна, еще раз сходили бы к зубному, зачем мучиться?

— Да, наверное, отпрошусь у Тины Сергеевны. Кажется, она не собиралась сегодня на работу, может, согласится меня подменить.

— А вот и я! Доброе утро! — В «трапезной» появилась улыбающаяся Тина.

Она выглядела бодрой, даже веселой, одна только гувернантка знала, чего это стоило ей. — Я сегодня решила опять не ходить на работу. Ты влепишь мне выговор за прогулы? — Она даже ухитрялась шутить.

— Наоборот, выпишу премиальные, если побудешь дома и отпустишь Виолетту Анатольевну к зубному, — подхватил шутку Стас. — Она у нас очень ценный кадр, нам ее здоровье дороже золота. — Он привлек жену к себе и нежно поцеловал, Тина так и засветилась:

— А когда тебя ждать сегодня?

— Поздно. Сегодня у меня на вечер назначены две важные встречи... Боюсь, что после десяти.

Улыбка сползла с лица Тины.

— Мама, папа, я хочу домик для игр! — заявил вдруг Сашура, колотя ложкой по яйцу, стоявшему перед ним в подставке в виде Шалтая-Болтая.

— Какой еще домик? — удивилась Виолетта. — И не бей так сильно, а то яичко по всей комнате разлетится, оно же всмятку.

— Ну как в кино. Домик на дереве.

Взрослые переглянулись.

— В принципе это неплохая идея! — высказался Стас. — Мы с приятелем в детстве тоже шалаш на дереве строили. Только недоделали, поленились.

— Но у нас на участке нет деревьев подходящих, — пожала плечами Тина.

— Можно на столбе сделать, подумаешь, проблема. Или использовать вместо столба спиленный ствол. А можно и настоящее дерево откуда-нибудь привезти и посадить! — У Станислава уже включилась профессиональная фантазия.

— Глупости, дерево не приживется. И вообще ни к чему тебе куда-то залезать, еще упадешь и разобьешься. Лучше построим домик на земле, если тебе так хочется.

— Это не то! Домики для игры бывают только на деревьях!

— Виолетта Анатольевна, а вы как считаете? — обратился к воспитательнице Стас.

— Не сердитесь, Станислав Алексеевич, но тут я на стороне Тины Сергеевны, — заявила гувернантка. — Я же не смогу лазить за ним в этот домик!

— Ладно, вопрос снимается. Извини, парень, домика на дереве не будет. Только на земле, если хочешь.

— Не хочу на земле, хочу на дереве! А-а-а!

— Сашенька!

— Ну ты тут пореви, а мне на работу пора, — Стас поднялся из-за стола. — Кто не ревет, мог бы меня и до гаража проводить.

— Сашенька, только плащик, плащик обязательно надень! — крикнула Виолетта вслед.

Вместе с Тиной они смотрели в окно, как отец с сыном идут к гаражу. Стас прятался под большим мужским зонтом, Сашура, похожий на гномика в ярко-зеленом плаще с капюшоном и таких же резиновых сапожках, важно вышагивал рядом.

— Я скажу всем, что поеду к зубному, а вы отправляетесь по своим делам и довезете меня до метро, — сообщила Виолетта. — А потом вернемся порознь.

— Отличная идея. Там все в порядке, ничего не изменилось? Колдун нас ждет?

— Да, конечно, не беспокойтесь. Иначе он непременно позвонил бы, он человек обязательный! И потом, Анна была позавчера на даче и заглянула к нему, чтобы все уточнить.

— Ну тогда я пойду собираться! Встречаемся внизу через полчаса!

Тина поднялась к себе в спальню на третий этаж, а Виолетта отправилась на поиски Галины Ивановны. Конечно, экономка не выразила особой радости, что ей сегодня в дополнение к основным обязанностям придется еще и несколько часов приглядывать за Сашурой, но выбора не было. Договорившись с ней, Виолетта поспешила к себе и переоделась, сменив традиционный костюм и туфли-лодочки на шпильках на джинсы, кроссовки и ветровку. "Тут уж не до красоты, работа предстоит грязная!" — сказала сама себе Виолетта, отыскивая в шкафу одежду, которой со времени переезда в этот дом еще ни разу не пользовалась.

Вскоре Тинин «пежо» цвета кофе с молоком уже мчал их по мокрому шоссе в сторону от Москвы. Дождь припустил еще сильнее, и всю работуавшие «дворники» еле справлялись с льющимися на переднее стекло потоками воды.

— Что-то я волнуюсь! — пожаловалась Тина. — Вы рассказали ему, что у меня за проблема?

— Конечно нет, — отвечала Виолетта, то и дело косясь назад. Старуха почему-то не поехала с ними, и это ее очень заботило. — Что сочтете нужным, сами расскажете.

— Как вы думаете, стоит говорить о Марьяне?

— По-моему, не стоит. Он сам должен сказать, что за порча и кто мог ее навести. Сигарету хотите?

— Давайте. А про иголки говорить?

— Про иголки можно.

— А про чек из кафе?

— Тина, да не волнуйтесь вы так! — Виолетта сжала ее руку. — Все будет хорошо!

— Вы правы, Летта, я что-то сегодня совсем не в себе! — нервно рассмеялась Тина. — Давайте свернем, мне надо заправиться.

Несмотря на будний день и проливной дождь, машин на дороге было немало. — И куда это они все едут? — удивлялась Тина.

— За грибами! — отвечала воспитательница. — В этом году, говорят, их сколько, что целыми багажниками возят.

— Вот ведь, охота пуще неволи! И дождь им не помеха! — Судя по всему, Тина не относилась к любителям собирать грибы.

К счастью, по мере отдаления от города автомобилей становилось все меньше и меньше. Через час с небольшим женщины были уже на месте, в дачном поселке неподалеку от станции Алабино.

— Надо же, а с виду обычный дом, и не скажешь, что тут колдун живет! — заметила Тина, оглядывая дачу Виолетты.

— А вы что же, ожидали избушку на курьих ножках увидеть? — усмехнулась воспитательница. Старуха так и не появилась, и это ее очень злило.

— Нет, правда, очень миленький домик. А ваша дача далеко отсюда? Очень бы хотелось на нее посмотреть!

— Немного дальше, через две улицы. — Виолетта неопределенно махнула рукой куда-то вперед. — Мы потом обязательно заедем ко мне. А сейчас поспешим, нас уже ждут. Я сейчас открою ворота, вы заедете внутрь. Только не останавливайтесь у самого забора, там яма. Лучше поближе к дому.

— А я что-то не заметила никакой ямы! — сказала Тина, выходя из машины и открывая зонт.

— Да там она... — Виолетта быстро прикинула, достаточно ли осталось места перед воротами. — Пойдемте быстрее в дом, я вымокла до нитки.

Никита Ордынский в вышитой домотканой рубахе, в парике и с приклеенной окладистой бородой встретил их на крыльце.

— Входите, сестры мои, входите, — приветствовал он зычным басом. — Погодка-то, а? Разгневался на нас Илья-пророк, разверзлись хляби небесные...

Накануне Анна и Виолетта на скорую руку превратили свою дачу в жилище колдуна. Развесили повсюду пучки сушеных трав, расставили свечи, какие-то деревянные фигурки и решили, что сойдет. Откуда Тине знать, как бывает в домах у колдунов.

— Садись, сестра, садись! — обхаживал гостью Никита. — Вот сюда, на диван, тут тебе покойно будет... Ну, что за кручина тебя ко мне привела? Постой, не говори ничего, сомкни уста. Сам пойму, что за камень у тебя на душе. Ну-ка дай мне ручку свою белую... Ох, голубка, худы твои дела. Муж-изменщик тебя тревожит. Да супостатка-злодейка, что решила его приворожить!

У Тины округлились глаза:

— Как вы узнали? Вам, наверное, все-таки Виолетта рассказала?

— Обижает, сестра! Грош цена ведуну, который не может понять такой малости. Я, голубка, чужую боль за версту чую.

"Ой, молодец, Никитка! — усмехнулась про себя Виолетта, глядя, как ловко актер охмуряет Тину. — Зря, пожалуй, я о нем не похлопотала..."

— Да ты озябла, голубка, вся дрожишь! — продолжал колдун. — Сестра моя, — повернулся он к Виолетте, — не в службу, а в дружбу, сходи на кухню, приготовь нам чайку, там у меня добрые травы припасены! А ты, голубка, пока расскажи мне про свою тоску-печаль, облегчи душу!

— Скажите, а вы сможете мне помочь?

— Знамо, помогу, голубка. Дело-то твое нехитрое. Не ты первая, не ты последняя...

В кухне Виолетта включила электрический самовар, насыпала в чайник заварки, добавила по щепотке мяты и бергамота и достала из шкафа три чашки от старого сервиза — для себя и Никиты целые, а для Тины — с еле заметной щербинкой над ручкой.

— Ну, держись, Тина Сергевна, пришло твое время! — усмехнулась она, вынула из сумки бумажный пакетик и аккуратно, не уронив ни крупинки, высыпала в треснувшую чашку белый порошок, залила заваркой, потом кипятком, тщательно перемешала и, подумав, добавила еще две ложки сахара.

— Чай готов! — объявила Виолетта, появляясь с подносом в комнате. Чашка со щербинкой заняла свое место на столе прямо перед Тиной.

— Знаете, а иголки все черные, будто их на огне обожгли! — Продолжая говорить, Тина взяла чашку и отпила глоток. — Вот Виолетта не даст соврать, она сама их видела, даже покололась. Представляете?

— Да что ж тут представлять, дело известное. Так черные колдуны, ну те, которые зло творят, порчу наводят, это у них первое средство... Люди-то всякие бывают, есть и такие, кого пряником не корми, дай причинить вред ближнему. Вот и испортили тебя, голубку...

— Какой странный вкус у вашего чая! — Тина хотела отставить чашку, но Никита, заметив взгляд Виолетты, остановил ее:

— Пей, пей, голубка! Непременно надо выпить! Травки в том чае непростые, целебные, чудодейственные. Все хвори твои как рукой снимет.

Тина слегка поморщилась, но, видя, что и хозяин, и Виолетта уже опустошили свои чашки, собралась с духом и выпила все до последней капли.

— А еще как-то раз... — принялась было рассказывать она, но перебила сама себя: — Что-то мне нехорошо... Душно, и голова кружится... Откройте ок... — Голова ее свесилась на грудь, и Тина потеряла сознание.

— Голубка, что с тобой, голубка! — Никита подскочил к женщине, схватил ее за плечи, испуганно заглядывая в лицо. — Виола, что с ней? Ты что-то в чай подмешала?

— С какой стати? Мы-то с тобой не отключились! — спокойно возразила Виолетта. — Обычный обморок, с ней это часто бывает. Я, кстати, предупредила тебя, что она дамочка впечатлительная. А ты, по-моему, перестарался, запугал ее этими черными магами!

— Но я не думал... — Актер окончательно растерялся.

— Ладно, Никита, я с ней сама разберусь! Знаешь что, бери-ка ты твои денежки и езжай домой, здесь тебе делать нечего. — Вместе с конвертом она вынула из сумки расписание и заглянула в него: — Через сорок минут электричка, как раз поспеешь. Только переодеться не забудь да бороду снять, а то распугаешь народ.

— Да, я сейчас! — Никита исчез в другой комнате, а Виолетта, бросив тревожный взгляд на Тину и убедившись, что та все еще без сознания, вынула мобильник и набрала номер:

— Алло? Это я. Все готово. Скажи ребятам, чтобы приезжали поскорее.

— Ты уверена, что с ней все в порядке? — Никита уже успел смыть грим и сменить косоворотку на тонкий джемпер.

— Конечно, уверена. Я ж тебе говорю — с ней это часто случается. Какая странная форма эпилепсии... Проспит часа два и будет как новенькая. Давай, мой хороший. — Виолетта чмокнула его в щеку. — Иди, а то опоздаешь. Ты молодец, все сделал отлично! Я, честно говоря, и не подозревала, что ты настолько талантлив. Второй Смоктуновский!

— Не шутишь? — просиял актер.

— Конечно, не шучу! Ты умничка. Беги, я тебе позвоню на днях. Есть у меня одна мыслишка, пора тебя в хороший театр устраивать... Ну да ладно, потом поговорим.

Проводив Никиту, Виолетта осмотрела пленницу, стащила с безжизненного тела коротенькую лайковую курточку и модные остроносые полусапожки на высоких каблуках и положила в большой ярко-желтый пакет с эмблемой аптеки "Старый лекарь". В кармане курточки у Тины обнаружили ключи от машины, и Виолетта положила их в карман своей ветровки — сегодня они еще могут понадобиться. На шее у Тины висел изящный мобильный телефон. Виолетта сразу же отключила его, хотела было выбросить, но пожалела — больно уж красивый и дорогой — и сунула себе в сумку. Она сняла с руки Тины золотые часики, а с шеи — изящный кулончик от Тиффани, с которым ее хозяйка никогда не расставалась, хотела снять еще и обручальное кольцо, но не смогла, так крепко оно сидело на пальце. "Ладно, фиг с ним! — решила Виолетта. — Не буду дергать, а то еще очухается, не дай бог!"

Она завязала часы и кулон в салфетку, бросила в пакет, туда же отправила Тинин зонтик.

— Так, вещественные доказательства готовы! — сказала себе Виолетта, достала из шкафа несколько полотенец побольше, крепко связала Тине руки и ноги, завязала глаза и, поколебавшись, заклеила рот широкой полосой лейкопластыря. Она была настолько спокойна, что даже сама этому удивлялась. Раздражало только одно — отсутствие Старухи. И куда эта дрянь могла запропасться?

В ожидании санитаров Виолетта принялась прибираться в доме. Сожгла упаковку от лекарства, выбросила в компостную кучу пучки трав, вылила в туалет остатки чая, тщательно вымыла всю посуду, а Тинину чашку обдала кипятком.

Снаружи донесся шум автомобиля. Виолетта спешно затушила сигарету и, накинув дождевик, поспешила на улицу. Она опасалась, что появление специальной перевозки может привлечь внимание соседей, но тревоги ее оказались напрасны. Из-за сильного дождя улицы пустовали, к тому же автомобиль частной клиники скорее напоминал машину реанимации — ну стало кому-то плохо, случается.

Виолетта поспешила открыть ворота, и машина без проблем въехала на участок. Двое парней, среди которых был уже знакомый Виолетте Вадим, выскочили из машины, третий остался в кабине.

— Где? — спросил санитар.

Виолетта провела их в комнату. Вид связанной Тины с заклеенным пластырем ртом не вызвал у приехавших никакого удивления.

— Что давали? — поинтересовался Вадим.

— Верозепам.

— Сколько?

— Пакетик.

— Давно?

— Около часа назад.

Вадим кивнул. Они с напарником легко, как пушинку, подхватили худенькое обмякшее тело Тины, не обращая внимания на дождь, вынесли на улицу и ловко погрузили в автомобиль.

— Ну, поехали! — хлопнул дверцей Вадим, и через мгновение машина исчезла за пеленой дождя.

Проводив санитаров, Виолетта еще раз огляделась вокруг — ни души. В будние дни на улице бывало не так уж много народу, разве что дети, но сегодня они сидели по домам из-за дождя. К тому же поселок был старым, участки большие, тенистые, заросшие деревьями, не какими-нибудь там чахлыми яблоньками, а вековыми дубами и елями в полтора обхвата. Здесь скрыть что-либо было гораздо проще, чем в этих современных, голых как ладонь, наделах в шесть соток, где за три улицы видать, какого цвета штаны у наклонившейся над грядкой соседки.

Виолетта еще раз проверила, все ли в порядке, заперла дом, бросила на переднее сиденье желтый пакет с Тиниными вещами, села за руль «пежо», выехала на улицу и, закрыв за собой ворота, тронулась в путь. С этого момента начинался самый опасный этап — здесь в их предварительном плане было единственное слабое место. Проблема заключалась в документах — Виолетта имела водительские права, но у нее не было доверенности на машину, не могла же она попросить Тину ее оформить! Виолетта подумывала было обратиться к Игнатьеву, но не решилась, чтобы не вызывать подозрений. Поэтому она взяла с собой побольше денег — откупиться — и старалась ехать очень осторожно, соблюдая все правила, чтобы не привлечь внимания милиции. Она загодя изучила карту и выбрала окольный путь, как можно дальше от центральных трасс и постов ГИБДД. Но на какое-то время ей пришлось выехать на Минское шоссе, и Виолетта не переставала молиться — сначала про себя, а потом и вслух, — чтобы все обошлось.

— Чего это ты Господа-то вдруг вспомнила? — захохотала появившаяся на заднем сиденье Старуха. — Думаешь, он будет иметь дело с такой гадиной, как ты?

— Слава богу! Ну где ж ты пропадала, старая ведьма? Я чуть с ума не сошла без тебя! Давай перебирайся сюда ко мне, вперед.

— Да у тебя там барахло лежит.

— Это не барахло, это все, что осталось от бедной Тины, — Виолетта сняла желтый пакет с сиденья и бросила под ноги. — Давай ползи сюда!

— Давненько мы с тобой не катались! — воскликнула Старуха, оказавшись рядом. — А ну-ка дай по газам! Чего тащишься как черепаха?

— Ты что, сдурела? Остановят гаишники, а у меня документов на машину нет.

— Ладно, не дрейфь. Я с тобой!

И действительно — то ли Старуха помогла, то ли просто повезло, но до условного места Виолетта добралась без приключений. Пока она ехала, дождь становился все слабее и в конце концов почти перестал. На сто сорок втором километре она, как и было оговорено, свернула с шоссе, проехала деревню со смешным названием «Грязь» и вскоре

увидела на обочине возле старого «жигуленка» двух мужчин в милицейской форме.

Виолетта сбавила скорость, тормознула и приоткрыла дверь.

Один из милиционеров, тот, что пониже, коренастый, очень светлый блондин с красным, видимо обгоревшим под солнцем, лицом и пшеничными бровями наклонился к окошку:

— Извиняюсь, это не вы от Павла Владимировича?

— Я.

— Тогда поехали! — Блондин сел рядом (Старуха снова переместилась на заднее сиденье), второй милиционер, худощавый, с темными усиками, вернулся в свою машину и завел мотор. — Езжайте за ним! — скомандовал блондин.

Ехали довольно долго. Чем дальше от шоссе, тем реже мелькали за окном деревни и огороды, все чаще леса и поля.

— Скоро уже. Сейчас грунтовка будет.

Свернули на дорогу, такую неприметную среди деревьев, что, будь Виолетта одна, наверняка проехала бы мимо. Машину тут же затрясло на ухабах, задремавшая было Старуха испуганно охнула. Похоже, ездили по этой дороге редко — она была в ужасном состоянии, кое-где даже заросла травой. Впереди между деревьями показался просвет, очевидно, подъезжали к какому-то открытому месту. Милицейский «жигуленок» остановился.

— Ну прибыли! — Блондин распахнул дверцу. — На ручник не ставьте!

Виолетта тоже вышла из машины и огляделась.

Они оказались на краю большого, видно, искусственно вырытого глубокого карьера с крутыми и уже основательно заросшими берегами.

— Копали тут раньше что-то, щебенку, что ли, — объяснил, подойдя, второй милиционер. — Хотели потом водохранилище сделать, рыбы напустить, да так и забросили. Ну как все у нас сейчас делается.

Виолетта рассеянно кивнула. Впервые за сегодняшний день ей вдруг стало не по себе. Она оглянулась в поисках Старухи, убедилась, что та стоит подле нее, и крепко сжала ее морщинистую руку.

Словоохотливый милиционер с усиками подошел к «пежо» и похлопал автомобиль по капоту, словно лошадь по крупу:

— Эх, хороша машинка, жаль губить! Может, махнемся? Мы вам свою рухлядь, а вы нам эту ласточку.

— Хватит трепаться! — прикрикнул на него блондин. — Тащи лучше канистру, сольем бензин, не пропадать же добру!

— А как же вы ее сожжете без бензина? — удивилась Виолетта.

— Не извольте беспокоиться, сударыня, у нас на этот счет другое средство есть — позлее да подешевле! — Худощавый милиционер показал литровую бутылку из-под «Столичной», в которой плескалась какая-то жидкость. — Уж сожжем в лучшем виде, полыхать будет, как Москва при Наполеоне.

— Вы вот что, гражданочка, — не то приказал, не то посоветовал блондин, — посидите где-нибудь в сторонке, а мы пока переоденемся, а то мало ли что!

— Идем! — сказала Старуха. — Только вещи из машины не забудь забрать.

Виолетта вынула из автомобиля свою сумочку, сумочку Тины, желтый пакет с Тиниными вещами, которые предстояло использовать как улики, подумав, раскрыла бардачок и свалила в другой пластиковый мешок все, что там лежало. Открыла багажник, в нем обнаружили запасное колесо, домкрат, трос, кое-какие инструменты — оказывается, Тина была грамотной автомобилисткой.

— Неплохо! — присвистнул худощавый милиционер с усиками. — И чего с этим делать?

Виолетта пожала плечами:

— Сожгите вместе с машиной!

— Еще чего! — возмутился блондин. — Коли вам не надо, так мы себе заберем — пригодится.

Милиционеры принялись раскурочивать машину, снимали зеркала, фары, «дворники», а Виолетта со Старухой отошли подальше и тоже занялись разборкой. Предстояло отделить те вещи, которые должны были бы сгореть при аварии, от тех, что могли хотя бы частично уцелеть и стать потом вещественными доказательствами того, что в машине была именно Тина. В сумочке оказались косметичка, паспорт, носовой платок, связка ключей от дома и бумажник с солидной суммой в рублях и долларах и целой пачкой кредитных и дисконтных карт. Содержимое кошелька Виолетта забрала себе, кожаную сумочку и связку ключей кинула в пакет от

"Старого лекаря", а все остальное сложила на земле. Сверху легло и содержимое бардачка, — кроме документов на машину, там не было ничего интересного.

— Сейчас мы с тобой устроим собственное аутодафе, — сказала Виолетта Старухе. Она наломала елового лапника посуше, сложила шалашиком над Тиниными вещами и подожгла. Мокрые ветки занимались плохо, и она приложила немало усилий, чтобы огонь разгорелся. Занятая собственными делами, она лишь вполглаза видела, как милиционеры закончили свою возню с «пежо», подтолкнули, как в кино, машину к самому обрыву, спихнули вниз и сами спустились за ней. Что они там делали, Виолетта смотреть не стала. Ей удалось наконец разжечь костер, она постелила полиэтиленовый пакет на мокрое поваленное дерево, присела на него, закурила и залюбовалась веселой игрой пламени.

— Прямо пикник! Еще бы шашлычки пожарить! — хихикнула Старуха.

Наконец из котлована вылезли милиционеры — изрядно перепачканные, но вполне довольные.

— Готово! — заявил тот, что с усиками. — Испеклась, как тещины блины.

Блондин повернул боковое зеркало на «жигуленке» и, глядя в него, вытер лицо грязным клетчатым платком.

— Поехали! — кивнул он Виолетте, после того как они вновь переоделись в форму. — Подбросим вас до станции.

Виолетта поглядела на свой костер. Кое-что, возможно, прогорело не до конца, но она решила, что ничего страшного в этом нет — ну кому, в самом деле, придет в голову что-то искать здесь, на опушке?

— Сколько я вам должна? — поинтересовалась она у блондина.

— Как договорились с Павлом Владимировичем.

Виолетта протянула ему конверт с деньгами и желтый пакет:

— Тут вещи, которые должны будут обнаружить на теле и рядом. Только все, конечно, предварительно надо обжечь как следует, ну вы меня понимаете, чтобы золото оплавилось и так далее.

— Ясно. Сделаем. — Блондин деловито пересчитал деньги и сунул в карман.

— И еще... — Виолетта чуть замялась. — С больницей вы договорились?

— Все в ажуре! — подмигнул ей второй мент. — Только хорошо бы дяде Васе, что в морге служит, еще на бутылку подкинуть, тогда все тип-топ будет. Хотите, сейчас к нему заедем?

— Нет-нет! — быстро сказала Виолетта, а Старуха захохотала, будто услышала нечто невообразимо смешное. — Вот вам двести долларов, расплатитесь, пожалуйста, сами.

— Ну поедем, чего тут торчать! — Блондин потянул дверь «жигуленка». — А то сейчас снова польет.

Электрички пришлось ждать долго, а потом еще добираться на метро, и, подъезжая к дому на частнике, Виолетта кляла себя на чем свет стоит, что сразу не взяла такси. Конечно, дорого, но у нее же теперь есть деньги! И так на дорогу ушло больше полутора часов.

Экономка несказанно обрадовалась ее возвращению.

— Слава тебе господи, приехали! А я просто с ног сбилась! Что же вы так долго?

— Ой, и не говорите, Галина Ивановна! С утра решила заехать домой, нужно было взять кое-что. Так, представляете, на обратном пути застряла в лифте! То ли электричество отключилось, то ли что... Больше часа в лифте куковала, пока ремонтника дождалась!

— Что вы говорите! Ужас какой!

— Наконец приехала в поликлинику — а там огромная очередь! И, как назло, моя врачиха оказалась в отпуске. Записалась к другой, два часа в коридоре сидела, и к такой бестолковой попала, дважды меня на рентген гоняла... Кошмар, одним словом. Да еще автобуса долго ждала... Думала, домой сегодня не попаду!

— Надо же, как не повезло! — посочувствовала сердобольная Галина Ивановна.

— Ну а вы как тут без меня?

— Ой, так замучились, так замучились! Мальчик совсем от рук отбился.

Кричит, капризничает, лезет всюду... А на улицу его не выпустишь — дождь как из ведра. Так бы по участку побегал, а то путается под ногами!..

— А где он сейчас?

— Витенька догадался ему мультики включить. Я понятия не имею, где там чего нажимается на этом, как его, видаке. Да, и на Виктора Сашенька обиделся сегодня, даже ножками на него топал! Тот

ему какой-то домик на дереве отказался строить. А какой может быть домик, в такой-то дождь?

Виолетта зашла к себе, быстро переоделась, подумав, достала мобильник и набрала номер:

— Привет! Это я. Ну как дела?

— Больную доставили. — Голос у Якова был какой-то бесцветный, словно не человек говорил, робот.

— Довезли без приключений?

— Да, все в порядке.

— И как она?

— Пока не пришла в сознание. Ей сделали укол и поместили в палату для буйных.

— Умница, Яшенька! Я тебя обожаю!

— А я тебя ненавижу, — глухо ответил Белецкий.

Виолетта довольно рассмеялась и нажала кнопку отключения. Самое трудное было позади.

В детской Витек и Сашура, сидя на полу, уплетали чипсы прямо из пакетиков и смотрели видео, причем, судя по тому, что на экране крупным планом появилось лицо Арнольда Шварценеггера, кассета у них была отнюдь не с мультиками. Вообще-то Сашуре не разрешалось ни есть чипсы, ни смотреть боевики, но сегодня воспитательница закрыла глаза на все эти запреты. Она лишь помахала Виктору рукой и вышла из комнаты. Мальчик был так увлечен зрелищем, что даже не заметил ее появления, и Виолетта решила использовать неожиданные минуты свободы с выгодой для себя. Перепачканная физиономия супергероя на экране живо напомнила ей лица милиционеров, сжигавших машину Тины. Она вышла в холл, уселась у лестницы на кремовом диванчике под пальмой и еще раз обсудила со Старухой сегодняшний день, вспоминая детали. Вроде бы все прошло хорошо, чисто, они ничего не забыли и не допустили никаких ошибок, но кто может сказать наверняка?

Боевик закончился, и Витек, на прощание взъерошив мальчику волосы, отправился к себе в будку для охраны, а Виолетта повела Сашуру полдничать. Потом, поскольку гулять было нельзя, они снова вернулись в детскую, занимались музыкой, играли в лото и в железную дорогу. Время тянулось невыносимо долго.

Около восьми в дверь постучалась Галина Ивановна:

— Виолетта Анатольевна, прямо не знаю, что и делать! Тина Сергеевна еще не вернулась, и телефон у нее не отвечает. Уж и Станислав Алексеевич звонил, спрашивал, где она. Как с ужином-то быть?

— Подождите немного, она наверняка скоро придет!

— Ох, поскорее бы! Накормить всех да лечь — что-то у меня сегодня весь день голова раскалывается.

— У меня тоже. Наверное, магнитная буря.

Но когда Тина не вернулась и в девять, Виолетта сделала вид, что беспокоится. При Галине Ивановне она набрала номер телефона хозяйки и выслушала сообщение: "Абонент недоступен или находится вне зоны досягаемости. перезвоните позже". Еще бы, мобильник Тины уже лежал у нее в комнате, на дне чемодана!

Теоретически в Тинином отсутствии не было ничего особенного. Ей случалось задерживаться в офисе или на объекте и дольше, кроме того, она бывала и в гостях, и в театрах, и на разного рода вечеринках, откуда, естественно, возвращалась намного позже девяти. Но в тот день она не собиралась на работу, а что касается выхода в свет, то ее неизменно сопровождал Стас. Но он тоже ничего не знал о Тине и тоже не мог до нее дозвониться.

В половине десятого Сашуру решено было покормить ужином, и Виолетта повела его спать, даже избавив, к великой радости мальчика, от традиционной вечерней ванны. В начале одиннадцатого вернулся Стас, который был уже не на шутку взволнован. Исчезнуть вот так, до самой ночи, и никого не предупредить — это не похоже на Тину.

Виолетта поспешила к хозяину и нашла его в «трапезной». Перед Стасом стояла полная тарелка овощного рагу, но он даже не притронулся к еде.

— Виолетта Анатольевна, как хорошо, что вы пришли, я уже собирался вас искать! Вы не знаете, куда могла подеваться Тина? Говорят, утром вы уехали вместе... — Он силился улыбнуться, но вид у него был встревоженный. — Да, Тина Сергеевна подбросила меня до метро «Крылатское». Куда потом поехала, я понятия не имею.

— Черт знает что! — Стас снова вынул мобильник, и Виолетта сочла за лучше удалиться. Она сходила к себе, как могла привела себя в порядок и подмигнула своему отражению в зеркале: "Держись, спать сегодня не придется. Ночка будет нелегкой!"

— Как ты думаешь, не пора ли ему кое-что рассказать? — поинтересовалась Старуха, отразившись в зеркале. Она любила это зеркало не меньше Тины.

Виолетта взглянула на часы:

— Думаю, пора. Идем.

Стас был в западной гостиной. Он уже успел переодеться и теперь прохаживался из угла в угол по комнате, держа в руках стакан с коньяком. Он с надеждой взглянул на открывающуюся дверь, но, увидев Виолетту, сник.

— Не вернулась? — тихо спросила воспитательница.

— Вернулась! — захохотала Старуха. — Прямо из психушки прибежала, в смирительной рубашке!

Стас покачал головой. Виолетта робко опустилась на диван. Стас залпом осушил стакан и нервно заходил по комнате.

— Да не волнуйтесь вы так! — изо всех сил старалась поддержать его Виолетта. — Найдется она. Ну мало ли, может, заехала к кому-нибудь в гости, в кино пошла или в ресторан...

— Но почему не позвонила? Ни мне, ни домой? Она же знает, что мы будем волноваться! И потом, я уже всех знакомых обзвонил. Никто ничего не знает!

— Может, мобильник разрядился или сломался.

— Но не в лесу же она! Неужели телефона нигде нет? Уже почти двенадцать ночи!

— Станислав Алексеевич! — тихо произнесла Виолетта, старательно пряча глаза. — Она не велела говорить вам, но, видимо, придется. Я знаю, куда поехала Тина Сергеевна. Вернее, не куда, а к кому.

— Я вас не понимаю, объясните толком!

— Дело в том, что Тина Сергеевна записалась на прием к какой-то бабке.

— Что вы несете, к какой еще бабке?!

— К какой именно, не знаю. То ли к колдунье, то ли к целительнице, то ли к гадалке... Тина Сергеевна сказала, что едет за город, но не сказала куда.

— Чушь какая-то! Тина никогда не ходила к гадалкам! С чего вдруг ее к бабке понесло?

— Видите ли... Мне, право же, неловко об этом говорить... Но последнее время она жаловалась мне, что у вас с ней, м-м-м, не все в порядке. Кто-то наговорил ей, что это ворожба, или как там это называется, сглаз, порча, она и поверила.

— Идиотизм! И что, она не сказала вам, где эта бабка живет? Хотя бы по какой дороге?

Виолетта покачала головой:

— Нет, не сказала. Обещала вечером вернуться и все мне рассказать. Вот я и думаю — мало ли что могло случиться в дороге? Может, колесо спустило, может, еще что...

Стас взял со столика мобильник и решительно набрал номер:

— Леха, это опять я, Янку позови! Да знаю я, сколько времени! Ну так разбуди, это очень важно! Ян, что это за бабку ты Тине сосватала, где она живет? То есть как не понимаешь? Тинка тут уехала к какой-то бабке порчу снимать и пропала. Да в том-то и дело, что не вернулась! Что значит — ты ни при чем? Кто, кроме тебя, мог ей такую фигню присоветовать?! Точно? Да не клянись, я тебе верю! Слушай, а ты не знаешь, кто мог?... Ясно. Ладно, извини, что разбудил.

Он бросил телефон на столик и растерянно посмотрел на Виолетту:

— Она ничего не знает. Говорит, никогда не слыхала от Тины ни о какой бабке. Очень удивилась.

Виолетта поднялась, подошла к бару и вынула початую бутылку армянского коньяка:

— Выпейте еще, Стас, и постарайтесь успокоиться. Будем ждать.

Примерно через полчаса, когда жидкость в бутылке поубавилась, лежащий на столе мобильник засветился и заиграл мелодию "Госпожа удача". Виолетта вскрикнула от неожиданности.

— А нервишки-то шалят! — заметила Старуха. Она сложила в камин несколько поленьев и теперь пыталась разжечь огонь, но у нее ничего не получалось.

Стас схватил телефон:

— Да! Да, Леш. Нет, не вернулась. И не звонила. В милицию? Нет, пока не обращался. Да, спасибо за совет, так и поступлю!

Он снова отложил телефон и поделился с Виолеттой:

— Лешка говорит, надо звонить в милицию. Вроде есть какой-то специальный номер, где сообщают информацию о несчастных

случаях.

— Действительно! — подскочила Виолетта. — Что же мы сидим?! Надо звонить в милицию, в больницы... Вдруг она попала в аварию!

Стас уже набирал номер справочной "Bee line", Виолетта принесла из холла трубку радиотелефона и пухлый справочник и тоже принялась названивать. Но через некоторое время мужчина в отчаянии опустил руки.

— Бесполезно. Нигде ничего. "Ждите, надейтесь". А в милиции заявления о пропаже человека принимают только через три дня. Что за идиотизм! Сразу надо искать, за три дня все, что угодно, может случиться!

Он с досадой хлопнул мобильным по столу и снова нервно заходил по комнате:

— Ведь говорил я ей: надо ездить с охраной! Ну взяла бы с собой Витька или Серегу, жалко, что ли?! Что теперь с ней?! Убили? Похитили?

— Постойте, Станислав Алексеевич! — спохватилась Виолетта. — У меня же есть старый друг, в милиции работает, хороший пост занимает, кажется, полковник, а может быть, уже и генерал. Сейчас я ему позвоню. Конечно, время не самое подходящее, но... Пашенька? Это Виолетта. Прости, ради бога, что разбудила, но у меня тут ЧП... Ну вот и славно, что ты привычный. Понимаешь, пропала женщина, моя подруга. С утра уехала куда-то в область и до сих пор не вернулась, мы тут с ума сходим... Да. Да. Записывай. Кириллова Валентина Сергеевна, 1966 года рождения... Что? Рост? Кажется, метр пятьдесят шесть или пятьдесят семь... Ой, не знаю, ну килограммов сорок пять, если не меньше, она такая худенькая... Волосы и глаза темные, стрижка. Нет, особых примет никаких, ни шрамов, ни татуировок... Черные джинсы, не помню какой фирмы, лиловый джемпер и бежевая лайковая курточка, коротенькая. Не помню, что на ногах, какие-то сапожки, по-моему. Автомобиль «Пежо-607», цвет кофе с молоком, номер «K575MP». Да. Да. Спасибо, Пашенька, я твоя должница. Дай тебе Бог здоровья. Наш телефон... Ах, у тебя высветился на автоответчике? Да, все правильно. Спасибо. Будем ждать.

Она отсоединилась и обратилась к сгорающему от нетерпения Стасу:

— Он обещал поднять всю сводку происшествий по Москве и области с самого утра. Если что-то выяснится, нам сразу же позвонят.

Стас в изнеможении почти упал на диван. Виолетта протянула руку и вновь наполнила его стакан.

— Крепитесь, все будет в порядке. Вот, выпейте, и будем ждать.

— Послушайте, Виолетта Анатольевна... — Стас посмотрел на нее, и столько боли было в его взгляде. — А может, она просто ушла от меня? Я действительно в последнее время... Словом, у нее были все основания на меня обижаться. Вот она взяла и уехала, а?

— Нет, это невозможно! — решительно отвергла его версию воспитательница. — От таких мужчин, как вы, женщины не уходят. Она любит вас, души в вас не чаает. И потом, куда ей идти? К другому мужчине? Это просто смешно. У нее никого нет, уж я-то точно знаю! И вообще — разве так уходят? Уходят после ссоры, собрав вещи, оставив записку — ведь ничего же этого не было?

— Не было, — покорно согласился Стас.

Прошло время, бутылка совсем опустела. Стас полулежал, опустив голову на сложенные на столе руки, Виолетта молча гладила его по волосам и наблюдала за Старухой, которой все-таки удалось развести огонь в камине. Разорвавший тишину звонок испугал всех троих.

— Да! — Стас схватил брошенную на диван трубку радиотелефона. — Слушаю! Виолетта Анатольевна, это вас.

— Алло? Да, Пашенька, милый, ну что там? Удалось что-нибудь узнать? Да? И что это значит? Вот как? Ой, как было бы здорово! Твои бы речи — да Богу бы в уши...

— Ну что, что он сказал? — Стаса била дрожь.

— Сказал, что ни в одной сводке — ни по Москве, ни по области — нет никаких сведений ни о Тине, ни о ее автомобиле. "Не проходит", как он выразился. Значит, у нас есть еще надежда.

— Хотелось бы верить... — Стас бросил взгляд на часы. — Вот что, Виолетта Анатольевна, пойдите-ка вы к себе и постарайтесь хоть немного поспать. Уже утро, Сашура скоро проснется. Не стоит пугать мальчика, он и так у нас нервный.

— Я все равно не усну.

— Я вас очень прошу!

— Только при условии, что вы тоже приляжете!

— Хорошо, попробую. Действительно, нет никакого смысла нам с вами здесь сидеть.

— А утром, будем надеяться, Тина Сергеевна вернется! — Виолетта нежно сжала его предплечье, и Стас не отнял руки.

Только выйдя из гостиной, Виолетта поняла, как она устала за этот сумасшедший четверг. На ватных ногах кое-как добралась до постели, не раздеваясь, повалилась на нее и мгновенно отрубилась.

Прошло два дня, о Тине по-прежнему не было никаких известий. На Стаса страшно было смотреть. Он почти не спал, не выходил из дома и не переставая пил.

Виолетта строго следила, чтобы никто его не беспокоил. В отсутствие хозяйки она сразу же взяла бразды правления в свои руки, раздавала задания остальной прислуге, но делала это не в приказном порядке, а мягко, в форме просьбы — мол, сами видите, что у нас тут происходит, давайте же сплотимся, поддержим хозяина, будем делать свою работу. Все относились к ее словам с пониманием, не выражая никакого недовольства. Сашуре сказали, что мама уехала в командировку. Кате, которая позвонила из Франции, тоже не стали ничего говорить. Некоторые сложности возникли только с Федоровыми. Первое время Марьяна обрывала телефон и хотела приехать, но Виолетта ее отговорила, убедив, что так будет лучше. "Ведь у нас все идет по плану, правда?" — сказала она, прощаясь.

Наконец, в воскресенье, часа в три пополудни, телефон снова зазвонил.

Стас снял трубку, действуя уже почти автоматически.

— Гражданин Кириллов? — поинтересовался еле слышный сквозь помехи хриплый мужской голос.

— Да, я!

— Это из милиции. Тут на сто сорок втором километре нашли машину «пежо» 607-й модели, а в ней тело... Вы можете подъехать?

— Да, конечно, я сейчас же буду! Диктуйте куда, записываю!

Виолетта уже держала наготове ручку и лист бумаги.

— Ну что? — с тревогой спросила она, когда Стас закончил разговор. — Ее нашли? Что с ней?

— По правде говоря, я ничего не понял, — признался Стас. — Кажется, авария, где-то на Минском шоссе, какая-то деревня Грязь, мне надо срочно ехать.

— Я с вами! — подскочила Виолетта. — Пожалуйста! Возьмите меня с собой! Вы в таком состоянии, что не хочется вас оставлять одного.

— Со мной, как всегда, будут водитель и охранник. И вообще, я трезв как стеклышко.

— В этом я не сомневаюсь, я имею в виду ваши нервы. От охраны толку мало — в трудную минуту рядом должен быть близкий человек.

— Ну хорошо, — согласился Стас и нетвердым шагом вышел вон из комнаты.

Воспитательница поспешила за ним, Старуха, семеня, замыкала шествие.

Всю дорогу Стас молчал, словно спал с открытыми глазами. Виолетта его не тревожила и, когда Старуха попыталась что-то сказать, остановила ее предупредительным жестом, приложив палец к губам, чем вызвала сильное удивление у сидящего рядом Витька. Знакомый милицейский «жигуленок» стоял на том самом месте, около него переминались с ноги на ногу коренастый блондин и его сухощавый напарник с усиками, и на миг у Виолетты возникло ощущение "дежавю".

— Вы Кириллов, Станислав Алексеевич? — наклонилось к их машине широкое обветренное лицо с пшеничными бровями. Виолетту милиционеры, понятное дело, не замечали.

Стас кивнул. Блондин взял под козырек:

— Сержант Федчук. Пожалуйста, проедем с нами.

— Где моя жена? Что с ней? — От волнения у Стаса почти пропал голос.

— Поезжайте следом! — велел милиционер и сел в свою машину.

"Жигули" тронулись, водитель Сергей рванул за ними. Стас сжал руки так, что костяшки пальцев побелели.

Дорога до карьера показалась еще более долгой, чем в прошлый раз, Виолетте даже показалось, что они едут в какое-то другое место. Но вот наконец машины свернули на грунтовку и минут через десять остановились.

Стас, Виолетта и охранник вылезли. Витек недоуменно огляделся по сторонам.

— Чего это мы сюда приперлись? — спросил он.

— Что за ерунда? Зачем вы меня сюда привезли? — поддержал его Стас.

— Машина, которую мы хотим вам показать, там, внизу, — отвечал краснолицый сержант Федчук.

— Внизу? — удивленно переспросил Кириллов.

Стражи порядка подошли к обрыву, остальные двинулась за ними.

— Видите?

На мокрой земле отчетливо виднелись следы автомобильных покрышек. Милиционер показал на место, где следы обрывались — большой пласт земли обвалился вниз. На дне, среди неглубоких луж, лежала перевернутая машина, вернее, то, что от нее осталось.

— Смотрите, ехали вот тут, над обрывом. Шел сильный дождь, видимость отвратительная, глина скользкая. Судя по всему, автомобиль занесло, водитель не справился с управлением. Машина сорвалась вниз, скатилась вот здесь — видите? Скорее всего, повредился бензобак, возникла протечка бензина. А тут искра, от аккумулятора или еще от чего — вот все и вспыхнуло!

— Да уж, полыхнуло так, что мама не горюй! — вставил худощавый милиционер.

Они помолчали, глядя сверху на обгорелые останки того, что было когда-то автомобилем Тины.

— И она... там? — хрипло спросил Стас.

— Тело вытащили, отвезли в морг, — отвечал сержант. — Позже нам с вами придется проехать на опознание. Но сначала осмотрите машину.

Стас, не обращая никакого внимания на грязь, стал спускаться вниз, Витек и милиционеры — следом. Виолетта с сомнением поглядела на свою обувь. Она предусмотрительно надела туфли на невысоком каблуке, но их тоже было жаль. Милиционерам-то хорошо, они в сапогах.

— Иди, иди! — подтолкнула ее Старуха. — Мало ли чего...

И Виолетта осторожно двинулась следом за мужчинами. Туфли увязли в глине, она сняла их, чтобы не потерять, и теперь ежилась от холода, стоя чуть не по щиколотку в воде.

Автомобиль представлял собой жалкое зрелище, но кое-какие фрагменты сохранились, среди них — кусок номера, на котором можно

было различить букву «К» и цифры «5» и «7». Проваливаясь в грязь, Витек обошел машину, внимательно ее осмотрел.

— Точно наша, Станислав Алексеевич! — хмуро подтвердил он. — И пепельниц сзади нет, и замок на правой передней дверце тот самый — я его сам чинил, отвертка сорвалась, и остались царапины.

— Ничего не могу понять! — Стас казался совершенно растерянным. — Как могла сюда попасть наша машина? Абсурд какой-то! Тине просто нечего было делать здесь, в этой глуши!

— Похоже, она в Захаровку пыталась проехать, к Егоровне, — сообщил худощавый мент. — В тринадцати километрах отсюда деревня есть, так там бабка живет, ну вроде как знахарка. К ней городские часто ездят... А потерпевшая, видно, хотела проехать напрямик, да заблудилась, не туда свернула. Опять же, дождь, не видать ни зги.

— Есть свидетели, которые видели этот автомобиль, — подтвердил блондин Федчук. — Супруги Кочетковы из Еленки, пенсионеры. Сами понимаете, у нас тут деревня, сарафанное радио исправно работает, слухи распространяются быстро. Так вот в четверг после полудня свидетели возвращались из леса и видели иномарку, то ли серую, то ли коричневую. За рулем была женщина, она спросила у них, как проехать в Захаровку. Мы с вами обязательно их навестим, но сначала в морг надо.

Слушая это, Стас все ниже опускал голову.

— А кто обнаружил машину? — вдруг спросил Витек, Виолетта удивленно взглянула на него.

— Слышь, а этот парень не так прост, как кажется! — шепнула ей на ухо Старуха.

— Да мальчишки, за грибами сюда забрели! Грибов-то в этом году пропасть, хоть косой коси! Старики такого не помнят! — отвечал словоохотливый обладатель усиков. — Если бы не пацаны, кто знает, сколько бы она тут пролежала!

— Давайте-ка выбираться! — скомандовал блондин. — Поехали, а машину попозже вытащат, когда техника прибует.

Поднимались долго и с огромным трудом — берега у карьера крутые и необычайно скользкие, глина налипала на ноги и тянула вниз. Хуже всех пришлось босой Виолетте, хоть ей и помогал Витек. Стас весь перепачкался, его ноги в щегольских кроссовках и джинсах были

в грязи выше колен, но он, казалось, ничего не замечал. Наконец они поднялись и Виолетта в изнеможении упала на сиденье джипа. У водителя Сергея нашлась какая-то тряпка, воспитательница кое-как обтерла закоченевшие ноги и сунула их в туфли.

Следующим пунктом путешествия была районная больница, располагавшаяся в бывшей барской усадьбе. Обветшалые здания, похоже, не ремонтировались со времен революции. Милиционеры провели их в самый дальний флигель, где находился морг.

— Прикинь, а вдруг поэт твой передумал в последний момент? — хихикнула за спиной Старуха. — Войдем — а там никакого трупа нет?

— Заткнись! — не выдержав, прикрикнула на нее Виолетта, и все мужчины в недоумении уставились на нее.

— Извините, — смутилась воспитательница. — Нервы не выдержали...

— Ничего удивительного! — сказал худощавый милиционер, а блондин буркнул:

— Приготовьтесь, зрелище не из приятных...

Дразнилась Старуха напрасно — труп был на месте, и синюшный фельдшер поспешил его предъявить. Он стянул с трупа грязную простыню, Виолетта с любопытством взглянула, но тут же ахнула и поспешила отвернуться. Ничего ужаснее она, пожалуй, в своей жизни не видела. Витек сжал зубы, на скулах заиграли желваки. Стас побледнел и стал оседать на пол. Охранник едва успел его подхватить и поспешил вытащить на воздух.

— Поехали отсюда! — сказал он милиционерам, как только Кириллов пришел в себя. — Сами понимаете, опознавать тут нечего, все обгорело к чертовой матери.

Все сели в машины, и вновь замелькали за окнами леса, поля и деревеньки. В одной из них «жигуленок» замедлил ход, свернул в боковую улочку и остановился около покосившегося забора. В доме залаяла собака. Сидевший за рулем блондин несколько раз нажал на клаксон и крикнул:

— Тетя Вера! А ну подь сюды! И дядю Колю позови!

Внутри засуетились, и вскоре на тропинке перед калиткой показалась женщина неопределенного возраста в платке и пуховой кофте, накинутой поверх цветастого платья. За ней прихрамывал мужик в драном ватнике и пузырящихся на коленях выцветших

тренировочных штанах. Судя по цвету лица и блеску глаз, супруги Кочетковы уже успели «принять» на грудь, хотя до вечера было еще далеко.

— Костенька, да ты заходи, заходи! — стала приглашать женщина, но блондин покачал головой:

— Здесь поговорим. Расскажи товарищам, как вы встретили женщину на иномарке. Когда это было?

— В четверг. В четверг было, — уверенно заговорила тетя Вера, а муж ее согласно закивал. — Идем мы, значит, с Колей из лесу, грибов набрали — страсть, еле несем, хоть в этот раз и договорились только белые да красные брать. Чудеса прямо, сколько живу, не помню, чтоб столько грибов было, не иначе к войне...

— Не отвлекайся! — перебил милиционер. — Про машину рассказывай.

— Ну вот, идем мы, значит, по сашше, дождь как из ведра, а тут машина едет. Красивая, видать заграничная, у нас тут ни у кого таких нету. Я еще Николаю своему сказала, смотри, Колька, машина какая, ну точно как по телевизеру, когда девка пепсу из бутылки попьет да в нее и садится. — (Мужик опять закивал). — Только та, в телевизере, белая, а эта темная. Серая или коришневая, не разобрала я... Глаза-то уже не те, чай, не семнадцать годков...

— Короче, тетя Вер, — опять перебил ее страж порядка.

— Ну вот, машина и остановилась прям около нас, а из нее молодка выглядывает. Красивая такая, стриженная, на актерку похожа. — На какую артистку? — спросил вдруг Витек. — Ну где играет, в каком фильме, сериале?

Женщина запнулась и удивленно поглядела на него, потом на милиционеров.

— Да это ж я так просто сказала, — ответила она после паузы. — Красивая — ну, значит, как актерка и есть.

— Ну продолжай, продолжай, только лишнего не говори! — поторопил милиционер. — О чем эта женщина вас спросила?

— Спросила, как в Захаровку проехать. Мы сказали, она и покатила дальше. Вот и все.

— Может, вы еще что-то запомнили? — опять вступил в разговор Витек. — Номер машины или во что женщина была одета?

— Тужурочка на ней была, — уверенно отвечала тетя Вера. — Кожатая такая, светлая. И фуфайка вот этак, — показала, — под горло.

— Ну что, поехали в отделение? — спросил блондин, и все вновь двинулись к машинам.

В отделении Кириллову и сопровождающим предъявили протокол допроса свидетелей, обнаруживших машину и труп. Четверо мальчишек с 1989 по 1993 годы рождения сообщали, что ходили в лес за грибами, добрались до карьера и увидели на дне останки машины, которой раньше там — они точно это знали — не было. Мальчишки спустились вниз, осмотрели автомобиль и, к своему ужасу, нашли там обгоревший труп, "страшее, чем в кино".

Последней каплей были предъявленные для опознания вещи Тины — полусгоревшая лайковая курточка, перепачканный сажей остроносый сапожок, остатки сумочки, спицы от зонта с сохранившимся лейблом "Christian Dior", оплавленные золотые часы, которые Стас купил в Швейцарии в подарок жене на десятилетнюю годовщину свадьбы, большая связка ключей от их дома и кулон от Тиффани — Тина считала его своим талисманом и никогда не снимала.

Последняя надежда рассыпалась в прах. Стас застонал, закатил глаза, и Витек с Виолеттой метнулись к нему. Милиционеры бесстрастно наблюдали за этой сценой.

— Я понимаю, как вам сейчас тяжело, и сочувствую, — проговорил наконец блондин Федчук, — но я должен выполнять свой долг. Нужно подписать протокол об опознании.

Худощавый застучал по клавишам пишущей машинки.

— У кого-нибудь есть выпить? — хрипло спросил Стас.

Витек вопросительно посмотрел на милиционера. Тот кивнул в окно:

— Там, через дорогу, палатка.

Охранник вышел, остальные ждали в полном молчании, тишину нарушал только стук машинки. Виолетта несколько раз чихнула — как бы не простудиться! Вернулся Витек, поставил перед хозяином чекушку водки и пластиковый стакан, положил буханку серого деревенского хлеба.

— Коньяка у них нет! — извинился он.

Стас только рукой махнул, свернул с водки крышку, глотнул прямо из горлышка, закашлялся. Милиционер звонко крутанул каретку и

выдернул лист бумаги из машинки.

— Готово! Распишитесь на каждом листе, вот здесь, внизу. И вы тоже! — обратился он к Виолетте.

— Ну на сегодня все, можете быть свободны! — сказал Федчук.

Стас поднялся и на нетвердых ногах пошел к двери.

— Водку-то заберите! — крикнул вслед худощавый, но Кириллов только рукой махнул.

— Когда будут готовы результаты экспертизы? — спросил, задержавшись, Витек.

"Ах ты черт, что же тебе нейдет!" — раздосадованно подумала Виолетта.

— Мы сразу же сообщим! — заверил блондин.

Охранник внезапно встретился глазами с воспитательницей, и выражение его лица ей почему-то не понравилось. Ну просто-таки совсем не понравилось.

ЧАСТЬ 4

По дороге домой Стас еще дважды останавливал машину, чтобы отправить Виктора в придорожный магазин за коньяком, и к концу пути стал уже абсолютно невменяем. Он уронил голову Виолетте на плечо и отключился. "Ну вот и сбылась твоя мечта, наконец-то он уснул у тебя на груди!" — захихикала Старуха, но Виолетте было не до нее. Впереди слишком много хлопот.

У ворот их уже поджидали Сашура на самокате и не находящая себе от волнения места Галина Ивановна. Прижав кулак ко рту, она с ужасом глядела на то, как водитель и охранник выволакивают из джипа бесчувственного Стаса. — Господи, да что же это такое! Да на кого же вы все похожи? Где ж вы так изгваздались-то? А Станислав-то Алексеич! Боже ж ты мой!

— Ура, папа приехал! — закричал мальчуган. — Папа! Папа, что с тобой? Папа?!

— Сашенька, папа заболел, ему надо лечь, — принялась объяснять Виолетта. (Господи, как же ей надоел этот мальчишка, сил больше нет! Как она устала сдерживаться, сюсюкать, притворяться! Наконец-то можно будет сбросить с себя эту обузу!) — Иди покатайся. А вы, ребята, отведите Станислава Алексеевича в спальню и уложите! — скомандовала она охранникам.

— Я не хочу больше кататься! Я хочу играть в гонки!

— Ну так иди играй!

— Да, а как же можно одному играть в гонки? Надо вдвоем, а Галинаванна не хочет! Тетя Лето, вы поиграете со мной в гонки?

— Мне некогда! — жестко ответила гувернантка, но, увидев, что малыш вот-вот расплчется, поспешно добавила: — Но я могу включить тебе кино по видео. Хочешь? Взрослое!

— Ух ты! — Слезы на глазах ребенка тотчас высохли. — А какое кино, какое? — И он со всех ног, обгоняя Виолетту, помчался в дом к ближайшему видеоманитофону. Совершенно растерянная Галина Ивановна поспешила следом за ними.

Гувернантка включила первую попавшуюся кассету (какой-то боевик с Джекки Чаном), и мальчик тотчас прилип к экрану, вмиг

забыв обо всем на свете. Виолетта с экономкой переглянулись и вышли в холл.

— Господи, так что же случилось-то? — На простодушном лице Галины Ивановны отражались все обуревавшие ее противоречивые чувства: испуг, сопереживание горю, естественное человеческое любопытство, тревога за собственную судьбу.

Воспитательница хотела было ответить, но тут зазвонил телефон, и она сняла трубку.

— Виолетта? Это Федоров. Что у вас происходит?! Никак не могу дозвониться до Стаса. Галина Ивановна сказала Марьяне, что его зачем-то вызвали в милицию куда-то за город, но его телефон не отвечает... Скажите, ради бога, что произошло?

— Алексей, Стас не может сейчас говорить, — с наигранным волнением ответила Виолетта. — Мы только что вернулись с опознания. Тина погибла в автокатастрофе.

— Что? Как это произошло? Когда? Где?

— Три дня назад. Как раз в четверг. Оказывается, она поехала к какой-то деревенской бабке, куда-то за Можайск. Никак не могу понять, с чего ее вдруг туда понесло? Ехала проселочной дорогой, не справилась с управлением — помните, какой был дождь? — машина скатилась под откос и загорелась. Так нам объяснили в милиции.

— А Тина?

— Тина мертва.

— Чушь какая-то, не могу поверить! Вы ее видели, опознали?

— Ох, Лешенька, я сама отказываюсь в это верить... Такой ужас! Там ведь от удара случился то ли взрыв, то ли пожар. Тело обгорело так, что страшно смотреть! Но автомобиль Тинин, его и Стас узнал, и водитель... Да и вещи нам предъявили.

— Вещи?

— То, что было с ней и на ней. Остатки одежды, сумочка... Ох, Леша, извините меня, ради Бога! Мне так трудно об этом говорить. Мы буквально только что вернулись, лазили по грязи, я даже переодеться не успела. — Да-да, конечно! Послушайте, мы с Янкой сейчас же приедем!

— Пожалуй, не стоит. Стасу плохо, он сейчас спит. Я тоже очень устала.

— Ладно, как скажете. Но обязательно позвоните нам, как только...

— Да-да, конечно! И вот еще что — передайте Марьяне... Впрочем, я сама потом с ней поговорю. До свидания.

Галина Ивановна так и застыла, слушая их разговор.

— Господи боже мой! Несчастье-то какое! Что же теперь будет-то? Бедный Станислав Алексеевич! А детишки, детишки-то сиротами остались! Сашенька, деточка, маленький совсем!

У нее в глазах стояли слезы.

— Ишь ты, как убивается! — пожалела ее Старуха. — Ты поучись, поучись у нее, тебе пригодится.

— Вот что, Галина Ивановна, плакать нам с вами сейчас нельзя! — строго сказала Виолетта, сжав ее руку. — Мы не должны расслабляться. Наша с вами задача — поддержать Станислава Алексеевича и детей. Вот уж кому придется тяжело, так это им.

Всхлипывая и утирая слезы, экономка молча закивала.

— Пойдемте-ка в дом для гостей, — продолжала Виолетта. — Мне срочно надо переодеться. А вы, будьте так добры, приготовьте бывшую Катину комнату. Для моей дочери. Она скоро приедет и поможет нам с вами — дел будет невпроворот.

Наконец-то можно было снять с себя перепачканную глиной одежду и обувь! Колготки пришлось выбросить сразу, туфли тоже были в ужасном состоянии.

Только простояв с четверть часа под горячим душем, докрасна растеревшись махровым полотенцем, надев теплый свитер и выкурив две сигареты подряд, она почувствовала, что постепенно приходит в себя. И взяв трубку, набрала свой домашний номер:

— Анна, ну что, ты готова? Вещи собрала? Тогда приезжай, пора. Проверь, все ли взяла, не забудь расческу, помаду. Учти, первое время я тебя никуда отпустить не смогу. Давай, жду.

Она отсоединилась и стала было набирать номер Марьяны, но, подумав, отложила этот разговор на потом.

— Лучше позвоню в бюро ритуальных услуг! — объяснила она Старухе. — Как думаешь, работают они в воскресенье? Вроде бы должны. Ну-ка найди мне телефонную книгу!

— Ты уже и меня в служанки к себе записала! — проворчала Старуха, но справочник все же подала.

Анна примчалась меньше чем через час, глаза ее горели. Виолетта встретила ее на лужайке.

— Мама, дай двести рублей, мне нечем расплатиться с таксистом! С ума сойти, неужели я буду жить в этом доме?

— Анька, да ты совсем сдурела, такие деньги на ветер выбрасывать! Ты что, не могла поймать машину подешевле? А жить будешь не здесь, а в домике для прислуги. И губы не раскатывай. Я тебя сюда вызвала не бездельничать, а за ребенком присматривать.

— Да-а?! — Анна поморщилась. — Ма, ну ты же знаешь, я не люблю детей. Ты ведь говорила, что хочешь выдать меня замуж за Станислава. Мне он нравится, такой симпатичный...

— Не ори, пожалуйста на весь дом! Я пока не решила, как с тобой быть.

Кстати, у Станислава, к твоему сведению, сын и дочь, шести и четырнадцати лет.

Анна пропустила ее слова мимо ушей. Она восхищенно оглядывалась по сторонам.

— Ой, до чего шикарно! Какой фонтан, какая альпийская горка! А гараж, наверное, машин на шесть! Можно, я тут все осмотрю? Я ведь ничего толком не видела, когда приезжала. Ты говорила, в доме и сауна есть, и бассейн.

— Обойдешься, успеешь еще налюбоваться. Бери свои чемоданы, я покажу тебе твою комнату. Приведешь себя в порядок, и пойдём к малышу — знакомиться. Надеюсь, ты языки еще не забыла? Попрактикуешься. И нечего морщить нос! Будешь хорошо работать, сделаю тебя экономкой.

Оставив Анну и Сашуру в детской, Виолетта на цыпочках подкралась к спальне и заглянула, приоткрыв дверь. Она боялась разбудить Стаса, но опасения ее оказались напрасны: он не спал, а сидел, как был, в перепачканных глиной джинсах и кроссовках, на дорогущих шелковых простынях, упершись локтями в колени и спрятав лицо в ладонях. Виолетта тихонько вошла и присела рядом. Ей очень хотелось обнять его за плечи, но она не решилась, что вызвало бурный приступ хохота у Старухи.

— Как вы, Станислав Алексеевич?

Стас не ответил, даже не поднял головы. Виолетта тоже молчала. Старуха бродила по комнате, открывая Тинины ящички и шкатулки,

заглядывала в них, пытаясь привлечь внимание Виолетты к их содержимому, но Виолетте было сейчас не до этого. Внезапно Стас заговорил — глухо, не отрывая ладоней от лица:

— Знаете, когда я был маленький, чуть старше Сашуры, родители купили мне щенка. Забавного такого, белого и лохматого, он смешно тявкал, голосок писклявый... Я назвал его Бимбо. Он подрос, перестал писаться и даже научился приносить палку. А однажды мы с ним гуляли во дворе, он убежал на улицу и попал под машину. До сих пор помню — скрип тормозов, и он лежит на асфальте. Сам белый, а вокруг пятно расплывается — красное и становится черным... Больше я животных не заводил. И детям не покупал, хотя Катька очень просила. Даже хомячка не купил. Никогда не думал, что с Тиной может такое случиться...

Он отнял руки от лица, беспомощно взглянул на Виолетту и вдруг заплакал, точь-в-точь как Сашура — морща нос и роняя крупные слезы. И воспитательница уже не колебалась, обняла его, прижала его голову к своей груди и, с грустью отметив, что в роскошной шевелюре прибавилось седых нитей, стала баюкать, как ребенка:

— Ну-ну! Не плачь. Я здесь, я с тобой. Пройдет время, станет легче.

Отдыхай, сейчас коньячку налью...

В суматохе Виолетта чуть не забыла, что Катя должна вернуться из Франции. Она бы, может, и вовсе не вспомнила об этом неприятном для нее событии, если бы не Галина Ивановна. С утра экономка, как обычно, съездила с водителем на рынок в Жуковку и, разбирая покупки, стала рассказывать Виолетте, какой планируется обед:

— Свекла для борща, капуста, морковка... Свиные отбивные, поглядите, какие хорошие! Катенька будет довольна. И вот банку компотика взяла, вишневого, домашнего, она его просто обожает, и Шурик тоже. Хоть чем-то деточек бедных порадовать, господи боже ж ты мой, горе-то какое...

— Пойдите, Галина Ивановна, вы сказали — Катя?...

— Ну так она же сегодня днем прилетает, разве нет? Вроде говорили в понедельник, в полтретьего, что ли, самолет? Или я чего перепутала, с дурной-то головы?

— Ну ты даешь! — Старуха уже была тут как тут, ходила по кухне, совала любопытный нос во все пакеты и свертки. — Совсем из

головы вон, да?

Хорошо, тетка напомнила, а то девчонка так и сидела бы в аэропорту!

— И ничего бы страшного не случилось! — сердито осадил ее Виолетта. — Она же не одна во Францию ездила, а с подружкой. Привезли бы ее родители подружки, не развалились.

— Так-то оно так, — растерянно проговорила Галина Ивановна. — Да только Катенька ведь ничего еще не знает.

— Ох, извините, это я не вам! — спохватилась Виолетта. — Сама не знаю, что говорю, нервы расшатались.

Стас был не в состоянии куда-то ехать, и встречать Катю отправили Витька. В глубине души Виолетта надеялась, что охранник все расскажет девочке и избавит ее от этой неприятной процедуры, но ничего подобного не произошло. Катя, посвежевшая и дочерна загорелая, но растерянная и с встревоженным лицом, вихрем влетела в гостиную, где сидели на низком диване Виолетта и Стас. На столике перед ним кроме ставшей уже привычной за эти дни бутылки были фрукты, орешки, маленькие бутерброды, но Стас даже не притрагивался к еде. Вид отца — осунувшегося, небритого, с воспаленными глазами, привел девочку в ужас. Она бросилась к нему:

— Папа, что случилось? Что с тобой? И Витька на себя не похож, всю дорогу молчал... Сказал, ты сам мне все объяснишь. Что произошло? Что-нибудь с Сашкой?

— Нет, Катюша, с Сашенькой, слава богу, все в порядке, — ответил Стас, прижимая к себе дочь. — У нас несчастье.

— Какое? Да говори же ты наконец!

— Катенька, просто не знаю, как тебе об этом сказать... В общем... В общем, мамы больше нет.

— Тина? — Катя отстранилась и поглядела в глаза отцу. — Хочешь сказать, что Тина... умерла?

— Она погибла в автокатастрофе. Доченька, родная моя... Стас обнял девочку и снова разрыдался. Катя не плакала. За считанные секунды она как-то повзрослела. Молча переводила взгляд потемневших глаз с отца на Виолетту и обратно, затем осторожно высвободилась и выбежала из комнаты, на ходу вынимая из кармана мобильный телефон.

— Федоровым помчалась звонить! — заключила Старуха, взяла из вазы румяное сочное яблоко и с хрустом надкусила.

Действительно, не прошло и часа, как девочка вновь появилась в гостиной в сопровождении Алексея и Марьяны. Мужчины молча, коротко обнялись, Марьяна быстро взглянула на Виолетту, тотчас отвела взгляд и заплакала, прижимая к себе Катю.

— Я прямо с работы сорвался... — неизвестно зачем сказал Алексей, прервав долгую тягостную паузу.

Старуха вновь наполнила стакан Стаса.

— Папа, расскажи, как все произошло, — тихо попросила Катя.

Виолетта открыла было рот, но девочка решительно осадила ее:

— Я хочу послушать папу, а не вас.

— Эх она тебя! — воскликнула Старуха, придвигая к себе вазочку с орешками.

Рассказ Стаса получился сбивчивым и невнятным, впрочем, от человека в таком состоянии трудно было ожидать чего-то другого. Марьяна, продолжая плакать, тоже налила себе коньяк, Алексей не пил, слушал очень внимательно, то и дело задавая другу вопросы.

— А где ее вещи? — спросила вдруг Катя.

Стас растерянно взглянул на воспитательницу.

— Сергей вчера ездил их забирать и, кажется, положил куда-то в шкаф. Я сейчас принесу. — Виолетта вышла и вскоре вернулась с большим ярко-желтым пакетом. Отодвинув поднос, с которого так никто и не взял ни одного бутерброда, она постелила газету, чтобы не запачкать сажей столик, и стала осторожно выкладывать содержимое: носатый сапожок, полуобгоревшую лайковую куртку, остатки сумочки и зонтика, связку ключей от дома, золотые часы и кулон.

— Ужас какой! — воскликнула Марьяна.

Стас взял кулон и часы, вложил в ладонь дочери:

— Это тебе. На память о маме... — Не выдержал, отвернулся и всхлипнул.

Марьяна тоже зарыдала, глядя на обгорелые клочки сумки: "Господи, это ж я ей подарила на день рождения!.." Виолетта поспешила вернуть вещи в пакет.

— Ты бы тоже поплакала для приличия, что ли... — заметила Старуха.

Вазочка с орешками перед ней почти опустела.

— А когда похороны? — спросил Алексей.

Стас лишь покачал головой и кивнул в сторону Виолетты, мол, все вопросы к ней. Катя с удивлением поглядела на него.

— Послезавтра, — ответила за него гувернантка. — Я сегодня вечером собиралась всем сообщить.

— До сих пор не могу поверить, что Тины больше нет, — простонал Стас. — Не представляю, как мы будем жить без нее?

— Ничего, пап, не беспокойся, это за тебя сделают другие, — сказала Катя, на миг встретившись глазами с Виолеттой. — У нас тут уже, смотрю, новые порядки завелись, новые люди появились... Ладно, Яночка, я буду у себя, приходи. — И, не дожидаясь ответа, девочка поднялась и исчезла за дверью.

В дни перед похоронами Виолетта совсем сбилась с ног и была рада-радешенька, что догадалась вызвать дочь — по крайней мере, ей самой не приходилось возиться с мальчиком. Конечно, воспитательница из Анны была никакая, но она, по крайней мере, избавила Виолетту от забот о нем. Дом словно вымер, прислуга ходила на цыпочках, разговаривала чуть ли не шепотом. Катя совсем не показывалась, даже ела у себя, Стас никого не хотел видеть, и, когда нужно было поговорить с ним о чем-то важном, например попросить денег или выяснить, где могут быть документы на могилу Тининой матери, приходилось тратить немало усилий, чтобы вывести его из состояния прострации. Впрочем, Виолетту это вполне устраивало.

— Так даже лучше, — говорила она Старухе. — Сейчас главное — побыстрее со всем покончить, а уж потом мы с тобой Стасом займемся.

К счастью для Виолетты, агенты ритуального бюро хорошо знали свое дело, и подготовка к похоронам шла гладко. Единственное, что ее смущало, — услуги эти стоили совсем недешево. В общем и целом похороны обошлись в такую сумму, что Виолетта чуть не плакала, каждый раз отдавая деньги, будто платила из собственного кармана. Упрятав Тину в психушку, Виолетта почувствовала себя хозяйкой в доме. Она велела прислуге обращаться по всем вопросам только к ней и, когда звонил телефон, сама брала трубку.

— Простите, пожалуйста, Станислава, — просил звонивший, полагая, что говорит с секретарем или домработницей.

— Извините, но он сейчас не может подойти! — отвечала Виолетта. — А кто его спрашивает?

— Сергей Павлович Бугров, — представлялся звонивший.

— Ох, Сергей Павлович! — произносила Виолетта так, будто всю жизнь была знакома с этим человеком. — Здравствуйте, это Виолетта Анатольевна. Понимаете, у нас в семье такое горе, такое горе! Стас очень переживает, он просто не в себе! Мы так беспокоимся за него! Он не спал несколько ночей, только что принял лекарство и уснул, я уж не стану его будить, хорошо? Как только он проснется, сразу скажу, что вы звонили. Что передать?

Теперь звонивший был уверен, что разговаривал с кем-то из близких родственников.

На похороны Виолетта никого не приглашала.

— Знаете, это такое большое несчастье для нас! — говорила она. — Такой удар для Станислава, для детишек. Мы решили — пусть все пройдет как можно тише и скромнее, надеюсь, вы понимаете?

И звонившие соглашались с ней, хотя в глубине души кто-то, возможно, был удивлен или даже обижен.

Похороны действительно получились скромными и малолюдными. Правда, было множество венков и красивых букетов, присланных клиентами и партнерами Стаса, но собралось едва ли полтора десятка человек — домашние, Федоровы, несколько сотрудников из фирмы да престарелая тетка Тины, — кроме этой тетки и жившей в Австралии младшей сестры, родственников у покойной не было. Гроб, выставленный перед кремацией для прощания, был, естественно, закрыт и почти полностью засыпан цветами. Стас накануне сделал все, чтобы привести себя в норму. Бледный, осунувшийся, но трезвый и гладковыбритый, в новом черном костюме, он плакал над гробом жены, как ребенок. Виолетта цепко держала его под руку, то и дело промокая уголки глаз кружевным белым платочком. Анна в элегантной черной шляпке с вуалью держалась рядом, Катя, не изменившая своему традиционному одеянию (впрочем, на кладбище ее черные джинсы и балахон были вполне уместны), наоборот, стояла особняком. За все время печальной церемонии она не уронила ни слезинки, зато Марьяна, то сжимавшая руку девочки, то кидавшаяся на грудь к мужу, рыдала навзрыд, бормотала что-то бессвязное и после дежурных слов сотрудницы крематория, предложившей попрощаться с

покойницей, вдруг кинулась на гроб подруги с отчаянным криком: "Прости меня! Тиночка, прости, я не хотела!" С ней сделалась настоящая истерика, что вызвало общее замешательство. Алексею пришлось ее увести. Финал мрачно-торжественной церемонии получился смазан.

Наконец роскошный бархатный гроб с телом неизвестной женщины, которой выпала страшная доля быть кремированной дважды, под траурную музыку отправился в свой на этот раз действительно последний путь, и присутствующие покинули зал прощаний. Снаружи уже ожидала своей очереди другая траурная процессия, и все поспешили к своим машинам — приглашенных оказалось так мало, что Виолетте даже удалось сэкономить на автобусе.

Воспитательница пригласила на поминки только Федоровых. А они уехали. — Как же так? — ахнула Галина Ивановна, увидев, что никто из гостей не приехал. — А мы тут стол наготовили, думали, человек двадцать будет. Ну пойдете хоть в узком кругу покойницу помянем, а то нехорошо как-то получается, не по-людски! Станислав Алексеевич, как накрывать-то, всем вместе или вам отдельно, а прислуге отдельно?

— Как Виолетта Анатольевна решит, — отмахнулся Стас, и Виолетта торжествующе переглянулась со Старухой. Это была полная победа.

Однако почивать на лаврах пока было рано, и Виолетта очень скоро в этом убедилась. На другой день после похорон, случайно заглянув после завтрака в свою комнату, она обнаружила там Катю. Девочка нагло осматривала ее одежду, висевшую в шкафу.

Так уж вышло, что дверь в комнату не запиралась. С самого начала Виолетту поселили в бывшей детской. Как-то раз гувернантка заикнулась хозяевам, что хотела бы поставить на дверь замок, но столкнулась с полным непониманием. Супруги дружно изумились, казалось, даже обиделись и так настойчиво принялись расспрашивать, что случилось и что у нее пропало, что Виолетта пожалела о своих словах и вынуждена была отказаться от этой затеи, тем более что в остальных комнатах не было замков. После смерти Тины Виолетта решила, что с этой традицией пора покончить, и собиралась поставить на свою дверь замок, но в суматохе это просто вылетело у нее из

головы. И вот теперь ей пришлось расплачиваться за свою забывчивость. — Что ты здесь делаешь? — спокойно спросила она, тем временем судорожно перебирая в памяти, что такого компрометирующего можно было бы у нее обнаружить. Вроде бы все, не предназначенное для посторонних глаз, спрятано достаточно надежно. Как хорошо, что она не взяла из спальни перламутровую шкатулку, где Тина хранила свои сбережения, а просто вынула из нее деньги!

— Вы взяли Тинино платье. — Это было не вопросом, а утверждением. — Как вы посмели?

— Катя! — Виолетта едва сдержала гнев. — На похороны надо идти в черном, а у меня не было подходящей одежды. В отличие от тебя, я предпочитаю более радостные цвета. Вот и позаимствовала ненадолго платье твоей мамы. Сама понимаешь, спросить у нее разрешения я не могла.

— Ну почему же? — захихикала Старуха. — Позвонила бы в клинику. Так и надо было сказать: Тина, могу я одолжить ваше маленькое черное платье, чтобы надеть его на ваши похороны?

— Позаимствовали и оставили в своем шкафу. Как мило!

— Катя, разве ты не знаешь, что забираться в чужие комнаты и копаться в чужих вещах нехорошо? — не выдержала Виолетта.

— Правда? — Девочка поглядела на нее с совершенно искренним изумлением. — Почему же вы позволяете себе заходить в мою комнату, рыться в моих вещах и читать мой дневник?

— Ты знаешь, что я никогда этого не делала.

— Я знаю, что вы делали это, и неоднократно.

— Послушай, Катя! — Конфликт с девочкой был сейчас совсем не в интересах Виолетты. — Давай не будем ссориться. Я знаю, что ты меня недолюбливаешь, но теперь не время для обид. Нам всем сейчас очень тяжело.

— Это вам-то тяжело? — невесело рассмеялась Катя. — Да вы небось не знаете, каких богов благодарить за то, что Тина попала в аварию. Вы же теперь со своей дочкой все тут к рукам приберете — все, начиная с папы!

Кстати о вашей дочке. С чего вдруг она здесь поселилась? Насколько мне известно, никто ее не нанимал! Только не надо врать,

что она тут в качестве гувернантки. Я же вижу, как она общается с Сашурой!

— Анна здесь, чтобы помогать мне, — холодно отвечала Виолетта.

— Да уж, она вам поможет, не сомневаюсь! Господи, как же я вас ненавижу! Скорей бы уехать в Англию! Очень надеюсь, что, когда вернусь, вас уже тут не будет! — Катя стремительно повернулась и выбежала из комнаты, едва не сбив с ног Старуху.

— Знала бы ты, как я жду твоего отъезда! Дни считаю, еще неделя осталась! — пробурчала ей вслед Виолетта, подходя к шкафу, который Катя так и оставила открытым. — Зря надеешься, мы в этом доме надолго задержимся.

— Поживем — увидим, — философски отвечала Старуха, заглядывая в шкаф через ее плечо. — Ну-ка открой ту створку! Надо же! Ты и шубу хозяйкину забрала! А ну дай померить!

Вскоре раздался еще один тревожный звончок. Вечером приехал Алексей Федоров, один, без Марьяны, но Стас его не принял. После похорон, стоивших ему невероятных усилий, он вновь сорвался, целыми днями просиживал у себя в кабинете, пил и не хотел ни с кем общаться.

Выглянув в окно, Виолетта увидела, что Алексей и Витек разговаривают на дорожке за домом. В общем-то в этом не было ничего удивительного, Федоров и охранник хорошие друзья — оба заядлые рыбаки, страстные автомобилисты и горячие поклонники футбола, причем оба болеют за ЦСКА. При встрече они могли чуть не на час, как выражался сам Алексей, "зацепиться языками", что всегда давало Марьяне и Кирилловым повод для шуток. Но в этот раз их беседа почему-то показалась Виолетте подозрительной, она не на шутку заволновалась.

Кто-то потянул ее за рукав. Виолетта обернулась. Это была Старуха.

— Иди послушай, о чем они говорят! — шепнула она.

Виолетта спустилась вниз, тихонько подкралась и встала за углом. Место оказалось удачным — никто ее не видел, зато отсюда ей было неплохо слышно.

Судя по всему, Виолетта подошла как раз вовремя — речь шла о ней.

— Да достала она уже всех своими порядками, эта домомучительница! Ведет себя так, будто она тут хозяйка! И дочка эта ее... Она-то вообще с каких бананов тут появилась? А тоже ходит, распоряжается, сделай ей то да обеспечь это! И вечно всем недовольна!

Что ответил Алексей, Виолетта не разобрала. Впрочем, это было не так уж важно.

— А Станислав Алексеич который уже день словно не в себе, — продолжал Витек. — Похоже, эти бабы его чем-то опоили!

— Да он сам себя опоил... — На этот раз Алексей отвечал более внятно.

— Знаешь, Леха, я уже подумываю, не уйти ли мне? Вон у меня кореш, Колька Ястребов, тоже бывший мент, детективное агентство открыл, к себе зовет. Но я пока вроде стараюсь — сам понимаешь, там трудно будет, особенно первое время, пока раскрутимся. Клиентов надо искать, то да се... Много не заработаешь. А у меня семья, ты же знаешь, пацан и девчонка.

Что ответил Алексей, Виолетта вновь не разобрала. Из-за угла вылетел горящий окурок, описал в воздухе полукруг и упал у ее ног.

— А еще вот что, — опять послышался голос охранника. — Я все думаю о смерти Тины... Странно это все как-то.

— Ты о чем? — Федоров явно был заинтересован. — Или ей показалось?

— Да понимаешь, фигня какая-то. И уж больно много этой фигни. Какая-то дорога проселочная на какое-то Сукино-Собакино, куда и не ездит-то никто, а она поехала!

— Так заблудилась же! Много ли она ездила, да еще по области!

— Заблудилась... Да с чего вдруг ее вообще понесло черт-те куда, на другой конец географии?

— Объяснили же нам, к бабке поехала!

— Машина загорелась... Тело в головешку превратилось, тебе повезло, ты не видел. А результатов экспертизы нам на руки так и не дали. Черт его знает, может, это вовсе и не она сгорела!

— Ну а вещи-то! И потом, ее же свидетели видели!

— Знаешь, Леха, свидетели иногда такого наговорят!.. Уж ты поверь мне, я пять лет опером был, чего только не наслушался! Да,

кстати, ведь, когда Тина Сергеевна разбилась, этой самой Виолетты как раз не было дома.

— Что-то я не пойму, ты к чему клонишь-то?

— Да ни к чему я не клоню! Просто не нравится мне эта история, вот и все.

Наступило молчание.

— Ладно, поехал я до дому до хаты, — проговорил после паузы Алексей, и Виолетта поспешила покинуть свой пост. Не хватало только, чтобы ее обнаружили.

— Вот черт, — забормотала она, оглядываясь в поисках Старухи, но той почему-то не было рядом. — Этак он неизвестно до чего додумается! Надо от него избавляться, и как можно скорее!

Возвращаясь, она наткнулась на выбегающего из дома Сашуру. Мальчик прижимал к себе целую кучу разноцветных автомобильчиков, то и дело ронял их. За ним лениво плелась Анна, даже не подумав подобрать с земли хоть одну игрушку.

— Анька, ну на кого ты похожа! — напустилась Виолетта на дочь. — Растрепанная, тушь на правом глазу потекла, помада стерлась. Я каждое утро на тебя чуть не целый час трачу, что же мне, еще и днем прикажешь тобой заниматься?! Сашенька, иди поиграй, деточка! А ты, тетеха, быстро приведи себя в порядок! Хорошо еще, Станислав не видел тебя такой.

— Можно подумать, он вообще что-то видит, твой Станислав! — скривилась Анна. — Только пьет с утра до ночи, а ты знай подливаешь! Мало мне было одного мужа-пьяницы!

— Да как ты со мной разговариваешь? — Виолетта еле сдержалась, чтобы не отвесить ей звонкую пощечину. — Ты что, с ума сошла, забыла, чему я тебя учила? Будешь так себя вести, вылетишь из этого дома в два счета! Ишь, распустилась!

— Ладно, прости! — испугалась Анна. — Это я так. Устала, наверное, сама знаешь, как с детьми тяжело... Кстати, Сашка опять сегодня спрашивал, где его мама.

— И что ты ответила?

— Сказала, как ты велела, что она уехала работать в другой город.

Слушай, мам, а может ты для мальчишки гувернантку наймешь, ты вроде обещала? А я лучше по хозяйству буду... Ну пожалуйста, мне так надоело с ним нянчиться...

— Посмотрим на твое поведение! — неопределенно пообещала Виолетта. — И вообще, не до того мне сейчас, своих забот полно! Слушай, ты Старуху не видела?

— Галину Иванну, что ли? Вроде в кухне была.

— О господи! Да, извини.

Виолетта отправилась на поиски Старухи, но той нигде не было. Она обегала весь участок, два этажа старого дома, три нового и, наконец, обнаружила ее на самом верху, в зимнем саду, освещаемом большими окнами, проделанными прямо в крыше. Сидя на бортике декоративного пруда, Старуха болтала в воде ногами и смеялась. В руках у нее был сорванный тут же пышный белый цветок орхидеи. Она обрывала лепестки и бросала их в пруд, любуясь, как, медленно кружа, они садятся на воду.

— Вот ты где! А я уж с ног сбилась, пока тебя искала. Ну что за забаву ты себе нашла, как дитя малое! Мне с тобой поговорить надо.

— Вот как? И о чем, хотелось бы знать? — осведомилась Старуха, не прекращая своего занятия.

— Надо что-то делать со Стасом. — Виолетта хотела присесть на стилизованную под старину скамейку, но передумала и осталась стоять. — Пора приводить его в чувство. Этак он и правда сопьется, а ни мне, ни Аньке он в таком виде не нужен. Сделай с ним что-нибудь!

— Слушай, тебя не поймешь! То хочешь, чтобы он ни о чем не задумывался, то вдруг подавай свеженького как огурчик. Ты уж определись, что тебе надо!

— Да пойми ты, он же бизнесмен! — Виолетта вынула сигарету, щелкнула зажигалкой, закурила. — А в бизнесе каждая минута дорога. Не дай бог, расслабится, упустит волну — и разорится. Что тогда делать?

— Так тебе только деньги от него нужны? — Старуха оторвала последний лепесток и бросила в воду бледно-розовую сердцевинку. — А я-то думала, у тебя любовь.

— Слушай, не зли меня, и без тебя тошно! — Виолетта нервно заходила между кадками с растениями.

— Это ты про охранника, что ли? — Старуха исхитрилась сорвать еще один цветок, на этот раз огненно-красный, и опять принялась за свое занятие. — Ну тут все ясно. От него пора избавляться. Парень думать стал, а это вредно.

— Легко сказать — избавляться, а как?

— Как, как! Мне ли тебя учить? Последи за ним, поймай на чем-нибудь. Человек не ангел, где-нибудь, да согрешит. Ну выпьет там на работе, прикарманил чего-нибудь, мало ли... А ты тут как тут — хвать за руку!

— А ты поможешь?

— Да помогу, помогу, куда я денусь.

— И со Стасом?

— И со Стасом помогу. Что-то, смотрю, ты совсем раскисла, ничего без меня не можешь!

— Устала! — посетовала Виолетта, опустившись на скамейку.

— Ах ты, бедняжечка, — пожалела Старуха, но как-то не очень искренне. — Ну ничего, потерпи. Недолго уже осталось.

Настрой охранника очень не понравился Виолетте, и она решила отнестись к словам Старухи со всей серьезностью. После похорон у нее появилось достаточно свободного времени, и теперь она ходила по дому, контролируя всю прислугу. Витек, разумеется, стал объектом номер один, но за ним она наблюдала тайно — подсматривала, подслушивала и втихаря расспрашивала о нем остальной персонал.

Вскоре ее старания увенчались успехом. Как-то в сумерках Виолетта сидела на веранде; после исчезновения Тины ей все больше не хватало посиделок с ней, и теперь почти каждый вечер, если позволяла погода, она одевалась потеплее и проводила час или два в плетеном кресле, одна или в обществе Старухи. На этот раз с ней никого не было, Виолетта успела выкурить три сигареты и уже собиралась уходить, когда услышала, как на дорожке шуршит мокрый после дождя гравий. Кто-то быстро подходил к веранде. Приглядевшись, Виолетта увидела Старуху. Она была чем-то возбуждена и махала рукой, приглашая следовать за ней. Виолетта поспешила на призыв, и Старуха привела ее к воротам, точнее, к маленькому домику у ворот, где обычно находились охранники. Воспитательница подошла к самой стене и осторожно заглянула внутрь через ярко освещенное окно. В комнате были Витек и Катя, сидевшие рядом на узком диванчике. Девочка уткнулась лицом в мощное плечо охранника, и было ясно, что она горько плачет: худенькие плечи вздрагивали от рыданий. Мужчина осторожно

обнимал ее, ласково гладил по длинным спутавшимся волосам, видимо, пытаясь утешить.

— Тебе ничего не напоминает эта сценка? — ехидно поинтересовалась Старуха.

Виолетта в изумлении обернулась к ней.

— Ну как же! Этот твой директор школы и учителька английского у него в кабинете! — захихикала старая карга. — Забыла уже? А я все помню! Ну-ка пойди сейчас к ним и устрой такой же скандал, как тогда!

Виолетта воспользовалась ее советом. Ворвалась в домик охраны и подняла такой крик, что застигнутые врасплох Витек и Катя буквально онемели.

— Виктор, да как же вы посмели! — Воспитательница орала так, что ее слышали в доме. — Мы вам доверяли, мы вас пустили в семью, а вы воспользовались этим и соблазнили ребенка! Не отпирайтесь, я все видела!

Вы обнимались с девочкой, а ей, к вашему сведению, всего четырнадцать лет! Какая гадость, какая подлость! Ну погодите, я вам устрою! Вы бывший милиционер и сами знаете, что полагается за соращение несовершеннолетних!

— Перестаньте, мы не делали ничего плохого! — попыталась возразить пришедшая в себя Катя, но Виолетта не дала ей договорить:

— А ты вообще молчи! Тебе тоже должно быть стыдно! Совсем соплюшка, а туда же, на кровать со взрослым мужчиной! А делали вы или не делали, скажет врач, к которому мы отправим тебя на обследование!

— Так их, так! — задорно выкрикивала Старуха, будто смотрела спортивный матч.

— Я немедленно расскажу все Станиславу Алексеевичу! — С этими словами Виолетта выскочила вон, навстречу подтягивавшейся к домику охраны изумленной прислуге.

Ей повезло — Стаса она застала в редкий момент просветления. Тот проспал весь день, и теперь проснулся наконец, но выпить еще не успел.

— Станислав Алексеевич, да что же это такое делается! — с порога заголосила Виолетта. — Возьмите себя в руки! А то пока вы

тут расслабляетесь, ваш собственный охранник едва не изнасиловал вашу дочь!

— Катя? Что случилось? Где она, что с ней?! — Стас вскочил на ноги и схватился за голову: — Блин, как башка болит!

— Вот, таблеточку примите! — Виолетта вынула заранее приготовленное импортное лекарство.

Старуха подала стакан воды, воспитательница бросила туда две таблетки и протянула Стасу. Тот послушно выпил.

— Что с Катей? — хрипло спросил он, возвращая стакан.

— Застала ее в домике охраны с Виктором, — сообщила Виолетта. — Обнимались и ворковали, как голубки.

— Витька! Да что за чушь, как он мог?

— Я сама удивилась! Ведь мы ему верили, как к родному относились! А он, оказывается, у вас за спиной... Ну Катя-то понятно, что с нее взять! Она еще ребенок, вот и потеряла голову! Но он-то, он-то каков!

— Черт знает что! — Стас снова приподнялся, но тут дверь распахнулась и в кабинет влетела Катя.

— Папа, она все врет! — закричала она.

— Не ори! — поморщился Стас, вновь хватаясь за голову.

— Хочешь сказать, — тихо и внятно проговорила Виолетта, — что не была в объятиях Виктора? Не висла на нем?

— Вы передергиваете, все было совсем не так!

— Вот что, с тобой я потом поговорю! — отвернулся от дочери Стас. — Иди в свою комнату и носа оттуда не смей показывать, слышишь! А Виктора немедленно позовите сюда!

Катя хотела что-то сказать, но сдержалась, с ненавистью поглядела на Виолетту и убежала.

— Повезло тебе, что она не василиск! — захихикала Старуха. — И не эта, не "воспламеняющая взглядом". А то обгорела бы ты не хуже той дамочки, что в морге заменила Тину!

— Замолчи! — огрызнулась Виолетта.

Стас удивленно посмотрел на нее:

— Вы это кому? Никто ничего не сказал.

— Извините, это я так... На нервной почве, — смешалась воспитательница.

— Расскажите толком, что там у них произошло! — попросил Стас.

Едва Виолетта закончила свою обличительную речь, как раздался робкий стук в дверь, и на пороге появился совершенно потерянный Витек.

— Станислав Алексеевич, позвольте вам все объяснить!..

— Не нужно мне ничего объяснять! — жестко отвечал Стас. — Уж от кого, от кого, а от тебя я никак не ожидал удара в спину!

— Но, Станислав Алексеевич, вы все не так поняли! У меня и в мыслях не было...

— А пусть поклянется своими детьми! — предложила Виолетта, рассматривая свой маникюр. — Если ничего не было, пусть так и скажет: клянусь здоровьем детей, что не только не обнимал девочку, но даже пальцем до нее не дотронулся. — Она заметила, что лак на мизинце левой руки наполовину облез.

— Нет, я правда ее обнял, но она так плакала...

— Вот что, Виктор, — глухо проговорил Стас, морщась от головной боли. — Ты уволен, убирайся вон из моего дома! Очень надеюсь, что у вас действительно дело не зашло далеко. Но если я узнаю, что между вами было хоть что-то, повторяю, хоть что-то, я тебя из-под земли найду и убью, понял?! Собственными руками!

— Понял, — хмуро сказал Виктор, поднялся и вышел, даже не взглянув на Виолетту.

Едва дверь за охранником закрылась, Стас застонал и снова прижал ладони к вискам. Виолетта тотчас присела рядом с ним, обхватила его голову.

— Больно? Бедненький мой! Потерпи, скоро лекарство подействует, станет лучше... И пора потихонечку браться за ум, правда?

— Да, верно, надо бросать пить... Господи, как больно-то! Будто шар свинцовый внутри катается!

В дверь опять постучали, и Виолетта поспешила отодвинуться на другой конец дивана. На этот раз пришла Галина Ивановна. Лицо женщины так и пылало гневом.

— Оно, может, конечно, и не мое дело, — заговорила она, тоже неодобрительно поглядывая на Виолетту, — только воля ваша, Станислав Алексеевич, нехорошо вы поступаете. Витенька, он парень

хороший, это все знают, да и вы сами знаете, чай, не первый год он вам служит. Мало ли чего вам про него наговорили! Так разобраться сначала надо, а вы сразу, не рассудив, кто прав, кто виноват, гоните парня из дома. Да что за глупости такие, что у них с Катенькой может быть, она ж еще дите несмышленное! А у Вити жена молодая, красавица, да ребятишек двое. Чем он теперь их кормить будет? Жена у него не работает... Вы бы хоть зарплату ему выдали, месяц-то уже кончается.

— Зарплату! Пусть скажет спасибо, что его в тюрьму не посадили за такие вещи! — возмутилась Виолетта. — И вообще, оставьте Станислава Алексеевича в покое — не видите, что ему нехорошо?

— Да я вижу! Я многое вижу! — не выдержала Галина Ивановна. — Коли на то пошло, я уж все скажу! Как не стало Тины Сергеевны, в доме вообще бог знает что творится! Вы тут свои порядки установили, а по какому праву? Я в этом доме восьмой год работаю, все хозяйство всегда вела — с какой стати я должна вас слушаться? Вы, между прочим, тут никто, нянька для Сашеньки! Служите без году неделя, а уже хозяйку из себя строите!

— Галина Ивановна, не кричите, пожалуйста! — спокойно попросила Виолетта. — У Станислава Алексеевича голова болит.

— Еще бы не болела, коли вы его спаиваете! Лучше бы за ребенком глядели! Мальчик совсем беспризорный бегаёт, никому до него дела нет! На днях вот, уборщица говорила, кто-то в оранжерее цветы пооборвал и в воду покидал, а цветы эти, между прочим, Тина Сергеевна специально из-за границы выписывала, кучу денег за них заплатила! Ребенок неизвестно чем балуется, а вам и невдомек!

— Галина Ивановна, немедленно прекратите скандал! Лучше пойдите и займитесь своей работой! — Виолетте порядком надоел этот разговор. — Или вы тоже хотите вылететь из этого дома следом за вашим протеже? Так вас никто не держит, скатертью дорога!

— Станислав Алексеевич! — Экономка призвала на помощь хозяина, но тот только отмахнулся: "Уйдите, не сейчас!" И побежденная Галина Ивановна с позором покинула поле битвы, а Виолетта вновь принялась хлопотать вокруг Стаса. Вместе со Старухой они заставили его лечь на диван, поправили подушку, укрыли пледом.

— Надо немного поспать, поспать! — уговаривала его Виолетта. — А проснетесь — и все будет в порядке. Может, даже на работу сможете съездить...

Виолетта оказалась права. Проснувшись утром, Стас впервые за эти дни не потянулся за бутылкой, а отправился, как прежде, в тренажерный зал, окунулся в бассейне, принял контрастный душ и к середине дня уже пришел в себя настолько, что решил съездить на работу.

— Ну слава тебе, господи! — сказала Виолетта, проводив взглядом удаляющийся черный джип, и поспешила вернуться к своим обязанностям — после ухода Галины Ивановны забот у нее прибавилось. Первым делом нужно было сделать один важный звонок, и Виолетта отправилась к себе во флигель.

— Как же надоело бегать из дома в дом по любому пустяку! — пожаловалась она Старухе, перебирая свои бумаги. — Да и несолидно мне жить в одном помещении с прислугой, ты не находишь?

— Хочешь перебраться в большой дом? — усмехнулась Старуха. — И где же ты собираешься поселиться? В супружеской спальне, что ли?

— Там посмотрим, комнат много... Ладно, сперва проводим девчонку, а потом будем решать вопрос с переездом. Черт, куда же оно могло запропасться?

— А что ты ищешь-то?

— Да объявление... Ах вот же оно! — Виолетта вытащила вырезанный из газеты клочок и набрала номер: — Алло! Это агентство "Под крышей дома твоего"? Ульяна, если не ошибаюсь? Вы, наверное, меня помните, я была у вас весной, интересовалась вакансией гувернантки в семье Кирилловых. Да-да. Вы знаете, я теперь живу в этом доме, и нам опять нужна гувернантка. Могу я поговорить с вашим генеральным директором, как бишь ее? Ольга Евгеньевна? Ну пускай будет Ольга Евгеньевна. Здравствуйте, это говорят от Станислава Кириллова. Нам нужна хорошая гувернантка, и немедленно. Конечно, я знакома с вашими условиями. Могу заплатить и больше, потому что заказ срочный. Хорошо. Буду ждать вашего звонка.

Теперь, когда Виолетта выступала в роли клиента, а не просительницы, «генеральша» отнеслась к ней совсем по-другому. Уже после обеда в доме появилось несколько кандидаток, и Виолетта

тотчас отобрала одну из них — не очень молодую. Та сразу же согласилась не сообщать об их договоре в агентство. Женщина пообещала завтра же приступить к работе, а Виолетта не поленилась еще раз позвонить в агентство и как следует пропесочила самоуверенную девицу — что за людей она присылает, это же кошмар какой-то! За те деньги, которые Виолетта обещала ей заплатить, можно и получше относиться к работе.

Минули девять дней, постепенно утихли звонки и иссякли письма с соболезнованиями. Жизнь постепенно стала налаживаться. Стас исправно ходил на работу, где отсутствие Тины почти не ощущалось: ее обязанности передали другому главному архитектору, тот отлично справлялся, и все шло своим чередом. А дома Виолетта и Анна стремились сделать все, чтобы отвлечь его от грустных мыслей. Немало помогали этому и хлопоты по сбору Кати — день отъезда девочки на учебу в Англию стремительно приближался.

Саму Катю это обстоятельство совершенно не радовало. Первое время она, выбитая из колеи общей обстановкой и войной с Виолеттой, даже мечтала о своей поездке, но чем ближе было первое сентября, тем меньше и меньше ей хотелось уезжать. Домоседка по природе своей, не слишком общительная, Катя с опаской думала о предстоящей жизни в далекой стране, где не будет ни одного не то что близкого, но даже мало-мальски знакомого человека, где все говорят на чужом языке и живут по иным, чуждым и непонятным законам.

Но и дома ей было нелегко. После истории с Витьком между ней и отцом пробежала черная кошка, они почти не разговаривали. Хуже всего было то, что собственно сборами, как раньше выбором школы, опять-таки занималась Виолетта. Катя несколько раз звонила Марьяне, но старшая подруга, как утверждал Алексей, болела, не подходила к телефону и не появлялась у них дома. Что с ней случилось, девочка не понимала. Ей не оставалось ничего другого, как ездить по магазинам в сопровождении Виолетты, которая контролировала каждую покупку. Накануне отъезда домомучительница лично уложила ее чемоданы, проверив по списку одежду, обувь, белье и все прочее. Катю буквально трясло, когда руки этой ненавистой женщины прикасались к ее вещам.

В день отъезда рано утром Катя прокралась в комнату брата, обняла его, спящего, и горько заплакала.

— Мама, это ты? — пробормотал Сашура спросонья. — Катька...
А я думал, мама вернулась. Ты чего ревешь?

— Санечка, миленький, я уезжаю!

— А, ну давай! А ракушек мне привезешь?

— Нет, не привезу, — всхлипнула Катя. — Там нет ракушек. Я привезу тебе большой красный автобус, двухэтажный.

— Ну так и быть, привези автобус! — согласился мальчик. — А я еще посплю, ладно? Мне такой хороший сон снился...

Катя вернулась к себе, прощальным взглядом обвела комнату. Без портретов на стенах (несмотря на протесты и ехидные замечания гувернантки, она все-таки ухитрилась сунуть их в один из чемоданов) она казалась голой, пустой и чужой. Как-то встретит ее новая комната, там, в Англии? Разрешат ли повесить на стене постеры? Вместе с ней в спальне будут еще три девочки. Неизвестно какие. А вдруг вредные и стервозные? Возненавидят ее, будут доводить — а ей придется общаться с ними и днем и ночью?

Она всхлипнула, прижав к себе любимого облезлого медвежонка — единственную игрушку, которая у нее оставалась со времен уже такого далекого детства. А что будет тут, в доме? С папой, с Сашкой? Что устроят тут без нее эти две ведьмы?

— Екатерина Станиславовна, пора! — постучал в дверь новый охранник Андрей. Он называл ее на «вы» и по имени-отчеству, словно Катя вдруг стала взрослой, но это девочку несколько не радовало. Людей, которые знали ее маленькой, с каждым днем становилось все меньше. Бабушка и Тина умерли, Витю и Галину Ивановну выгнали, с папой и Марьяной творилось что-то непонятное. Катя вдруг поняла, что осталась совсем одна, одна в целом свете.

— Пошли! — сказала она Андрею.

Он взял чемоданы, она рюкзак, и они двинулись вниз. В холле их уже поджидали Стас и Виолетта, стоявшие рядом, плечо к плечу. Виолетта заняла место Тины...

— Ну, готова? — Стас мельком взглянул на дочь. — Не переживай, все будет хорошо. Тебя встретят прямо в аэропорту.

— Ты все взяла, ничего не забыла? — спросила Виолетта, изображая заботливость. Но Катя даже не удостоила ее ответом.

— А ты что, не проводишь меня? — спросила она отца, одетого в спортивный костюм.

— Нет, малыш, извини, никак не получится. У меня на десять утра назначена встреча с очень важным клиентом. Опаздывать нельзя.

— Ну, присядем на дорожку, а то время-то идет, — торопила Виолетта.

Все сели, и наступило молчание. Но тут тишину взорвал звонкий крик и топот босых ног. Сашура, как был, в пижаме, бегом скатился с лестницы и с размаху повис у сестры на шее.

— Катька! — кричал он. — Не уезжай! Останься со мной! Все уезжают, бросают меня! Сначала мама, теперь ты! Не хочу!

— Господи, ну что же это такое! — возмутилась Виолетта. — Где же гувернантка, почему не смотрит за ребенком?!

— Спит она! — буркнула Катя, прижимая к себе братика. — Сейчас половина седьмого утра. Все нормальные люди спят. Не плачь, Сашенька, не плачь, маленький. Я скоро вернусь, и все будет хорошо.

Общими усилиями ребенка удалось успокоить. Стас взял его на руки, Катя поднялась, подхватила свой рюкзак и поспешила к выходу.

— Поехали, а то опоздаем!

Охранник двинулся за ней, Виолетта и Стас с сыном на руках проводили их до ворот. Машина уже скрылась из виду, а Сашура все глядел вслед, махал рукой и продолжал кричать во весь голос:

— Катя! Я тебя люблю! Я буду тебя ждать! Приезжай скорей!

Вернувшись к себе, Виолетта в изнеможении упала в кресло, схватилась за сигарету, жадно затянулась несколько раз и только потом произнесла:

— Ну наконец-то! Господи, я уж думала, никогда не дождусь этой счастливой минуты!

— Не радуйся прежде времени! — захихикала Старуха. Она сидела на подоконнике и пускала в окно мыльные пузыри через соломинку для коктейля. — А ну как она с полдороги вернется!

— Ой, не каркай! — отмахнулась Виолетта. — Лучше скажи, что мне надеть. Я должна кардинально сменить имидж. Долой очки и строгие костюмы! Я хочу выглядеть женственно и сексуально! Как ты думаешь, бордовое платье для первого раза подойдет?

Виолетта открыла шкаф и принялась перебирать висевшие на плечиках вещи.

— Куда же я его дела? А, вот же оно, висит рядом с ветровкой. А что это там тяжелое в кармане? Вот черт, это же ключи от Тининой

машины!

Действительно, в кармане ветровки, которая не попадалась Виолетте на глаза с того памятного дня, обнаружились ключи от «пежо» на фирменном брелке. Виолетта о них просто забыла!

— Ну ты даешь! — Старуха даже пузыри свои бросила. — Хорошо, что кто-нибудь другой не нашел! А еще лучше, что никому в голову не пришло задаться вопросом: а где же ключи от машины? От дома-то ключи есть, а от машины нет.

— Да, ты права, это досадная оплошность! Что же теперь делать? Может, потихоньку подкинуть их в пакет с остальными вещами?

Старуха покачала головой:

— Не стоит! Они такие новехонькие, блестящие... Да и потом, эти вещи все видели, и не раз. А ну как кто-нибудь вспомнит, что никаких ключей от машины там раньше не было! Лучше выбрось их от греха подальше!

— Ладно! — Виолетта уже облачилась в бордовое платье, села в кресло и стала накладывать макияж.

Старуха спрыгнула с подоконника, подошла к столику перед зеркалом, открыла шкатулку с украшениями и принялась их примерять.

— Посмотри, какой браслетик! — Она вытянула перед самым носом Виолетты морщинистую руку, украшенную серебряной змейкой. — Просто загляденье!

— Ты что, с ума сошла! — ахнула Виолетта и даже рассыпала румяна. — Это же браслет Тины! Зачем ты его взяла?

— А зачем он теперь Тине? — хохотнула Старуха. — Ладно, не бухти! Расскажи лучше, как дальше жить собираешься.

— Ты о чем? — Виолетта обмакнула ватную палочку в гель и аккуратно стерла с века излишек теней.

— Да о Стасе. Он теперь у нас мужчина свободный, жена в могиле, то есть в психушке, дочь за границей. Бабы на него полетят как мухи на мед — жених-то завидный!

— Без тебя знаю! — огрызнулась Виолетта. Рука у нее дернулась, и левый глаз получился смазанным. — Ты лучше посоветуй, что делать.

— Я так думаю, надо его женить! — Старуха унизала свои скрюченные пальцы Виолеттиными и Тиниными кольцами и

залюбовалась своими руками.

— На ком?

— Да не на тебе, не мечтай! Это будет уж слишком! На Анне. Ну по крайней мере для начала!

— Ты думаешь?... — Виолетта поглядела на нее из-за пудреницы.

— Уверена! И действовать надо срочно, пока кто-нибудь его не охомутал!

На этот раз Виолетта решила последовать ее совету без особого удовольствия. Но делать нечего — не признать правоту Старухи она не могла. Стас уже перестал пить, успокоился, вот-вот придет в себя и в любую минуту может увлечься какой-нибудь вертихвосткой, та вцепится в него — и все усилия Виолетты пойдут псу под хвост. Допустить этого нельзя, и Виолетта решила действовать. Сразу после завтрака она следом за хозяином спустилась вниз на улицу и остановила его по дороге к гаражу:

— Станислав, можно вас на два слова?

— Да, конечно! — Он тепло взглянул на нее. (Эх, до чего же хорош! Слишком хорош для этой тетехи!)

— У меня к вам не совсем обычная просьба!

— Я слушаю, Виолетта, постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Видите ли, речь идет об Анне. — Виолетта слегка замялась, опустила глаза, отшвырнула ногой с дорожки первый желтый лист. — У нее случилась неприятность. Конечно, с вашей бедой это ни в какое сравнение не идет, но девочка очень переживает! Помните, я говорила, что у нее был жених, бизнесмен?

— Да, конечно, помню, владелец яхты! — Стас переложил из руки в руку элегантный кожаный портфель для документов.

— Так вот, он оказался подлецом. Не хочу вас обременять подробностями этой неприятной истории, но... В общем, Анне пришлось с ним расстаться. И теперь она очень переживает.

— Но что я могу сделать? Только посоветовать!

— Видите ли, Станислав, извините за дерзость... — Виолетта нежно взяла его за руку и заглянула в глаза. — Не могли бы вы ее немного отвлечь? Скажем, пригласить куда-нибудь, на выставку или в кафе. Да и вам не помешает немного развеяться.

— Спасибо, Виолетта! — тихо произнес Стас. Виолетта с недоумением взглянула на него. — Вы ведь придумали это для меня, правда? Дело не в Анне, а во мне? Вы хотите помочь мне выйти из депрессии? Пожалуй, вы правы. Жизнь продолжается, нельзя замыкаться в своем горе.

Виолетта лишь неопределенно пожала плечами. Такой поворот событий оказался совершенно неожиданным для нее, и она не могла понять, хорошо это или плохо. Слова Стаса разрешили все ее сомнения.

— Я очень благодарен вам за все, что вы сделали для меня и для всей нашей семьи! — сказал он и в свою очередь сжал руку Виолетты. — Просто не знаю, как бы я пережил все это без вас. Конечно, я завтра же схожу с вашей дочерью в ресторан, в самый лучший. Анна мне симпатична, и я с удовольствием сделаю для нее что-то приятное. До свидания, до вечера!

Он отвернулся и зашагал к машине, а Виолетта побрела домой. В очередной раз она добилась своей цели, но это ее несколько не обрадовало.

Алексею снилось, будто он мчится в гоночном автомобиле по пустынной проселочной дороге. Машина набирает скорость, ветер свистит в ушах, столбы и деревья за окнами проносятся все быстрее и быстрее и в конце концов сливаются в сплошное дрожащее пятно. А скорость все нарастает, и Алексей не может ее сбавить — в машине нет ни руля, ни приборов, ни рычагов, а вместо автомобильных педалей под ногами педали от пианино. Алексей в отчаянии жмет на них, он слышит звон, треск, грохот, машина катится вниз под откос и вот-вот взорвется. Он в ужасе закричал... и... проснулся. Сев на постели, несколько минут приходил в себя, стараясь унять бешено бьющееся сердце. Кошмар отступил. Он находится в своей уютной спальне, на мягкой постели, за окном темно, Марьяны рядом нет. Но звон и грохот не утихают. Это уже не сон, а явь. Алексей встал и, как был, в одних трусах, поспешил на шум, доносившийся из самой дальней комнаты за кухней, которую жена оборудовала для своих оккультных экспериментов. Алексей распахнул дверь и замер на пороге, ошеломленный увиденным.

Марьяна в вышитой ночной рубашке, порванной и залитой чем-то темным, ломала свои колдовские причиндалы. Все вокруг было

раскучено, пол усыпан осколками цветного стекла и обожженной глины, усеян сухими травами и раздавленными цветными свечами. Посреди комнаты валялся большой хрустальный шар, который Марьяна с каким-то остервенением колотила железным молоточком для отбивания мяса. Шар потускнел, пошел трещинами, но оставался цел и все норовил отскочить в сторону, его звон и разбудил Алексея.

— Янка, ты что?! — воскликнул Федоров и несколько раз чихнул: от запаха трав, ароматических масел и благовоний было трудно дышать.

Марьяна обернулась к нему, и Алексей с ужасом увидел в ее глазах безумие.

— Это я ее убила, я! — закричала она. — Я во всем виновата! Я погубила ее своим колдовством! Нет мне прощения!

Леша схватил жену в охапку и потащил в ванную. Это было непросто: Марьяна, женщина крупная и сильная, отчаянно сопротивлялась, но Алексей все-таки справился с ней, кое-как доволок до ванной и сунул под холодный душ. Марьяна еще громче завопила, забилась в его руках.

— Да тише ты, Янка, — прикрикнул на нее Алексей, — всех соседей перебудешь! Господи, неужели у тебя опять это началось!

Марьяна немного успокоилась, затихла, обмякла. Алексей разорвал на ней насквозь мокрую рубашку, завернул жену в махровую простыню, подхватил на руки, отнес в спальню и положил на кровать.

— Лежи спокойно! — приказал он, а сам вернулся в ванную и вытащил из аптечки успокоительное. Он так надеялся, что оно никогда больше не понадобится...

Марьяна забилась в угол кровати и испуганно глядела на мужа. Бледная, с растрепанными мокрыми волосами, она выглядела ужасно, но, к счастью, больше уже не казалась безумной.

— Ну вот умница, молодец! — похвалил Алексей, когда Марьяна покорно приняла лекарство. Он ласково привлек к себе жену, она разрыдалась в его объятиях, и он понял, что самое страшное позади. — Ну будет, будет, котенок, все хорошо, я с тобой! — Он принялся вытирать волосы и тело жены простыней. — Надо же, у тебя кровь на ноге, не иначе на стекло наступила.

Дай перекисью промой. Как же ты меня напугала! Знаешь, на кого ты была похожа? На Маргариту в квартире критика Латунского.

Даже жаровню свою погнула! И откуда у тебя такая силища? Ну, все в порядке, успокоилась?

— Нет, Лешенька, ничего не в порядке! — снова всхлипнула Марьяна. — Знаешь, ведь это я виновата в смерти Тины!

Алексей поднялся и нервно заходил по комнате:

— Марьянка, ведь я тебе уже говорил, что слышать об этом не хочу! Ну как ты можешь быть виновата в ее смерти? Ну да, желала ей зла. И что? Я тоже Стасу зла желал, особенно когда он у меня проект гимназии перехватил.

Знаешь, если бы все плохое, что мы кому-то желаем, сбывалось, на Земле бы уже не осталось ни живых, ни здоровых.

— Нет, Леш, все гораздо серьезнее, ты же не знаешь... Я не просто желала ей зла, я своими руками все сделала! Для этого и Виолетту наняла. Но я не знала, что так получится, не хотела...

— Стоп-стоп-стоп! Не плачь, говори толком. Что ты сделала с Тиной? — Алексей сел на кровать и заглянул жене в глаза.

— Леша, я наколдовала ей смерть! — призналась Марьяна, пряча лицо в ладонях. — О господи, ну зачем я это сделала! Ведь говорил же Учитель, что ни в коем случае нельзя не умеючи использовать магию, тем более черную! А я стала ворожить, вот и выпустила злые силы на свободу. И они убили Тину!

— Да подожди ты плакать, Янка! — Алексей ничего не мог понять. То ли у жены и правда снесло крышу на почве ее увлечений, то ли в ее словах есть доля здравого смысла. — Ну-ка объясни мне все подробно. Что ты сделала? И при чем тут Виолетта?

— Мне давно надо было тебе рассказать, — проговорила Марьяна, глядя куда-то в угол. Похоже, лекарство начало действовать. — Видишь ли, Леша, я давно затаила зло на Тину. Еще когда она отбила у меня Стаса. Ты не думай, мне на него давно наплевать. Мне никто, кроме тебя, не нужен, тем более он. Но все равно ведь это подло с ее стороны! Мы были подругами, я с ней делилась, а она упростила Краснопольского, ну их научного руководителя, дать им общее дипломное задание! Вот и охмурила его!

— Я об этом не знал, — нахмурился Алексей.

— И я не знала. Мне уже после свадьбы девочки рассказали. Но это только начало. Понимаешь, все эти годы она над нами просто издевалась! И та история с залом игровых автоматов, и все

остальное... Стас тут был ни при чем, все она! А как она хвасталась своим богатством, как тыкала мне его в нос, а сама, можно сказать, украла его у нас! А потом еще дети... Ну почему так получилось, почему?! У меня их нет, хотя я очень хотела, а у нее двое, но они были ей не нужны!..

— Ну успокойся, успокойся! — Алексей опасался, как бы приступ не повторился. — Давай больше не будем об этом!

— Нет, будем! — Марьяна упрямо тряхнула мокрыми волосами. — Я должна все-все тебе рассказать, коли уж начала. Помнишь, как мы тогда, в мае, приехали посмотреть на ее новый дом? А потом ты узнал про этот злосчастный конкурс на проект гимназии? Именно тогда я и решила отомстить ей.

— Как же ты собиралась ей мстить? — устало поинтересовался Алексей. Ничего себе разговорчик в половине четвертого утра!

— Я хотела навести на нее порчу! — на полном серьезе ответила Марьяна. — Сделать отворот, поссорить ее со Стасом, даже развести их. Думала, детям от этого будет только лучше. Они остались бы с отцом, а Стас женился бы на какой-нибудь нормальной женщине, которая любила бы их сильнее, чем родная мать. А Тина осталась бы ни с чем. Без мужа, без богатства, без работы — ведь не такой уж она классный специалист, каким воображала себя! Без Стаса да без нашей с тобой стартовой платформы, которую мы им дали, ей бы ни в жизнь не заработать таких денег! Дай мне, пожалуйста, сигарету!

Леша отыскал в ее сумочке пачку «Vog», поднес зажигалку, Марьяна жадно затянулась.

— Я подумала: пусть к ней вернется все то зло, которое она мне причинила! Но мне в голову не могло прийти, что все обернется так!..

— Допустим, но при чем тут Виолетта?

— Я наняла ее, чтобы она мне помогала.

— И что она делала? — Леша тоже закурил и придвинул пепельницу поближе к кровати.

— Ну, например, она привезла мне волосы Тины. Я слепила восковую куклу с ее волосами и сделала отворот.

— И этим роль Виолетты ограничилась?

— Да что ты, нет, конечно! Она там столько всего наворотила!

— А именно? — Алексей не на шутку встревожился.

— Знаешь, она с таким энтузиазмом откликнулась на мое предложение, что я даже удивилась! — призналась Марьяна. К счастью, она почти совсем успокоилась, лекарство все-таки помогло. — Такие интриги плела, что я только диву давалась! Тине лапшу на уши вешала, чтобы та заподозрила Стаса в измене. С дочерью своей его познакомила, сосватать хотела. Из кожи вон лезла. Словом, делала все, чтобы вбить клин между Тиной и Стасом. Сейчас-то я понимаю, что она для себя старалась!

— А раньше не понимала?

— Разумеется, нет, ведь я ей платила!

— И много? — поинтересовался он, гася сигарету.

— Пятьсот в месяц.

Алексей присвистнул:

— Да-а, сильно же ты ненавидела Тину!

— Так сильно, что убила ее! — вздохнула Марьяна. К счастью, плакать у нее уже не было сил.

— Перестань! — Алексей ласково погладил обнаженные руки жены. — Ты уже большая девочка, находишься в здравом уме и отлично понимаешь, что убить человека ни ненавистью, ни твоим дурацким колдовством нельзя, это просто смешно!

— Но ведь Тина умерла!

— Это был несчастный случай! Или...

— Что ты хочешь сказать?

— Пока ничего. Но Виктор прав — в этой истории слишком много непонятного. Особенно роль Виолетты. Если бы Тину убили, никто бы не сомневался, что это дело ее рук.

— Но ведь она попала в аварию! Не могла же Виолетта столкнуть ее машину с дороги!

— Да, не могла... — Алексей поднялся и вновь заходил по комнате.

Марьяна с тревогой наблюдала за ним. Он дождался, пока она докурит сигарету, вынес из комнаты пепельницу и, вернувшись, с улыбкой сказал:

— Знаешь что, давай-ка спать! У тебя, я вижу, глаза слипаются.

Марьяна не стала спорить и через несколько минут уже сладко посапывала, свернувшись калачиком в объятиях мужа. Алексей так и не уснул. Лежал, боясь шевельнуться, разбудить Марьяну, и смотрел в

просвет между шторами, как занимается за окном серый арбатский рассвет.

Конечно же повесить в спальне постеры Кате не разрешили. Порядки в школе, где ей предстояло учиться, оказались настолько строгими, что у девочки возникло подозрение — не специально ли Виолетта выбрала для нее учебное заведение, больше похожее на тюрьму?

Школа находилась в Солсбери, в живописном месте, в двух часах езды от Лондона, но познакомиться с местными достопримечательностями Кате так и не удалось: сразу из аэропорта ее привезли сюда и с тех пор ни разу не разрешили выйти за пределы территории.

Ей все здесь не нравилось: вечное свинцовое небо, и постоянные дожди, туманы и промозглость, и тяжелые викторианские здания учебных и жилых корпусов, где было холодно и сыро. Педагоги и учащиеся — чужие, неприветливые, первое время смотрели на Катю, как дикари на Миклухо-Маклая, и вскоре она уже выла от дурацких вопросов: правда ли, что у нее на родине все поголовно пьют водку и круглый год стоят трескучие морозы?

"Нет! — стиснув зубы, отвечала Катя. — И медведи по улицам тоже не ходят". Отвязались от нее лишь после конфликта с соседкой по комнате, американкой Уитни. Та назвала Россию отсталой и нищей страной, Катя не стала опускаться до уровня "сам дурак!", а просто послала американку куда подальше. Уитни тут же пожаловалась воспитательнице, сухощавой даме с выпученными глазами, которую Катя сразу же прозвала про себя Вяленой Воблой. Девочку из России наказали, но оставили наконец в покое.

Кроме беспардонной ябеды Уитни соседками по комнате были еще сестры-близняшки Сара и Кора, тусклые, бесцветные. Катю они просто не замечали, да и сама она не слишком стремилась к общению с ними. Из двадцати одноклассниц ей по-настоящему нравилась только одна — симпатичная носастенькая хохотушка из Чехии с труднопроизносимой фамилией, состоящей чуть ли не из одних согласных, но дружба с ней была немислима, поскольку девочки принадлежали к разным отделениям. Этого странного деления общежитий, постоянного соперничества и даже вражды между ними не только не осуждаемых, но даже подогреваемых педагогами, Катя

никак не могла понять. Ей представлялось, что делить всех на "свой — чужой" можно в зависимости от характера или чего-либо другого, но уж во всяком случае не от того, в каком из мрачных, серых, похожих друг на друга как две капли воды корпусов человек проводит вечера и ночи. За свое отделение принято было стоять горой, а первенство, особенно в спортивных соревнованиях, считалось для каждого из трех общежитий делом чести. Спорта Катя вообще не любила, поскольку была слабенькой — в мать — и болезненной. Но в этой школе физической подготовке уделялось огромное внимание. Катя попробовала ездить верхом, но лошадь попала с норовом, девочка ее боялась, и в результате ноги и бедра были у нее в синяках. Пришлось отказаться от верховой езды и заняться теннисом, гимнастикой и легкой атлетикой.

Учиться оказалось тоже нелегко. Хотя уровень ее знаний во многом оказался выше, чем у остальных, языком она владела не настолько хорошо, чтобы понимать быструю разговорную речь.

Всех учениц, кроме старшеклассниц, заставляли носить школьную форму, дурацкую юбку в складку и клетчатый пиджак. Катя, дома не вылезавшая из джинсов, чувствовала себя неуютно и постоянно мерзла. Но самым тяжелым испытанием оказалась необходимость постоянно, ежесекундно находиться в обществе других людей. Спальни здесь были на несколько человек, ели одновременно всей школой в большой столовой, домашние задания делали в общих классах, отдыхали обязательно вместе, по крайней мере в одних помещениях. Единый для всех насыщенный график не оставлял девочкам ни минуты личного времени, ни малейшей возможности побыть в одиночестве. Здесь даже мылись в общем душе, туалетные кабинки закрывались так, чтобы были видны головы и ноги. Все эти дурацкие правила были для Кати настоящей пыткой, и она из чувства протеста то и дело их нарушала, за что ее постоянно наказывали.

Будучи «совой», полуночницей, Катя дома ложилась спать поздно, не раньше двенадцати, утром поднималась с огромным трудом и в выходные спала до полудня. Здесь же и в будни, и в праздники девочек поднимали в шесть часов, а отбой был в девять. После этого уже нельзя было ни зажечь лампу и почитать, ни встать с кровати — ябеда-американка тут же настучала бы об этом Вяленой Вобле. И Кате приходилось укладываться одновременно со всеми, она часами

ворочалась без сна на жесткой спартанской постели, вставала с головной болью и целыми днями ходить сонная.

Впрочем, эти долгие вечерние часы в темноте были единственным временем, когда Катя принадлежала сама себе, когда за ней никто не наблюдал и не отвлекал от собственных сокровенных мыслей. Каждый раз, укладываясь в кровать, Катя мысленно возвращалась домой, прокручивая в голове свою прежнюю, не слишком богатую событиями жизнь. Вспоминала детство, старую квартиру, казавшуюся по малолетству огромной, и нынешний родной дом, бабушку, когда та еще была жива, Марьяну, Тину, Сашуру, отца, Витька. На глаза наворачивались слезы, и она спешила зарыться лицом в подушку, чтобы соседки не услышали, как она плачет. Теперь, вдали ото всего, что раньше было привычным, она на многое стала смотреть совершенно иначе. Самой значительной переоценке подверглись взаимоотношения с Тиной. Если раньше девочке казалось, что она ненавидит мать, то сейчас она нашла в себе силы признаться самой себе, что ей было обидно, почему мать почти совсем не уделяет ей внимания. Следом пришло раскаяние, сменившееся чувством вины. Катя корила себя за то, что так жестоко и дерзко вела себя с матерью. Будь у них теплые отношения, возможно, все сложилось бы иначе, и Тина осталась бы жива.

Не меньше мучил Катю и другой вопрос — что творится у них в доме после ее отъезда? Что там устроили эти две ведьмы, домомучительница и ее дочка? Как назло, у Кати почти не было возможности позвонить домой. По приезде в Англию обнаружилось, что ее мобильник здесь не работает — Виолетта, случайно или нарочно, забыла съездить в офис МТС и подключить для нее роуминг. Звонить со школьного телефона ученицам разрешалось не чаще одного раза в неделю. Катя регулярно набирала домашний номер, но каждый раз попадала на Виолетту. Та дежурным голосом сообщала, что у них все хорошо, что отец занят и сейчас подойти не может, наказывала хорошо учиться и вешала трубку. Сам Стас так ни разу и не позвонил дочери, словно бы забыл о ее существовании. Катя посылала электронные письма, но на них тоже не получала ответа.

Так прошла неделя, потом две, началась третья. Первое время Катя надеялась, что сумеет привыкнуть и освоиться, но надежды ее не оправдались. Жизнь с каждым днем становилась все невыносимее.

Катя уже прокручивала в голове всевозможные планы. Ей хотелось бежать, хотелось взорвать ненавистную школу, повеситься, или симулировать серьезную болезнь, или на самом деле заболеть, чтобы ее отправили домой. Но о взрыве смешно было думать всерьез, бежать было трудно, да и некуда — дома ее, похоже, никто не ждал; больную ее просто положили бы в лазарет, даже повеситься оказалось совершенно невозможно — она никогда не была одна.

Однажды, на исходе третьей недели, когда она совсем уже отчаялась, ее наконец позвали к телефону, и Катя со всех ног бросилась к аппарату. Сердце замерло, когда она услышала голос отца:

— Катюха, привет, ты как?

У девочки ком подступил к горлу. Ей хотелось крикнуть, что плохо, просто ужасно, что у нее больше нет сил находиться здесь и она просит, умоляет сейчас же, сию минуту забрать ее домой! Но слезы душили ее, не давая вымолвить ни слова, а Стас не стал дожидаться ее ответа.

— Ну хорошо, что у тебя все нормально! — сказал он. — Очень рад. А у нас новость. Я решил кое-что изменить в своей жизни и понял, что должен поставить тебя в известность.

Катя продолжала молчать.

— Ты ведь понимаешь, что маму не вернешь, — продолжал он. — Конечно, я горюю о ней, но я еще молод, словом, я собираюсь жить с женщиной. Возможно, мы потом поженимся.

— У меня к тебе только один вопрос, — через силу произнесла Катя. — Это Виолеттина дочь или сама Виолетта?

— Виолетта? — удивился Стас. — Нет, я собираюсь жить с Анной. Но Виолетта, конечно, будет с нами. Знаешь, она мне так помогает, не представляю, как бы я жил без нее. Она стала мне настоящим другом.

Катя была не в силах развивать эту тему.

— А как там Санька? — спросила она. — Он не сильно скучает, не плачет?

— Санька? — Стас снова удивился, словно забыл, что у него есть сын. — С ним все в порядке. Ну ладно, давай прощаться, а то, насколько я знаю, у тебя время разговоров ограничено...

Катя была в шоке. Ночью, ворочаясь в постели, она вновь перебирала в памяти историю появления этих женщин в доме. Как им

удалось в столь короткий срок приобрести такую власть над ее отцом? Может, они правда колдуньи, и в том, что говорила Марьяна, есть доля истины. Но Катя не разделяла увлечения своей старшей подруги, а к их совместным спиритическим сеансам относилась как к забавной игре.

Нет, никакие они не колдуньи, просто ушлые и хитрые бабы! Нужно отдать должное Виолетте, она все проделала очень ловко. Втерлась в их семью, используя Марьяну, притворялась с Сашурой, дружила с Тиной, пела дифирамбы Стасу. Катя чувствовала фальшь домомучительницы, но не стала бить тревогу, а после того обыска у нее в комнате, когда родители отказались уволить гувернантку, быстро сдалась. Эх, знала бы она, чем все это кончится...

Свое истинное лицо Виолетта показала после Тининой смерти. Выгнала Витька, к которому придралась просто так. Да плевать ей было на Катю! Девочка усмехнулась. Влюбиться в Витька! Просто смешно. Он, конечно, милый, славный, как плюшевая игрушка, но уж на другого Виктора, на Цоя, совсем не похож! Где-то Витек-охранник теперь, что делает? А Галина Ивановна, нашла ли она работу? Ведь у нее дочь одна растит детей, муж ее бросил, алиментов не платит. Как они теперь живут?

Какая же все-таки стерва эта Виолетта! Лицемерная, хитрая, жадная тварь! Сразу после похорон вперлась в Тинину комнату, взяла ее украшения и одежду. Наверняка и деньги забрала. Катя мысленно вернулась в Виолеттину комнату, какой увидела ее тогда, после похорон. Мутное старое зеркало чуть не во всю стену, повсюду уродливые хрустальные пепельницы. Девочка вспоминала, как заглянула в шкатулку и обнаружила там Тинины украшения — браслет-змейку, колье, кольца; как нашла в шкафу Тинино платье, а в кармане Виолеттиной куртки — ключи от ее машины и как Виолетта вошла в комнату, а Катя ей прямо в глаза сказала, что... Стоп! Девочка так и подскочила в постели и тут же испуганно замерла — как бы не проснулись соседки. Но, к счастью, все было тихо, и она вернулась к своим мыслям. Что она только что нащупала? Что-то очень важное?! Ссора с Виолеттой? Нет, не то! Браслет-змейка? Снова нет... Ах да, ключи! Ключи от машины! Тина ведь попала в аварию в собственном автомобиле. Как же ее ключи могли оказаться у Виолетты? Почему не сгорели вместе с машиной? Остались целыми и невредимыми, даже фирменный брелок «Пежо» не поцарапан!

Катю лихорадило, она куталась в тонкое одеяло, тщетно пытаясь согреться. "Такого не могло быть! — говорила она себе. — Обязательно должно найтись какое-то объяснение!" И, уже засыпая, девочка поняла, что необходимо срочно связаться с Марьяной.

Всю неделю она, к удивлению педагогов и одноклассниц, была тише воды ниже травы, Катя боялась, что в качестве наказания за какую-нибудь провинность ей не разрешат воспользоваться телефоном. Звонить лучше всего утром, так, чтобы в Москве было часов восемь. Конечно, она разбудит подругу, зато наверняка застанет ее дома.

Она никак не могла соединиться с Москвой, в трубке шуршало и потрескивало, наконец раздалась гудки, но никто не подходил к телефону. А вдруг Федоровы куда-нибудь уехали — в гости или отдыхать. Да еще Вяленая Вобла стояла над душой, черт бы ее побрал!

Но вот раздался щелчок, и родной низкий голос пропел:

— Алло!

— Яночка, это я!

— Что? Говорите громче!

— Яна, ты слышишь меня?

— Катюшка! Господи, солнышко мое, ты откуда?

— Из Англии, из школы! Прости, у меня мало времени, а мне так много нужно тебе сказать!

Вяленая Вобла еще больше выпучила глаза и, казалось, внимательно прислушивалась к разговору. Какое счастье, что она не понимает по-русски!

— Конечно, я тебя слушаю! Сейчас только выйду, чтобы Лешку не будить.

— Марьянка, ты не могла бы разыскать Виктора и узнать у него, делала ли Тина дубликат ключей от машины?

— Дубликат... ключей?

— Ну да! Понимаешь, я тут вспомнила... Уже после всего... Ну, после похорон, я залезла в комнату к домомучительнице и нашла у нее в кармане куртки ключи от Тинино «пежо». Новые, с брелком, понимаешь?

— Нет! То есть тебя понимаю, но... Как же они могли там оказаться?

— Вот и я о том же!

— Катюшка, я обязательно все узнаю! — пообещала Марьяна. — И позвоню тебе. Тебе можно позвонить?

— Только в школу. Мой мобильный здесь не работает.

— Ты хоть расскажи, как твои дела?

— Ой, Яночка, на букву «хэ», не подумай, что хорошо! Но это потом, а то на меня уже косо смотрят... Лучше скажи, как вы, как там Санька, что у нас дома?

— Мы в порядке, а у вас дома полный кошмар. Виолетта там теперь царь и бог, Стас совсем голову потерял. А про Саньку вообще ничего не могу рассказать, мы у вас теперь не бываем.

— Miss Kiriloff, your call time is up! — строго сказала Вяленая Вобла.

— Да-да! Яночка, обязательно позвони мне, слышишь?

— Конечно, конечно, позвоню! Ты там держись, прорвемся! — кричала Марьяна, но вредная воспитательница уже отключила телефон.

Распрощавшись, Катя поняла, что не сказала Марьяне свой номер, но утешила себя тем, что подруга найдет способ его узнать. И впервые за почти три недели пребывания здесь в ее сердце поселилась надежда.

На том конце провода уже давно раздавались короткие гудки, а Марьяна все еще стояла в задумчивости с трубкой в руках.

— Ничего не могу понять! — пробормотала она, возвращаясь в спальню.

— Кому не спится в ночь глухую? — поинтересовался спросонок Алексей.

— Катюшка звонила из Англии. — Марьяна поторопилась вернуться в теплую постель. Сентябрь выдался прохладным, но в квартирах еще не топили, и, стоя во время разговора босиком и в одной тонкой ночнушке, она озябла. — И вовсе никакая не ночь, девятый час скоро. Добрые люди уже завтракают.

— Восемь утра в субботу — это еще глухая ночь. Граждане России имеют конституционное право выспаться в выходной день! — заявил Леша, перевернулся на другой бок и завернулся в одеяло. — Ну и как там Катюшка? — зевнув, поинтересовался он.

— Сказала, что плохо, но распространяться не стала. И вообще наговорила каких-то странных вещей... — Марьяна сунула замерзшие ступни в ноги мужу.

— И чего сказала? А-а-ай, какие у тебя лапы леденючие!!!

— Ну, я замерзла, согрей любимую жену, не вредничай! А сказала Катя вот что: в кармане у Виолетты она нашла ключи от Тининой машины.

— Что, гувернантка тайком каталась на хозяйском автомобиле? — сонно пробормотал Леша.

— В том-то и дело, что ключи Катя нашла уже после аварии.

— Ну правильно, Виолетта там все заграбастала, она же у нас чемпионка мира по гребле под себя. Что же она, дура — такую шикарную машину врагам отдавать?

— Лешенька, проснись, какую машину? Шикарная машина вместе с Тиной сгорела в катастрофе!

— Постой-постой! — Алексей открыл глаза и удивленно поглядел на жену. — Это что же получается? Виолетта сняла копию с Тининых ключей?

— Катя говорит, что это были «родные», с фирменным брелком.

— Ну, значит, украла. Или Тина их потеряла, а домохозяйка наша. — Леша сладко, с хрустом потянулся.

— Вот Катюшка и просила разыскать Виктора, приятеля твоего, и узнать, делала ли Тина копию ключей.

— Да, надо ему позвонить... Слушай, а может, эти ключи нашли уже после аварии? Ну, в сгоревшей машине? А Виолетта их забрала?

Марьяна натянула одеяло и покачала головой:

— Не думаю! Тогда они были бы оплавленными, грязными. Виолетта не стала бы класть их в карман. Да и зачем? К тому же Катя говорит, что ключи совсем новые. И брелок цел.

— Слушай, фигня какая-то получается! — Алексей сел на постели.

— О чем я тебе и толкую! А ты не помнишь, были ли среди найденных вещей ключи от машины?

Алексей задумался, почесал лоб в том месте, где уже появились залысины:

— Нет, вроде не было! Помню, спицы были от зонтика, сапог один, куртка, цапки какие-то...

— Ну да, часики швейцарские и кулончик от Тиффани, Тина его своим талисманом считала. А обручального кольца не было. Я еще удивилась — ведь золото-то не горит!

— Ну, эта задачка легко решается! Менты прикарманили!

— Все равно странно! Кулон золотой не взяли, часы, они штуки полторы, а то и две стоят, не взяли, а колечко тонюсенькое, еще в советские времена купленное, взяли!

— Ну, может, его продать легче. То все-таки вещи оригинальные, с ними хлопот не оберешься, а кольцо — оно кольцо и есть, таких миллион. Подожди, вспомнил! Точно, не было ключей от машины, только от дома, здоровая такая связка.

— Вот и мне тоже так кажется... Может, их просто не нашли?

— Может, и не нашли. Знаешь, я, пожалуй, прямо сейчас Витьку позвоню! — Леша вылез из постели. — Где-то у меня был его номер записан. Ага, вот! Точно, этот, триста девять... Доброе утро, извините, что так рано, Виктора бу... Да, Витек, привет, это Алексей Федоров. Узнал? Жаль, богатым не буду, а хотелось бы. Слушай, у меня к тебе такой вопрос: ты не знаешь, Тина делала когда-нибудь копии ключей от своей машины? Ну, может, потеряла она их или что... Не делала? Ты уверен? Только одни? А изначально сколько их было? Так и купили с одними ключами? А-а, ясно! Слушай, а ты не помнишь, среди вещей, которые Стасу предъявляли для опознания, они были? Да, от дома я тоже помню, а от машины? Точно? Да вот, понимаешь, тут такое дело... В общем, это не телефонный разговор. Давай-ка встретимся... Ты пока дома? Лады, я перезвоню.

Он отсоединился и выразительно посмотрел на жену:

— Копий никогда не делали. И среди личных вещей для опознания ключей от машины тоже не было. Послушай, а Катька уверена, что она видела у Виолетты именно эти ключи?

— Стала бы она звонить из Англии, если бы не была уверена! Ты куда?

— За сигаретами.

— И мне принеси. Что-то мы часто с тобой стали в постели курить. Да еще натошак.

— Ладно, сейчас простительно, у нас серьезный разговор. Итак, что же получается? Получается, что Тина едет на машине, попадает в катастрофу, сторает вместе с машиной, а после этого ключи от ее автомобиля, целехонькие и новехонькие, оказываются в кармане у домомучительницы. Как это объяснить?

— Ну первое, что приходит в голову: у Тины все-таки была копия ключей.

— Исключено, Витька бы знал.

— Может, это были ключи от какого-нибудь другого «пежо»?
Окно приоткрой, пожалуйста. Только чуть-чуть.

— Ну да, у честной гувернантки в гараже целый парк машин. Одних шестьсот седьмых «пежо» десять штук. Янка, как говорят в Одессе, не делайте мне смешно!

— Значит, было два комплекта.

— Один. Они ведь брали не новую машину. Тина купила автомобиль у какой-то клиентки, потому что он ей очень понравился. Так и получили машину с одним комплектом ключей.

— Ну да, я помню эту историю. Не знаю, что и думать.

— Я пока тоже не знаю! — признался Алексей, прикуривая одну сигарету от другой. — Но есть идея, и, по-моему, неплохая.

— Какая именно, можно полюбопытствовать?

— Я хочу разобраться в этой истории. Но не один, а с помощью грамотных людей. Ты же знаешь, что Витек в детективное агентство подался? Давай-ка найдем его и его ребят, пусть они как следует разгребут эту ботву.

Конечно, в копеечку это влетит, жаба, что греха таить, душит, но...

— Лешенька, умница ты мой! — Марьяна обняла мужа и звонко расцеловала. — Ты гений! А денег не жалея, я из своих заплачу. Все равно собиралась их на эту ведьму Виолетту потратить... А так хоть как-то, хоть частично, искуплю свою вину перед Тиной.

— Марьянка, ты опять за свое?! — Алексей строго поглядел на жену. — Прекрати сейчас же! В ее гибели ты не виновата! Запомни это раз и навсегда!

— Да я не про то, Лешенька! — вздохнула Марьяна. — Конечно, я все понимаю! Господи, какой же я была идиоткой, вспомнить стыдно! Верила, что у меня какой-то дар, носилась с ним как дурень с писаной торбой. Ну подумаешь, снег в мае пошел, а я и возомнила, что это мое колдовство! Разумеется, все это ерунда — все эти заклинания, заговоры, куклы. От них Тине не могло быть никакого вреда. А вот за то, что Виолетту к ним в дом устроила, я себя корю. Чует мое сердце, без нее тут не обошлось!

— Это верно! — согласился Алексей. — Ладно, хватит валяться, труба зовет. Соорудишь чего-нибудь на завтрак, а то я жрать хочу! А я пока Витьке перезвоню, забью на сегодня стрелку.

— Лучше пригласи его к нам! — посоветовала Марьяна. — К обеду. У меня сегодня суп грибной, жаркое баранье еще со вчера осталось. А на сладкое, если хочешь, могу шарлотку испечь.

— А что? Это идея! Давненько у нас шарлотки не было! Ну давай, корми мужа быстрее, а то в расцвете лет умру с голоду!

По старой традиции, заведенной еще Марьяниной бабушкой, за едой в этом доме о делах не говорили. Но когда уже было выпито семь чашек чаю на троих, на старинном кузнецовском блюде с незабудками осталось только два куска шарлотки, а Марьяна приоткрыла форточку и поставила на стол пепельницу в виде ракушки, приглашая всех закурить, Леша не выдержал.

— Витька, ты, похоже, был прав! Действительно, что-то там не чисто со смертью Тины!

Виктор галантно поднес Марьяне зажигалку. С тех пор как у него изменился статус и из охранника он превратился в одного из руководителей детективного агентства, он даже выглядеть стал по-другому, более солидно, что ли. Пока Алексей делился с ним своими соображениями по поводу ключей от «пежо», найденных в кармане Виолеттиной куртки на другой день после похорон, он слушал и только кивал.

— В общем, так, — закончил Федоров. — Мы с Янкой решили нанять ребят из вашего агентства, чтобы вы как следует разобрались во всей этой истории. О деньгах договоримся. Может, ты нам скидку сделаешь по старой дружбе.

Ладно, шучу. Ну что, согласен?

— В принципе да. Только ты поточнее задачу определи. Чего именно ты от нас хочешь?

— Гм? Трудно, но попробую.

— И еще. Не возражаете, если я диктофон включу?

Алексей и Марьяна одновременно кивнули.

— В общем, если вкратце, то так, — сформулировал наконец Леша. — В истории с аварией и гибелью Тины Кирилловой слишком много белых пятен. Я хочу, чтобы вы с ребятами прояснили все, что

нам непонятно, и нашли бы ответы на те вопросы, на которые я сам не могу ответить.

— Это можно! — согласился Виктор.

— Итак, что мы имеем? — Алексей слегка откинулся назад, скрестил руки на груди и принялся покачиваться на стуле. — Довольно молодая и весьма обеспеченная женщина, имеющая хорошую и доходную работу, большой дом, двух детей и богатого мужа...

— Не только богатого, но и привлекательного! — вставила Марьяна.

— Хорошо! — Леша слегка нахмурился, но согласился: — Имеющая богатого и привлекательного мужа, в один злосчастный день попадает в нелепую автокатастрофу. При этом непонятно, ни куда она ехала, ни к кому, ни зачем.

— Ну почему же непонятно? — возразила Марьяна. — Она ехала к какой-то бабке, которая живет где-то под Можайском, кто-то ей эту бабку рекомендовал...

— Кто-то, как-то, где-то... Что это за разговор?

— Выходит, надо выяснить, кто мог сосватать ей эту бабку? — задумалась Марьяна. — Надо как следует порасспросить общих знакомых. И знаете, что странно: почему она, решив, что на нее наводят порчу, ничего не сказала мне? Вроде я лучше других в этом разбираюсь.

— Вы уж не обижайтесь, Марьяна Юрьевна, — смутился новоиспеченный детектив, — но, видно, она подумала, что это именно вы и... э-э-э... колдуете.

Марьяна вспыхнула и опустила глаза.

— Итак, прежде всего надо выяснить, кто рассказал Тине о бабке, — быстро проговорил Алексей. — А во-вторых, съездить в те края, разыскать саму бабку, поговорить с ней — ну вдруг она чего знает?

— Съездить обязательно надо, — согласился Виктор. — И людей порасспросить, и место аварии как следует осмотреть. Я давно собирался, да все руки не доходили.

— Ну теперь будет повод! — улыбнулся Алексей.

— И еще! — нахмурился Виктор. — Вы ведь знаете, что в момент аварии этой нашей с вами фигурантки, Виолетты, не было дома? Вроде

бы ездила к зубному врачу, но провела там чуть не весь день. А уехали они, кстати, вместе с потерпевшей.

— Да, это подозрительно! — признал Федоров. — Стало быть, у вас еще одна задача — проверить ее алиби. Может, это как-то объяснит загадку с ключами.

— Но позвольте, мальчики! — Марьяна с изумлением переводила взгляд с одного на другого. — Вы что же, хотите сказать, что Виолетта имеет какое-то отношение к катастрофе?

Алексей и Виктор лишь пожали плечами — мол, все может быть!

— В этом деле вообще очень много странного, — сказал, помолчав, Витек. — С ключами Катюшка, скорее всего, что-то напутала. Но тут и без ключей несуразностей хватает.

— Мне все-таки очень подозрительна Виолетта! — Леша потянулся за новой сигаретой. — То, как она вела себя с самого начала, как рвалась в этот дом... Да, ты же ничего не знаешь! Янка, расскажи... Хотя нет, лучше я сам! Понимаешь, эта самая Виолетта раньше была...

И он достаточно подробно изложил детективу все, имеющее отношение к последним событиям: историю Виолетты, которую знал от общих знакомых, ситуацию, в которой его жена рекомендовала подруге новую гувернантку, и все те детали жизни Кирилловых, какие Марьяна узнавала от своей протеже. Алексей был почти полностью откровенен, правда, умолчал о планах Марьяны. Из его рассказа следовало, что Марьяной двигало просто женское любопытство и еще зависть.

Витек внимательно слушал, делая пометки в блокноте.

— Да, любопытная картинка вырисовывается! — заметил он. — Ну что же, задача на первое время ясна. Если вопросов больше нет, я, пожалуй, пойду. Надо приступать к своим обязанностям.

— Вить, а аванс ты не взял? — удивился Алексей.

— Виктор, может, еще чаю? — предложила Марьяна.

— Денежные расчеты отложим на потом! — заявил Витек. — Тут, знаешь ли, все сложно, у меня в этом деле собственный интерес есть. А вот от чаю, пожалуй, не откажусь.

— Ну и чудненько. Янка, тогда и мне налей. Как раз два куска шарлотки осталось.

Проводив Виктора и вымыв посуду, Марьяна села на телефон. Субботний вечер и все воскресенье обзванивала общих с Кирилловыми знакомых, ближних и дальних, и в процессе непринужденной болтовни пыталась выяснить, не порекомендовал ли кто-нибудь из них Тине бабку, которая может снять порчу с семьи. В результате многочасовых разговоров Марьяне удалось собрать целую кучу информации. Большая ее часть — кто у кого родился, кто на ком женился или собирается, кто с кем развелся или собирается, кто кого завел и кто кого бросил, кто кому и с кем изменяет, кто чем теперь занимается или увлекается, кто где был или куда собирается и кто что купил или продал — была, безусловно, очень интересна, но не имела никакого отношения к делу. Меньшая, но куда более важная часть информации касалась непосредственно Кирилловых. Знакомые ужасались, обсуждая страшную смерть Тины, удивлялись, почему их не позвали на похороны, и недоумевали, как это Стас, который, как и любой нормальный мужчина, конечно, не был безгрешен, но все-таки сильно любил жену, смог так быстро утешиться с другой женщиной. Доставалось в этих пересудах и Анне, и Виолетте, о которых Марьяна узнала немало такого, из-за чего еще больше утвердилась во мнении — ради выгоды эти дамочки способны на все. Выяснить удалось многое, но ни о какой бабке под Можайском никто и слыхом не слыхал.

Утром в понедельник Марьяна сделала еще один важный звонок.

— "СТК-проект", добрый день! — проворковал в трубке нежный девичий голосок.

— Девушка, здравствуйте. Соедините меня, пожалуйста, со Станиславом Алексеевичем!

— А кто его спрашивает?

— Марьяна Федорова.

— По какому вопросу?

— По личному.

— Минуточку, сейчас я узнаю...

— Алло! Привет, Янка, рад тебя слышать! — Голос у Стаса был какой-то странный, слегка заторможенный.

— Здравствуй, Стас! Как дела?

— Да спасибо, не жалуясь! У меня тут, знаешь, некоторые перемены в личной жизни...

— Собрался жениться?

— Ну вроде того... В общем, мы тут с Анной...

— Анна — это дочь Виолетты?

— Ну да.

— Что же, поздравляю! — Яна с трудом сдержалась, чтобы не съязвить, мол быстро же ты нашел замену Тине. — Я, собственно, хотела поговорить с тобой о Кате.

— Кате?

— Она мне звонила, но было плохо слышно, связь прервалась... — слегка покривила душой Марьяна. — Я только поняла, что у нее много проблем в этой новой школе.

— Да нет, ты что-то пугаешь! Все там у нее в порядке. Ну, знаешь, притирка, как это бывает первое время.

— Мне так не показалось. По-моему, ей там очень тяжело. Ты когда последний раз с ней говорил?

— Буквально на днях, может, неделю назад.

— А до этого?

— Янка, ты извини, у меня тут дел невпроворот... Ты что-то еще хотела узнать?

— Да. Скажи мне, пожалуйста, номер телефона Катинной школы.

— Слушай, я даже не знаю, где он у меня записан. Позвони домой, Летта тебе скажет.

— Стас, у меня нет никакого желания разговаривать с Виолеттой. Позвони ей сам и спроси, а я подожду.

— Ладно, через полчаса перезво...

— Нет, так не пойдет! Звони сам, сейчас и по мобильнику, а я подожду.

— Вот ведь пристала! — рассмеялся Стас, но в его голосе Марьяна уловила горечь. — Ладно, я его нашел, пока мы тут с тобой болтали. Записывай...

В тот же понедельник, ближе к вечеру, в квартире Федоровых в Кривоарбатском переулке вновь появился Виктор. Алексей недавно пришел с работы, в радостном предвкушении уселся за стол и только поднес ко рту вилку с первым куском дымящейся отбивной, когда зазвонил мобильный.

— Господи, ну кто же это так не вовремя?! — возмутилась Марьяна. — Скажи, что перезвонишь.

— Это Витька! — сообщил Леша, кинув быстрый взгляд на экран. — Да, Витек, слушаю тебя. Да, конечно. Давай, ждем! — Он отсоединился и вопросительно взглянул на жену: — Витька сказал, что у него для нас новости. Он где-то в центре, недалеко, ну я и пригласил его, ничего?

— Все в порядке! — спешно заверила Марьяна, а сама устремилась к плите и заглянула под крышки. Действительно, все в порядке. И отбивных, и жареной картошки, и грибов в сметане — всего достаточно. А салат можно новый пострругать, благо овощей полон холодильник.

Виктор приехал минут через двадцать и выглядел таким возбужденным, что супруги сразу поняли — его просто распирает от новостей. Волнение детектива передалось и им, и Марьяна поставила перед гостем полную тарелку всякой вкуснятины. На этот раз отложить деловые разговоры до окончания ужина им явно не удастся.

К счастью, ел Виктор быстро, жадно и с удовольствием, видимо, здорово проголодался. Федоровы терпеливо ждали. Наконец тарелка перед гостем опустела, и Леша не выдержал:

— Ну что, есть у тебя для нас что-нибудь?

— Еще как есть! — довольно улыбнулся Витек. — Только съядьте, а то упадете. Ох, спасибо, Марьяна Юрьевна, прямо от голодной смерти спасли! И до чего все вкусно!

— Может, добавки? — Московское хлебосолюство в душе хозяйки на миг пересилило любопытство. — И, пожалуйста, не зовите меня по отчеству, что еще за церемонии?! Зовите Марьяной или просто Яной.

— Хорошо, Яна! А и правда, можно еще отбивную?

— Ну конечно, можно!

— Я буду есть и рассказывать, ладно? — Виктор опять принялся за еду, но уже не так жадно, с чувством, с толком, с расстановкой. — Скажу я вам, мы столько всего нарыли, что я и сам не ожидал.

— Ну говори же, не томи! — поторопил Алексей.

— Во-первых, мы с ребятами побывали на месте аварии, — доложил детектив. — И обнаружили такую штуку. Машина так и лежит там, на дне карьера, никакая эвакуационная техника за ней не приехала, но это в принципе нормально. Странно другое. Я еще в прошлый раз это заметил... В общем, машина-то голая! Нету ни «дворников», ни зеркал, ни содержимого багажника, то есть... —

Понятно, раздели. — Леша закурил. — Но в этом тоже ничего удивительного нет. Типичная картина для нашей родимой страны, убогой и обильной.

— Согласен, раздели. — Виктор отправил в рот последний кусок отбивной и не торопясь прожевал. — Но кому, скажи на милость, понадобилось раздевать обгорелую машину? Снимать запчасти и опустошать багажник имеет смысл только до того, как она сторела. Кому нужно раскуроченное зеркало или оплавленный "дворник"?

— Мальчишки? — неуверенно предположила Марьяна, нажимая кнопку электрического чайника.

Виктор покачал головой:

— Нет, Яна, не думаю. Уж больно чисто все снято, я бы сказал, по-хозяйски.

— Интересно! — присвистнул Алексей.

— Дальше — больше. Можно я салат доем? — Витек тщательно выскреб из фарфоровой салатницы остатки овощей. — Наверху, недалеко от дороги, на опушке леса, обнаружили кое-какие странные находки. Причем не в разных местах, а в одном. Обгорелый женский бумажник, такие же куски атласа автомобильных дорог и, что самое интересное, остатки документов. Водительских прав, например, и даже паспорта.

— И можно что-то разобрать?

— Можно. Это документы Тины Сергеевны. Ясно даже без экспертизы.

— Но как же они могли туда попасть? — еще больше изумилась Яна. — Их что, ветром отнесло?

— Ветром со дна карьера? — усмехнулся Леша. — Не забывай, машина загорелась внизу, а не наверху.

— Все эти вещдоки найдены недалеко от следов костра, — подтвердил Виктор, до блеска вычищая тарелку куском хлебного мякиша. — Полное впечатление, что кто-то сложил их в кучу, покрыл еловым лапником и поджег, но не стал дожидаться, пока они прогорят до конца.

— Ничего не понимаю! Чудно все это! Вы что будете пить — чай или кофе?

А можно еще вишневый компот, сегодня сварила.

— Вот компотику с удовольствием! На чем это я остановился? А дальше еще круче! После осмотра места происшествия мы поговорили с местными, так сказать, аборигенами. И тут уж совсем непонятно получилось. Деревня Захаровка, в которую вроде бы направлялась Тина, там действительно есть. Далековато от этого места, правда, да и через карьер к ней никак не проедешь, но это ладно, может, Тина и правда заблудилась. Но вот любопытный факт: никакой бабки в Захаровке нет. Нет и отродясь не было. И во всей округе — никаких бабок. То есть бабок, конечно, полно, но никто из них не колдует.

— Вот это да! — ахнула Марьяна и даже пролила компот. — Тогда вообще непонятно, зачем Тинка туда поехала!

— Вить, кто-то из вас говорил, не помню, ты или Стас, что вроде там были какие-то свидетели, тетка, что ли, местная, которая видела Тину? — поинтересовался Алексей. — Янка, а мне компоту? Я тоже хочу!

— С этим хуже! — нахмурился Виктор. — Найти-то я их нашел, но поговорить не удалось. Увидали меня, испугались так, будто к ним привидение явилось. Беседовать отказались наотрез. Зато соседи у них оказались разговорчивые. Объяснили, что эти Верка с Колькой за бутылку готовы отца с матерью продать. И видите, какое совпадение — примерно в интересующее нас время у них вдруг деньги завелись. Больше недели гуляли, до самого первого сентября.

— Черт, вот бы узнать, кто их подкупил! — Леша смачно выплюнул вишневую косточку.

— Выясним, куда они от нас не денутся! Да вы подождите, послушайте дальше. — Виктор вынул из кармана потрепанный блокнот с улыбающейся Масяней на обложке и сверился со своими записями. — Мы, когда в отделении были и протоколы читали, я на всякий случай фамилии мальчишек запомнил, ну тех, которые якобы машину нашли.

— Якобы? — удивилась Марьяна. Она сняла крышку с банки с компотом, и мужчины одновременно пододвинули ей свои опустевшие кружки.

— В том-то и дело, что якобы! Поговорили мы с пацанами. Никакой машины они не находили, вообще в те дни на карьере не были. Потом уже, когда узнали, ясное дело, слазили. А тогда нет.

— Ничего не понимаю! — развела руками Марьяна, но Алексей замахал на нее, мол, подожди, эмоции потом. Судя по количеству исписанных листков в блокноте, детектив выложил еще далеко не все, что удалось обнаружить.

— Мы с ребятами пробрили эту аварию по милицейской сводке, — продолжал тем временем Виктор. — Благо связи остались. И что вы думаете? Нигде не числится. Ну нету ее в сводке! С начала августа по всей области не было ни одного хоть мало-мальски похожего ДТП.

Супруги уже ни о чем не спрашивали, только переглядывались.

— И последнее, вернее, почти последнее. — Виктор увлеченно вылавливал чайной ложкой вишенки из компота. — Мне все не давали покоя эти ключи, ну что Катюшка нашла. Вот я и решил сегодня навестить старое место работы.

Там кое-кто из наших ребят еще остался — Серега, Руслан, Олег. В общем, они мне шепнули, что время подходящее — хозяин на работе, Виолетта с дочкой по магазинам поехали наряды покупать, дома только Шурик с новой нянькой. Я и друзей навестил, а заодно и в комнату к домомучительнице сходил, с экскурсией, так сказать...

— Неужели нашли ключи?! — всплеснула руками Марьяна.

— Нет, ключей, ясное дело, не нашел. Если они и были, эта зараза давно от них избавилась. Но там и без ключей много чего было. Шмотки хозяйские, побрякушки — это понятно. Денег куча, ясное дело, не своих, но я опять не об этом. А нашел я, во-первых, карточку ее зубной клиники. Потом съездил туда, не поленился, и выяснил, что не было там Виолетты четырнадцатого августа. В феврале была, неделю назад дважды приезжала, а в августе — не было.

— Я так и знала! — Марьяна взволнованно закурила. — Чувствовала, что без нее не обошлось!

— Да, это, конечно, ничего не доказывает, но... — Алексей отодвинул от себя пустую кружку. — Это все?

— Практически. Осталось самое сладкое. Поглядите, Яночка, что я у нее в комнате нашел. На самом дне чемодана лежало. Вам знакома эта вещь? — Он вынул из кармана крохотный мобильный телефон.

— Это же Тинин сотовый! — ахнула Марьяна.

— Ну и что? Виолетта прибрала вместе с остальным барахлом! — не понял Алексей. — Хотя постоит! Тина что, без телефона из дома ушла?

— Да нет, как раз с ним! — возразил Виктор. — В этом и я уверен, и ребята, и Галина Ивановна, я сегодня с ней говорил. Все помнят, что, когда Тина Сергеевна уезжала, кстати в обществе Виолетты, мобильник, как всегда, висел у нее на шее.

— Ну да, она его всегда на шее носила, — согласилась Марьяна. — Раньше у нее с этим сложности были — телефон в сумочке звонит, а она не слышит. И когда появилась мода на цепочки для мобильных, она сразу его на шею нацепила.

— Вообще-то, нужен ордер на обыск, да изъять в присутствии понятых, — посетовал Виктор. — А так она скажет, мол, я не я, и рожа не моя, ничего не знаю ни про какой телефон.

— Как же быть? — поинтересовалась Марьяна. Попробовала включить телефон, но ничего не вышло.

— Что же получается? — Алексей попытался обобщить всю полученную информацию, но это оказалось нелегко. — Выходит, Тину каким-то образом заманили в эту глухомань... Наверное, обокрали. Аварию почему-то скрыли, может, ее и не было? Подстроили или и вовсе инсценировали, после того как... Слушайте, ребята! А может, Тину того... убили?

— К этому все идет! — хмуро согласился Виктор. — Во всяком случае, очень на то похоже. У нас пока слишком мало данных, чтобы делать какие-то выводы.

— Господи, неужели Виолетта убила Тину? — воскликнула Марьяна. — Ужас какой!

— Она на все способна, — заметил Алексей. — Та еще тетка... А что, кстати, о ней в доме говорят?

— Да ничего хорошего! — усмехнулся Виктор. — Стонет народ, эти дамочки всех там держат в ежовых рукавицах. А кое-кто даже утверждает, что у домомучительницы с головой не все в порядке. Сама с собой разговаривает. Светка, горничная, клянется-божится, что сама видела, как из окна ее комнаты в семь утра мыльные пузыри вылетали.

— Да, интересная картинка вырисовывается... — поскреб залысину Алексей. — Что же вы с ребятами дальше собираетесь делать?

— Надо все-таки свидетелей этих деревенских потрясти, — поделился планами Виктор. — В морг съездить, с людьми

перетереть... И за местных ментов как следует взяться. Ясно, что это они все дело обтяпали.

— Только ты осторожнее, ладно? — попросил Алексей.

Виктор только плечами пожал, мол, не извольте беспокоиться, мы свою работу знаем.

— Да, мальчики, а теперь еще одно, очень важное! — включилась в разговор Марьяна. — Катюшке надо срочно помочь. Вытащить ее как-нибудь из этой проклятой школы. Я ей звонила сегодня и такое услышала! Сейчас расскажу...

О том, чтобы официальным путем забрать Катю из школы, не могло быть и речи. Алексей и Марьяна проявили чудеса изобретательности, выдумывая всевозможные способы, как тайно вывезти девочку из Англии, предлагали использовать подложные письма, телефонные звонки от мнимых родственников и даже поездку с инсценировкой, в которой они должны были выдать себя за ее родителей. Но все решилось совсем иначе. Новые сведения, полученные детективным агентством, не оставляли никаких сомнений в том, что совершено преступление. Пора было передавать дело в милицию, и Виктор, используя старые знакомства, добился отправки в Англию официального требования на настоящем бланке. Составленное по всем требованиям письмо, сообщавшее, что "в связи с открывшимися ранее неизвестными обстоятельствами смерти матери Кате Кирилловой надлежит незамедлительно прибыть в Москву", в школе сомнений не вызвало. Девочку повели к директорше, сообщили новость и разрешили позвонить прямо из ее кабинета. Катя поговорила с Марьяной, и та, на правах подруги матери, уладила с руководством школы все вопросы об отъезде и дороге.

Через три дня счастливая Катя уже мчалась из Шереметьево-2 по Ленинградскому шоссе в стареньком федоровском «ауди», прижималась к сидящей рядом Марьяне и умилялась, глядя в окно: Господи, как же хорошо дома! Уютно так, грязненько, мусор такой миленький везде валяется! Знала бы ты, Янка, как мне опротивели эти газоны, эти лужайки, эти деревья стриженные! Вспоминать не хочется!

— Да ладно тебе! — поддразнивал ее Алексей. — Чуть больше месяца там провела — и уже надоело?!

— Знаешь, мне этот месяц вечностью показался! — серьезно ответила Катя.

Приехав к Федоровым, она первым делом заперлась в ванной и часа два пролежала в ароматной пене. И только смыв, как выразился Алексей, "все туманы Альбиона", почувствовала себя человеком. Сидя в уютной, сплошь отделанной деревом кухне, Катя куталась в длинный халат Марьяны, а подруга суетилась вокруг нее:

— Кушать будешь? У меня лапша есть, домашняя?

— Буду! — отвечала Катя. — Тыщу лет настоящего первого не ела! То, что у них там супом называется — это кошмар какой-то: каша протертая, жидкая... Гадость ужасная, хуже овсянки!

— Сейчас подогрею! Хлеб будешь?

— Обязательно! Черного, и побольше! Да, и белого тоже.

— Может, еще селедку?

— Ой, селедка!

— Господи, бедный ребенок, до чего тебя довели! — растрогался Алексей, Марьяна чуть не плакала, глядя, как девочка уписывает за обе щеки.

— А ведь уезжала — такой малоежкой была! И все капризничала: это не хочу, то не люблю.

Кате постелили на диване в той комнате, которая так и не стала детской, и Марьяна дважды вставала ночью, чтобы посмотреть, как она спит, поправить одеяло.

Утром Алексей даже на работу не поехал. В ожидании приезда Витька все трое уселись в гостиной — им предстоял долгий и серьезный разговор.

— Видишь ли, Катюшка, — начала Марьяна, опустив глаза и теребя бахрому домашней накидки, — нам сейчас придется рассказать тебе много неприятных вещей. Очень неприятных. Ты уж приготовься, пожалуйста!

— Мы с Янкой тут поговорили, — включился в разговор куривший у форточки Леша, — и решили, что надо рассказать тебе все как есть. Ты уже взрослый и сильный человек, и...

— Да, я понимаю. — Катя с ногами забралась на диван и перебирала разбросанные по нему разноцветные подушки. — Вы ведь хотите сказать, что Тину убили, да?

— Откуда ты?... — Алексей поперхнулся дымом.

— Догадалась... — Катя держала в руках подушку, изображавшую зайца, и пыталась завязать ему уши.

— Нет, милая, об убийстве говорить пока рано! — заверила девочку Марьяна, усаживаясь с ней рядом. — Понимаешь, это долгая история.

Подробности мы тебе расскажем потом, Витя не все еще выяснил. Но вот вкратце: женщина, которую похоронили, вовсе не твоя мама.

— Как это? — У Кати округлились глаза.

— Понимаешь, солнышко, никакой аварии на самом деле не было! — принялся объяснять Алексей. — Витек с ребятами разузнали, что все подстроила Виолетта. Наняла милиционеров, они столкнули Тинину машину в карьер и сожгли. Но в машине никого не было! А тело привезли потом и выдали за тело Тины.

— Ничего не понимаю! Какое тело, откуда привезли?

— Из крематория. Виктор и его ребята говорили с сотрудниками морга, ну того, при сельской больнице, куда должны были привезти Тину после аварии.

Не знаю уж, что они сделали, подкупили санитаров или напугали... Но те рассказали нашим, что тело этой неизвестной женщины было доставлено к ним не с места происшествия, а из московского крематория. То есть это был давно умерший человек, понимаешь? А не жертва аварии! — Марьяна не выдержала и потянулась за сигаретой.

— И никаких вещей при этом теле, конечно, не было! — подхватил Леша. — Их передала милиционерам Виолетта. Теперь понятно, откуда взялись ключи от машины, о которых ты спрашивала по телефону, и мобильник...

— Какой мобильник? — не поняла Катя.

— Ах да! — Марьяна поднялась, подошла к шкафу и вытащила из-под стопки белья сотовый телефон. — Вот посмотри. Я его зарядила. Ты случайно не помнишь мамин пин-код?

— Помню. Там такие же цифры, как в номере моей школы, только в другом порядке. — Катя нажала на несколько кнопок, и цветной экран телефона засветился. — Да, это точно мобильник Тины! Где вы его нашли?

— Там же, где ты нашла ключи — в вещах Виолетты.

— Господи, какая же она гадина! — Катя в сердцах отшвырнула подушку.

Марьяна обняла девочку и ласково прижала к себе.

— И что теперь будет? — помолчав, спросила Катя.

— Виктор с друзьями сделали все, что могли, — отвечал Алексей. — Теперь дело за милицией. Хорошо бы заявление написал Стас. Только вряд ли он согласится.

В дверь позвонили, Марьяна поспешила открыть и вскоре вернулась в сопровождении Витька.

— Витька! — взвизгнула Катя и повисла у него на шее. — Как же я рада тебя видеть! — Она звонко расцеловала друга в гладковыбритые щеки, потом огляделась, изобразив испуг: — Виолетты тут нет? Никто меня в сексуальных домогательствах не обвинит?

Мужчины расхохотались, а Марьяна с облегчением вздохнула:

— Ну слава тебе господи, узнаю прежнюю Катю Кириллову.

— Я только одного не могу понять, — сказала Катя, не выпуская руки Виктора. — Если вместо Тины похоронили кого-то другого, то куда дели Тину? Значит, есть надежда, что она жива?

— Скорее всего, да! — подтвердил Витек. — Иначе зачем огород городить? Машина ее, тело ее — и вся недолга!

— Где же тогда Тина?

Все переглянулись, а Витек нерешительно проговорил:

— Это может знать только один человек...

— Так надо заставить ее признаться! — решительно заявила Катя. — Вряд ли она на это пойдет! — усомнился Алексей.

— Ничего, в милиции расколется! — пообещал Виктор. — Ей недолго на свободе гулять.

— А папа? — спросила вдруг Катя. — Что будет с ним?

Этот вопрос интересовал всех, но никто не знал ответа.

— Нужно немедленно ехать к папе и рассказать ему все как есть! — твердо сказала Катя.

Марьяна, Леша и Виктор снова переглянулись.

— Думаешь, мы сумеем его убедить?

— Сумеем. Обязательно сумеем! — заверила Катя.

Разгорелся спор. Марьяна решительно поддержала свою юную подругу, Виктор, поколебавшись, тоже принял их сторону. Труднее всего было убедить Лешу, но и он в конце концов сдался.

— Ладно, убедили. Попытка не пытка. Когда поедем?

— Да прямо сейчас! — взглянула на часы Катя. — Только вот что, дайте мне сигарету.

— Ты все-таки стала курить! — расстроилась Марьяна.

— Да нет же! — отмахнулась девочка. — Я же тебе говорила, что бросила год назад. Просто у вас тут рядом, совсем в двух шагах, "Стена Цоя". Нельзя не почтить память великого человека!

— А сигарета при чем?

— Господи, до чего же дремучие! Ритуал есть такой. Надо разломить сигарету и положить в специальное место у стены. Идемте покажу!

Новая секретарша генерального директора «СТК-проект», опытная, но не слишком молодая и отнюдь не привлекательная (длинные руки Виолетты дотянулись уже и сюда) с изумлением взирала на странную делегацию.

— Чем могу помочь? — поинтересовалась она

— Нам нужно к Кириллову! — решительно заявила Катя.

— По какому вопросу?

— По такому, что я его дочь! — Катя уже пересекла приемную и была у самой двери.

Остальные двигались за ней, но не столь уверенно.

— Боюсь, вы не сможете с ним поговорить! — попыталась остановить их секретарша.

— Почему? — обернулась Катя. — Его что, нет?

— Пока на месте, но с минуты на минуту должен уехать на объект. А, вот он! Станислав Але...

— Катя? — Стас изумленно вытаращился на дочь. — Почему ты здесь? Ты же должна быть в Англии! И вы... все. Что вы тут делаете?

— Стас, надо поговорить, — выступил вперед Алексей.

— Но мне сейчас некогда, я должен ехать!

— Это очень важно, папа!

— Ну хорошо! — Стас взглянул на часы. — Пять минут, не больше. Что вы хотите?

— Может, пригласишь нас войти? — поинтересовалась Марьяна. — Или так и будем общаться — на ходу и в предбаннике?

Стас пожал плечами, но в кабинет вернулся, и остальные прошли за ним. Однако он не вернулся на свое директорское место, пристроился в середине комнаты на одном из кресел для посетителей. Катя и Федоровы последовали его примеру, Витек скромно опустился на стул у двери.

— Итак, что вам нужно? — нетерпеливо повторил Стас. — И этого, — он кивнул на Виктора, — зачем привели? Или он теперь у тебя, Леха, охранником служит?

— Виктор служит в детективном агентстве, — спокойно объяснил Алексей. — И владеет информацией, которая тебя, Стас, касается напрямую.

— Вот как? И что же это, позвольте узнать, за информация?

— А можно, я сначала скажу? — вклинилась в разговор Катя, вынула из кармана мобильник и положила на стол перед отцом: — Узнаешь?

— Ну да. — Стас взял вещицу в руки. — Похожий был у Тины. И что?

— Это он и есть, папа.

— Что за вздор! — Стас оттолкнул от себя аппарат. — Этого не может быть! Тинин телефон сгорел вместе с остальными вещами.

— Но тут пин-код подходит! — возмутилась Марьяна.

Алексей положил ладонь на ее руку, словно просил помолчать.

— Ну и что? Мало ли совпадений! У вас все? А то мне ехать надо. — Стас поднялся и двинулся к двери. — Не задерживайте меня! А ты, Катя...

Но Катя его не слушала. Она быстро нажала на маленьком серебристом аппарате несколько кнопок, и через полминуты все услышали голос Тины, звучащий чуть приглушенно, но весело и даже слегка игриво:

— Стас, это я! Стас, возьми трубку!

Алексей ахнул, Марьяна вскрикнула и подняла руку, будто хотела перекреститься. Даже Витек вздрогнул, а Стас побелел как полотно, схватившись за карман пиджака. Одна только Катя оставалась спокойной.

— Пап, это я тебе звоню! С этого телефона! Я же помню, что Тина записала тебе на сотовый свой голос!

— Тьфу ты черт! — облегченно вздохнул Алексей.

Стас вынул из кармана мобильник, действительно повторявший эти фразы.

Катя нажала кнопку отключения.

— Откуда у вас ее телефон? — глухо спросил Стас.

— Это долгий разговор, — отвечал Алексей.

— Ладно, черт с вами! — Стас выглянул в коридор. — Марина Андреевна, позвоните госпоже Тетеркиной, скажите, что я задерживаюсь! Ну давайте колитесь! Где вы его взяли?

Все переглянулись. Самой смелой оказалась Катя:

— Папа, телефон нашли в комнате Виолетты. И не только телефон. Там были и ключи от Тининой машины. Ведь ты помнишь, что среди вещей, которые предъявляли для опознания, ключей от машины не было? Это потому, что они лежали в кармане у Виолетты.

— Что за чушь! — Стас поднялся и нервно заходил по кабинету. — Что ты городишь? Откуда это все может быть у нее?

— Папа, — тихо и очень убедительно отвечала Катя. — Тина не попадала в автокатастрофу. Никакой аварии вообще не было. Это все подстроила Виолетта, чтобы завладеть нашим домом, твоими деньгами... и тобой.

— Замолчи! — вскрикнул Стас. — Не смей плохо говорить о Виолетте, понятно?! Она чудесная женщина, мать Анны, я прекрасно к ней отношусь и не хочу слышать ни одного дурного слова о ней!

— А я кто, папа? — чуть не плача спросила Катя. — Она чудесная женщина и твой друг. А я кто? Я что, тебе больше не дочь?

Стас, снова метнувшийся к двери, замер на пороге. Пожал плечами, но опять вернулся, подошел к девочке:

— Ну ладно тебе, Кать! Ты же знаешь, что я тебя очень люблю.

Катя подняла на него глаза, полные слез:

— Если любишь, выполни мою просьбу!

— Говори, что ты хочешь?

— Удели нам, пожалуйста, десять минут. Сядь и выслушай Витю. А потом решишь, кому верить — всем нам или Виолетте.

— Ладно, я готов. — Стас нехотя опустился на стул.

Виктор торопливо вынул папку с документами. Он говорил четко, без излишних подробностей, но на сухой отчет и демонстрацию всевозможных фотографий, бумаг и заключений ушло не менее четверти часа. Сначала Стас слушал молча, недоверчиво, потом стал задавать вопросы. К концу рассказа он вновь замолчал, сник, плечи его безвольно опустились.

Виктор закончил. Собравшиеся с тревогой смотрели на Стаса. Он вздохнул, закрыл лицо ладонями.

— Черт знает что! — пробормотал он. — Такое чувство, что я был под гипнозом или под наркотиком... Как я мог не понять, не заметить...

Катька! — Он подошел к дочери, опустился на колени и зарылся лицом в ее косуху. — Прости меня, малыш. Я вел себя как свинья.

— Да ладно, пап, проехали! — Катя легко взъерошила его волосы.

— И ты, Виктор, — подошел он к бывшему охраннику. — Прости меня, пожалуйста.

— Да ладно, чего уж там! Мир! — Охранник протянул руку, Стас пожал ее, привлек парня к себе, они обнялись.

— Я только одного не понял. — Стас обвел глазами друзей. — А Тина, с Тиной-то что?

— А этого, папа, никто не сможет сказать, кроме Виолетты, — ответила за всех Катя.

Стас тотчас сорвался с места:

— Ну так поехали, чего ж мы сидим?

— Куда? — не поняла Марьяна.

— Как это куда? Домой, к ним! Уж я с ней поговорю! Уж она мне все расскажет как миленькая! Какая же все-таки она тварь!

Дорога из центра на Рублевку через московские пробки была неблизкой.

Стас успел расспросить дочь о ее житье-бытье в Англии, хватался за голову, сокрушался, каялся:

— Господи, Катька, я так виноват перед тобой, мне нет прощения! Скажи, что я могу для тебя сделать? Проси, что хочешь!

Катя невесело засмеялась:

— Знаешь, пап, я так давно мечтала услышать от тебя эти слова! — призналась девочка. — Лет, наверное, с восьми.

— И о чем же ты хотела попросить меня все эти годы? — Он обнял дочь, она прильнула к нему.

— Раньше я сказала бы тебе — женись на Марьяне, пусть она будет моей мамой!

— Вот оно что! — присвистнул Стас.

— Но теперь уже так не скажу! — успокоила его Катя.

— Вот как? Чего сейчас хочешь?

Катя взглянула на него, и Стас изумился тому, как изменилась дочь за какой-то месяц. Выражение лица у нее было совсем взрослым.

— Я хочу, чтобы мы нашли Тину! — тихо проговорила она.

В приоткрытое окно влетел красный кленовый лист и тихо спланировал на пол к ногам Старухи.

— Люблю осень! — сказала она, наклонилась и подняла листок.

Но Виолетта, причесывавшаяся перед зеркалом, только помотала головой:

— Дура ты! Ничего не понимаешь! Это не осень, это лето. Мое бабье лето. Вот оно наконец и пришло.

— Ты так думаешь? — Старуха распахнула окно во всю ширь и выглянула в золотой сад. — Эх, красота-то какая!

— Ну конечно! — Виолетта самодовольно подмигнула зеркалу. — Посмотри, как я молода и хороша. И почти всем довольна, почти всего добилась. Мне не хватает только одного.

— Чего именно? — ехидно поинтересовалась Старуха. Она взмахнула руками, и, вторя ее движению, по саду пролетел порыв ветра, зашелестел багряными и желтыми листьями, сорвал их, закружил над землей.

— Будто ты не знаешь? — улыбнулась Виолетта. — Я хочу стать женой Стаса. Для Аньки он слишком хорош. Она его просто не заслужила!

— Думаешь, у тебя получится? — вкрадчиво спросила Старуха. Тон ее уже начал раздражать Виолетту.

— А то нет! — Она подошла к стене и открыла сейф. Перебираясь из флигеля для прислуги в большой дом, Виолетта решила поселиться в бывшем кабинете Тины. Во-первых, рядом, прямо за стеной, была спальня. А во-вторых, тут находился сейф с драгоценностями.

— Ты уверена, что получится? — Старуха высунулась в окно.

— Раньше-то у меня все получалось! — Виолетта принялась доставать коробочки с украшениями, расставляла их по столам и столикам, открывала, любовалась игрой камней. Сколько же здесь добра! И все это принадлежит ей.

— Ну раньше-то я тебе помогала, — усмехнулась Старуха и выбросила кленовый лист за окно, но он полетел почему-то не вниз, а вверх.

— Да ладно воображать, я и без тебя неплохо справлялась! — Виолетта вынула изумрудное кольцо и приложила к шее.

— Ну-ну! — Старуха помахала рукой, и лист опять вернулся в комнату.

— И потом, — ты же мне будешь по-прежнему помогать! — заявила Виолетта.

Изумрудное кольцо сменила бриллиантовая брошь.

— А если не буду?

— Будешь, куда денешься!

— А вот не буду!

— Что так? — Виолетта не отнеслась к ее словам всерьез.

— Да надоела ты мне! Зазналась очень! — Старуха снова замахала руками, и снова зашумел ветер, листья разноцветным вихрем влетели в комнату, кружились под потолком, медленно опускались, ложились на столы и столики, смешиваясь с драгоценными камнями.

— Ты чего, сдурела? — возмутилась Виолетта. Никогда еще она не слыхала от Старухи подобных заявлений.

— Это ты сдурела, — захохотала Старуха, высунув длинный отвратительный язык. — Ты сдурела, сдурела, сдурела! — Продолжая смеяться, она запрыгала по комнате, закружилась, и вместе с ней вновь поднялись в воздух и закружились листья. А Старуха металась по комнате и то рассыпалась на множество одинаковых старух, то вновь собиралась в одну и безобразно хохотала, разевая беззубый рот.

— Замолчи! Прекрати, слышишь? — Разозленная Виолетта схватила одну из своих любимых пепельниц и запустила в Старуху, но попала почему-то в зеркало. По комнате со звоном полетели осколки серебряного стекла, смешиваясь с драгоценностями. Но вот блестящая круговерть утихла, и вместе с ней исчезла Старуха. Виолетта взглянула в покрытое трещинами зеркало и вдруг с ужасом увидела в нем вместо своего отражения лицо Старухи.

— Нет, нет! — в ужасе закричала она. — Это не я, не я! Я никогда не стану такой!

А комната вдруг заполнилась людьми. Тут были все — и Стас, и Катя, и Федоровы, и Виктор, и Анна, и Тина, и Яков, и Игнатъев, и Баскаков, и Клавдий, и Эдик, и даже девицы из агентства по найму гувернанток, как бишь их там... И все что-то наперебой говорили, показывая на нее, и в комнате стоял невообразимый шум, а потом вдруг наступила гробовая тишина и чей-то голос, мужской и до боли знакомый, проговорил: - Господи, да она же безумна!

В тот день выпал первый снег. Но если в Москве он падал на теплый асфальт и тут же превращался в грязное месиво под ногами, то здесь, за городом, он лег на землю чистым белым ковром, нарядил мокрые голые ветви деревьев в сверкающее кружево, и вдруг воцарилась строгая, торжественная тишина. Так же тихо и строго было и в опустевшем доме, казалось, будто и в нем выпал снег — такое вдруг все стало чужое, далекое и холодное. А ведь она уже успела сродниться со всем этим домом, со всей этой роскошью, впитать ее кожей, сделать своей! А теперь вещи точно сторонились ее, казалось, провожали неприязненным взглядом вслед и строго осаживали: уходи! ты здесь чужая!

Дом, раньше такой большой и живой, вмиг опустел. Стас был на работе, дети теперь жили у Федоровых, прислуга тоже куда-то подевалась, и, если бы не охрана у ворот, Анна подумала бы, что она тут совсем одна.

Вздрагивая от шума собственных шагов, она поднялась на второй этаж, прошла в спальню, которой после ее отъезда, казалось, никто не пользовался. Кровать была заправлена идеально, без единой морщинки, так заправляют аскетическую солдатскую койку, а не уютное супружеское ложе. Анна вздохнула. Вид этой постели вызвал в ней целый рой воспоминаний о ночах, проведенных вместе со Стасом, однако ночи эти не были бурными — даже в самые нежные минуты этот мужчина, вроде бы и любивший ее и желавший быть с ней, оставался не то чтобы холодным, а каким-то далеким и чужим. Она так и не успела насладиться его любовью. Когда они были рядом, ее не покидало чувство, которое бывает во сне, когда хочешь обнять человека, а обнимаешь пустоту. Анна еще раз вздохнула, перешла в гардеробную и принялась вынимать из шкафов свою одежду и укладывать ее в заранее приготовленные кем-то чемоданы.

Ей было от чего вздыхать. Последние полтора месяца оказались, пожалуй, самыми ужасными в ее жизни. Даже пьянство второго мужа, даже нужда в то время, пока мать была без работы и приходилось отказывать себе во всем и экономить даже на покупке глянцевого журнала, не могли сравниться с тем, что она пережила только что. А ведь начиналось все так чудесно! Они с матерью поселились в этом шикарном доме, полном прислуги и роскоши, она, Анна, стала спутницей, почти женой красивого и богатого мужчины. И вдруг все

рухнуло. Да еще мать бросила ее на произвол судьбы, оставив одну отвечать за все. Сколько же она перестрадала, сколько вытерпела разговоров и допросов, убеждая, что ничего не знает, что все было задумано и исполнено Виолеттой, а она только выполняла поручения матери. Наконец этот кошмар закончился, ей поверили и оставили в покое, заставив подписать бумажку, запрещающую покидать город. А Стас, до этой истории бывший таким нежным и заботливым, больше не хотел ее видеть. Даже не позвонил. Позвонила его секретарша, строгим голосом попросила приехать и забрать вещи в рабочее время, пока его нет, потому что Станислав Алексеевич не хочет с ней встречаться.

Вещей оказалось неожиданно много — и то хорошо! Анна порядком устала, но не присела отдохнуть, а перешла в соседнюю комнату, бывшую сначала кабинетом Тины, а потом ставшую спальней Виолетты. Эта комната встретила ее разбитым старинным зеркалом и маминими пепельницами, показавшимися вдруг совсем не уродливыми, а, напротив, такими милыми, что Анна решила, вернувшись домой, снова расставить их повсюду — как мама. "Эх мама, мама, как же ты так!" Виолетта лежала в городской психиатрической больнице, но Анна помнила, что у матери был близкий друг, врач, владелец собственной частной клиники, Яков, кажется, Белецкий или Белявский. Обязательно нужно разыскать записную книжку Виолетты, найти телефон и позвонить ему. Конечно, лечение в такой клинике очень дорого, но, может, он не откажется принять старую знакомую просто так, бесплатно. Ведь денег у Анны теперь нет. И будущего нет. И как жить — вообще непонятно.

— Что же мне теперь делать? — спросила она у треснутого зеркала и осторожно дотронулась до него рукой. Зеркало закачалось, отражение в нем задрожало, и Анна, к своему ужасу, вдруг явственно увидела в нем безобразную Старуху, стоящую у нее за спиной. Анна в испуге обернулась — комната была пуста. "Показалось!" — с облегчением вздохнула она, перевела взгляд на зеркало — и снова увидела Старуху. Анна громко вскрикнула, и вопль ее эхом разнесся по пустому дому. Она хотела бежать, но ноги точно приросли к полу.

Старуха раскрыла отвратительный беззубый рот.

— Ну чего орешь? — прошамкала она, Анна отчетливо слышала ее глуховатый голос. — Не бойся. Привыкай ко мне!

— Кто ты? — с трудом выдавила из себя Анна, и Старуха засмеялась в ответ мелким резким смехом, точно закашлялась. — Ишь ты какая приткая! Не торопись, еще узнаешь. Я тебе потом все расскажу. У нас еще будет время поговорить. Мно-о-о-го времени!

Где она была и сколько времени здесь находилась, Тина так и не смогла понять. Она то спала, то пребывала в каком-то странном вязком полусне и лишь изредка приходила в себя и видела вокруг странную белую комнату без окон, с мягкими стенами, где постоянно было светло. Сначала, в краткие минуты сознания, она пыталась кричать и хотела вырваться отсюда, но рядом тотчас появлялись огромные мужчины и причиняли ей невыносимую боль, после чего Тина вновь проваливалась в сон. И тогда она поняла, что надо вести себя тихо, и к ней стала приходить женщина с круглым белым лицом и добрыми, мягкими руками. Она почти не причиняла боли, а только вкладывала в рот таблетки, а потом Тина узнала, что если не глотать эти таблетки, а прятать во рту и выплевывать после ухода белой женщины, то скоро сознание опять ненадолго вернется к ней. Вскоре она стала кое-что соображать и даже поняла, что находится в больнице, но так и не могла вспомнить, чем она больна и почему здесь оказалась. Тина заплакала и, заплакав, уснула, и ей приснился сон — впервые за все время пребывания здесь.

Ей снился ее дом, большой и уютный, который она построила своими руками, снилась ее семья: муж Стас, и дочь Катя, и сын Сашура, и гувернантка сына Виолетта. И всем им было весело, они смеялись, бегали по большому дому и играли в прятки. А Тина никак не могла найти, куда бы спрятаться, и в конце концов забрела в какую-то незнакомую комнату, которая вдруг оказалась страшной, белой и без окон. Она хотела убежать, но никак не могла найти дверь и стала звать на помощь. Вдруг появилась Виолетта. Тина сначала обрадовалась и стала попросить вывести ее отсюда, но Виолетта вдруг захохотала жутким смехом.

— Ты никогда отсюда не выйдешь! — кричала она. — Теперь я буду жить в твоём доме, носить твою одежду и спать в твоей постели!

И Тина бросилась на Виолетту, но та почему-то оказалась не Виолеттой, а Анной, ее дочерью, а Анна вдруг превратилась в какую-то старуху, безобразную и до того страшную, что Тина закричала от ужаса. И тогда в комнате появилась Катя. Она взяла мать за руку,

спокойно сказала: "Пойдем отсюда!" — и повела прочь из жуткой комнаты и вывела на улицу. А там было синее небо, зеленая листва и много-много цветов в траве. Тина хотела сорвать цветок, чтобы отдать его Кате, но та отвернулась от нее и быстро пошла в лес по тропинке, и Тина вдруг поняла, что дочь уходит от нее навсегда. Она побежала за ней, никак не могла догнать, очень боялась, что так и не догонит, но догнала, взяла за руку и стала умолять остаться с ней.

— Катя, прости меня! — говорила Тина. — Я только сейчас, только здесь поняла, как виновата перед тобой. Но я так наказана за это!

И Катя сначала хмурилась, а потом улыбнулась и сказала:

— Да ладно, мама, проехали!

И Тина не поверила своим ушам:

— Как ты меня назвала?

— Мама! — повторила Катя, и Тина снова заплакала и никак не могла остановиться, слезы туманили глаза и мешали видеть, а вокруг снова были мягкие белые стены, и круглое белое лицо склонилось над ней и ласково повторяло:

— Ну тихо, тихо!

И Тина шепотом стала рассказывать белому лицу, что видела дочь, та пришла за ней, назвала мамой и увела отсюда, а лицо отвечало:

— Вот и славно. Сегодня пятница, а с четверга на пятницу сны сбываются. Может, и правда дочка придет. Только ты не плачь. А я тебе сейчас укольчик сделаю...

Содержание

[Олег Рой Дом без выхода](#)

[ЧАСТЬ 1](#)

[ЧАСТЬ 2](#)

[ЧАСТЬ 3](#)

[ЧАСТЬ 4](#)